

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2

Выпуск (883)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

2
Issue (883)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 2 (883)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

Зам. главного редактора
Е. И. КАРПЕНКО

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (НИУ МЭИ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 2 (883)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief

GALINA G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

Deputy Chief Editor

ELENA I. KARPENKO

PhD in Philology

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Gainin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPEI)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmirina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тактики мелодической конвергенции в естественном общении носителей британского варианта английского языка

АБДУЛЛИНА Р. Э. 9

Принцип экономии речевых усилий в современном английском языке
(на примере речи молодых британцев)

БЕЗБОРОВА М. В. 16

Речевые тактики стратегии саморепрезентации в институциональной коммуникации
(на материале выступлений на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН)

БОЧАРОВ Е. В. 22

Фонологический статус r-sandhi

БУРАЯ Е. А. 28

Фонетические стратегии речевого воздействия в британской рекламе

ДЕМИНА М. А. 34

Юридический перевод в поликультурном мире: социально-прагматический
и лингвокультурологический аспекты

ДУМИНА Е. В. 41

Регионы Испании: защита миноритарных языков и их культуры

ЕВДОКИМОВА А. А., ГРИНИНА Е. А. 48

Лингвопрагматический потенциал заголовков календарей Сухопутных войск Италии

ЗОТОВА С. В. 54

Полилингвальная составляющая артланга на примере языка миньонов

КУЛИКОВА К. С. 60

Лексические средства метаязыка нарратива

ЛЕОН О. В. 66

Факторы конфликтности студенческого дискурса в условиях поликультурного образования

МОИСЕЕНКО Л. В., ВИКУЛИНА М. А. 73

О вербальной, пара- и экстравербальной коммуникации (восприятие американского и британского вариантов английского языка носителями русского языка). Часть 1

ПОТАПОВА Р. К., ПОТАПОВ В. В. 80

Жесты в документальном и игровом кино на примере кинематографа вишистской Франции

СМИРНОВА Е. Е. 88

СОДЕРЖАНИЕ

Семантико-синтаксические особенности предложений со сравнительным маркером <i>like</i> в современном английском языке СМИРНОВА Л. А.	93
Фонологические особенности нижненемецкого диалекта Plattdeutsch СОКОЛОВА Г. А.	101
Просодические параметры англоязычного и немецкоязычного политического дискурса в аспекте воздействия на аудиторию СОКОРЕВА Т. В.	107
Роль гендерного фактора в корреляции просодических и невербальных средств в английском политическом дискурсе ЦИБУЛЯ Н. Б., ЯКОВЛЕВА Т. О.	114
Специфика британской молодежной диалектной мелодики (эксперимент «Задание по карте» в г. Глазго) ШЕВЧЕНКО Т. И., ЧУБАРОВА М. А.	120
Виды латинских заимствований в юридической лексике английского языка ЮСЕВА Ю. В.	126

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Советская рецепция западного неоавангарда: «Новый роман» и «Группа 63» в советской прессе ГОЛУБЦОВА А. В.	133
Хронологическая структура романов «Роквиллары» А. Бордо и «Огонь» А. Барбюса ЦАРЕВА А. В.	143

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Художественное образование как механизм социализации и инкультурации в современной России ГЕТМАНЕНКО А. О.	150
«Я тебе сватаю большой талант»: творческие связи Александра Зилоти и Михаила Гнесина (к юбилею музыкантов) ГОРОБЕЦ С. В.	156

LINGUISTICS

Tactics of Pitch Convergence in Natural British English Conversation ABDULLINA R. E.	9
The Principle of Least Speech Effort in British English (based on youth speech) BEZBORODOVA M. V.	16
Speech Tactics of Self-presentation Strategy in Institutional Communication (Based on the Speeches of the 73rd Session of the UN General Assembly) BOCHAROV YE. V.	22
Phonological status of r-sandhi BURAYA E. A.	28
Phonetic Strategies of Speech Impact in British Advertising DEMINA M. A.	34
Legal Translation in a Multicultural World: Sociopragmatic and Linguocultural Aspects DUMINA E. V.	41
The Regions of Spain: the Protection of Minority Languages and Their Culture EVDOKIMOVA A. A., GRININA E. A.	48
Lingua-Pragmatic Potential of Headings of the Italian Ground Forces' Yearbooks ZOTOVA S. V.	54
Multilingual Component of Conlang on the Example of Minionese KULIKOVA X. S.	60
Lexical Constituents of the Metalanguage of Narrative LEON O. V.	66
Conflictogenity Factors of the Student Discourse in the Multicultural Education Environment MOISEENKO L. V., VIKULINA M. A.	73
On Verbal, Para- and Extraverbal Communication (perception of American English and British English by Russian subjects). Part 1 POTAPOVA R. K., POTAPOV V. V.	80
Gestures in Documentary and Fictional Film in Cinema of Vichy France SMIRNOVA E. E.	88
Semantic and Syntactic Peculiarities of Sentences with the Comparative Marker Like in Modern English SMIRNOVA L. A.	93

CONTENTS

Phonological Features of Plattdeutsch SOKOLOVA G. A.	101
Prosodic Characteristics in English and German Political Discourse as a Means of Influencing the Audience SOKOREVA T. V.	107
Correlation between Prosodic and Nonverbal Means of Communication in Political Discourse (gender study) TSIBULYA N. B., IAKOVLEVA T. O.	114
Specific Features of British Young Speakers' Dialectal Pitch Patterns (‘Map-task’ experiment in Glasgow) SHEVCHENKO T. I., CHUBAROVA M. A.	120
Types of Latin Loanwords and Expressions in the Legal Vocabulary of the English Language YUSEVA YU. V.	126

LITERARY STUDIES

Soviet Reception of Western Neo-Avant-Garde: the Nouveau Roman and Group 63 GOLUBTSOVA A. V.	133
Chronotopic Structure of the Novels «Les Roquevillard» by A. Bordeaux and «Le Feu» by A. Barbusse TSAREVA A. V.	143

CULTUROLOGY

Art Education as a Mechanism of Socialization and Inculturation in Modern Russia GETMANENKO A. O.	150
“I’m wooing a great talent for you”: Creative Connections of Alexander Ziloti and Mikhail Gnesin (for the anniversary of the musicians) GOROBETS S. V.	156

Тактики мелодической конвергенции в естественном общении носителей британского варианта английского языка

Р. Э. Абдуллина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
abdullinarimma@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется установление тактик конвергенции мелодических характеристик речи в процессе общения носителей британского варианта английского языка. Рассматривается просодическое оформление фоновой речи и смены коммуникативного хода, выявляется частотное и интонационное сближение реплик собеседников. Результаты слухового и акустического анализа свидетельствуют о том, что в процессе общения коммуниканты применяют различные тактики конвергенции, такие как мелодическая согласованность участков фоновой речи, интонационное подражание, музыкальный интервал.

Ключевые слова: просодическая аккомодация, тактика конвергенции, имитация, смена коммуникативного хода, фоновая речь, ЧОТ, мелодический контур, интервал

Для цитирования: Абдуллина Р. Э. Тактики мелодической конвергенции в общении носителей британского варианта английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 9–15.

Original article

Tactics of Pitch Convergence in Natural British English Conversation

Rimma E. Abdullina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
abdullinarimma@gmail.com*

Abstract. The article is concerned with the convergence of pitch contours in British English natural communication. The study examines the prosodic characteristics of backchannels and turn-taking in terms of their pitch convergence. The results of the study testify to the fact that interlocutors adapt the melodic components of their speech and implement different convergence tactics in the course of interaction, i.e. pitch alignment of backchannels, synchronic intonation and musical interval.

Keywords: prosodic accommodation, convergence tactics, imitation, turn-taking, backchannel, pitch, intonation contour, interval

For citation: Abdullina, R. E. (2024). Tactics of pitch convergence in natural British English conversation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 9–15.

ВВЕДЕНИЕ

Общение играет важную роль в становлении личности человека. Являясь регулятором социальной жизни, средством установления контакта между людьми, поддержания межличностных отношений, речь организует социальную жизнь общества, позволяя ее участникам передавать и получать сообщения в форме вербальных или невербальных высказываний, обмениваться информацией.

Теория аккомодации насчитывает пятидесятилетнюю историю и направлена на изучение речевых тактик поведения в межличностном общении. Как отмечают Г. Джайлз, А. Эдвардз и Дж. Б. Уолтер (2023), теория аккомодации прагматически ориентирована на объяснение мотивов изменения характерных черт речевого поведения, присущих индивидам, а также восприятия таких изменений собеседниками и реакции на изменения речевого поведения [Giles, Edwards, Walther, 2023]. Многогранность подхода к рассматриваемым в рамках теории аккомодации аспектам, а также растущий научный интерес к невербальным характеристикам в речи привели к расширению границ исследований и вовлечению в область изучения аккомодации просодических признаков общения. В рамках данной теории исследовались высота тона и интонационный контур, а также интенсивность и темпоральные характеристики речи: М. Хельднер, Й. Эдлунд, Ю. Хиршберг (2010); М. А. Демина, Ю. В. Карташевская (2016); М. А. Демина (2021), Дж. Пардо и др. (2022). Многочисленные исследования рассматривали аккомодацию как линейный процесс, показатели которого увеличиваются в ходе речевого взаимодействия. В то же время С. Де Луз и др. (2014) в своем исследовании отмечают, что аккомодация – динамический процесс, отражающий степень вовлеченности в беседу и сигнализирующий о ее естественности [De Looze et al., 2014]. Исследователи пришли к единому мнению о том, что просодия может выступать одним из средств речевой конвергенции – базовой стратегии аккомодации, при которой происходит сближение и уподобление речевых особенностей двух и более собеседников в процессе общения либо одного из собеседников по отношению к другому. Конвергенция может затрагивать один или несколько аспектов речевого поведения, при этом процесс уподобления может быть осознанным или неосознанным [Barón Birchenall, 2023; Giles, Edwards, Walther, 2023]. Просодические аспекты речи рассматривались также в рамках исследований в области конверсационного анализа и детально изучались, в частности, Б. Щепек Рид; в своих работах автор рассматривает роль просодии в конструировании речевого взаимодействия,

а просодические средства выявляет как ресурс для ориентации собеседников в диалоге. В более поздних исследованиях автор обращается к просодической имитации как явлению, способствующему построению социального взаимодействия [Szczepek Reed, 2011; Szczepek Reed, 2020]. Просодическая имитация также изучалась в ряде работ как аккомодационный процесс, который реализуется как осознанное или неосознанное копирование определенных речевых паттернов собеседника [Bernhold, Giles, 2020; Pardo, 2022]. По мнению исследователей, имитация проявляется как немедленная реализация уподобления, при этом имитация может не приводить к увеличению сходства в ходе взаимодействия [Barón Birchenall, 2023].

Данное исследование обращается к мелодическим и частотным характеристикам речи говорящих и рассматривает просодическую аккомодацию сквозь призму музыкальной созвучности.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Экспериментальный корпус исследования составляет около 30 минут звучащей речи и включает в себя аутентичный подкаст дискуссионной программы радиостанции BBC Radio 4. В качестве информантов выступили три носителя британского варианта английского языка в возрасте от 41 до 55 лет. Корпус исследования представляет собой диалог ведущего-мужчины (M1) и двух женщин (F1, F2), приглашенных гостей программы, посвященной обсуждению профессиональных вопросов бизнеса с выражением личного мнения участников.

Целью данного исследования является выявление конвергенции просодических характеристик на мелодическом и частотном уровнях. Для достижения этой цели был проведен перцептивно-акустический анализ звучащей речи с использованием программного обеспечения Praat (версия 6.1.53). Акустический анализ позволил сделать детальную интонационную разметку. Для выявления мелодической согласованности были отобраны образцы пограничных синтагм при смене коммуникативного хода, а также участки фоновой речи (backchannels). При этом мы исходили из предположения о том, что конвергенция, будучи в целом динамическим процессом и отражающая общее стремление коммуникантов к сближению просодических параметров речи, может выражаться локально и реализовываться как явление мелодической созвучности.

В ходе компьютерно-акустического анализа с применением программного обеспечения Praat исследовались следующие параметры речи:

- ЧОТ (в Гц) участков одновременного гово- рения;
- ЧОТ (в Гц) в пограничных синтагмах;
- элементы мелодической шкалы и терми- нальных тонов участков одновременной речи и при смене коммуникативного хода;
- интенсивность (в дБ) при смене коммуни- кативного хода;
- интенсивность (в дБ) участков однове- ренной речи.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

Результаты проведенного экспериментального исследования позволяют говорить о том, что в ходе речевого взаимодействия участники диалога применяют различные тактики конвергенции, отражающие общую тенденцию к уподоблению просодических параметров на мелодическом и частотном уровнях в процессе одновременного говорения.

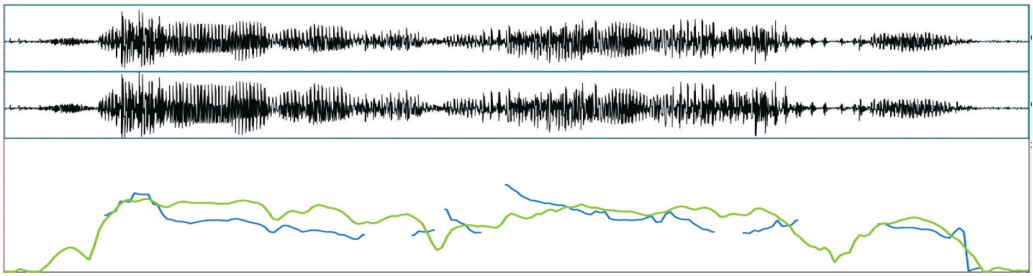
Частотная и мелодическая согласованность участков фоновой речи

Одновременное говорение может иметь различную направленность: основными типами являются переход коммуникативного хода и фоновая речь, не приводящая к смене активного говорящего. Говоря об участках фоновой речи (backchannels), представляющих собой реплики согласия *m-m-m, yeah, right, absolutely, okay*, следует упомянуть, что

суть речевого феномена заключается в оказании коммуникативной поддержки собеседнику; в диалоге подобные имплементации необходимы для проявления интереса и внимательности слушателя, выражения согласия, поддержания двусторонней коммуникации [Tannen, 2005; Демина, Карташевская, 2016]. Примечательно, что подобные участки не нарушают течение речи говорящего, поскольку не приводят к смене коммуникативного хода. Так, в приведенной ниже беседе участница F2 вступает в диалог для вежливой поправки, чтобы уточнить информацию, при этом не претендуя на роль активного говорящего (пример 1):

Пример 1
F1: (1) we 'both 'need to 'raise 'probably, }} 'you 'know, }} from 'Arts 'Council 'stroke, V 'philanthropic do'nations →stroke, V 'corpo- rate 'sponsorship } about }} ↑three ['million 'pounds a 'year.] ||
F2: (2) ['Three, }} 'three and a 'half,] V 'yeah. ||
F1: (3) But 'once we 'have 'that 'money V be from phi→lanthropists, V 'Arts 'council what'ver, } →then the }} the 'system is the 'same, V

Кроме смыслового сходства, данная рече- вая реализация (2) отличается согласованно- стью на просодическом уровне, что выражается сближением ЧОТ собеседников и более низкой интенсивностью голоса, которая не контрасти- рует с интенсивностью основного говорящего F1 (рис. 1, табл. 1).

F1: (1) ↑three ['million 'pounds a 'year].
F2: (2) ['Three, }} 'three and a 'half,] V 'yeah.

Рис. 1. Осциллограмма ЧОТ и интенсивности в примере 1

Таблица 1

ИНТЕНСИВНОСТЬ РЕПЛИК В ПРИМЕРЕ 1

Реплика	Интенсивность (дБ)
F1: (1) ↑three ['million 'pounds a 'year.]	74
F2: (2) [' Three, }} ' three and a 'half,] V 'yeah.	71

Как было отмечено выше, реализация данной просодической тактики участницей F2 не нарушает целостности речевого высказывания участницы F1, напротив, подобное соседство реплик образует гармоничное единство на мелодическом и частотном уровнях, а высказывание участницы F2 органично вплетается в общую структуру речевого звучания, подтверждая прагматическое намерение вежливо поправить собеседника и в то же время оказать коммуникативную поддержку, не прерывая высказывания F1. На просодическом уровне фоновая речь проявляется как интонационное подражание, реализующееся как сходство мелодического контура или как его точное копирование. Так, в приведенном выше примере 1 высказывание участницы F2 (2), проявляется в использовании нисходящей шкалы со схожими тонами и средним нисходящим тоном, а также в частотном копировании реплики участницы F1, близком к полному совпадению (табл. 2).

Таблица 2

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЧОТ РЕПЛИК (1) И (2)
В ПРИМЕРЕ 1 (Гц)

ЧОТ (1)	ЧОТ (2)	Расхождение ЧОТ
200	220	20
178	186	8
165	166	1

Подтверждение данному выводу находим, например, в исследовании М. Хельднера, Й. Эдлунда, Ю. Хиршберг, в котором просодическое оформление одновременного говорения рассматривается с точки зрения прагматической направленности, а именно функции поддержания беседы, побуждения собеседника продолжать высказывание. Данные участки, как правило, тише и просодически менее выделены по сравнению с речевой реализацией основного говорящего, что, по мнению авторов, в полной мере отражает коммуникативное намерение такой реплики. Авторы отмечают, что тенденция к сходству по высоте тона, близкая к полному совпадению, характерна для фоновой речи в большей степени, чем для других речевых реализаций [Heldner, Edlund, Hirschberg, 2010]. Полагаем, что подобная направленность фоновых высказываний позволяет называть их коммуникативно-согласованными участками.

Интонационное подражание

Другой тактикой конвергенции является лексическое и интонационное повторение. К примеру, в диалоге неоднократно употребляется слово

yeah, при этом используются различные вариации нисходящих тонов, которые в некотором смысле напоминают эхо (пример 2):

Пример 2

M1: (1) ^Do you? V

F1: (2) ^yeah, V 'yeah ^yeah, but we }}

M1: (3) 'Even for a ^regional, }} ^well, }}[^yeah, V
'regional ^theatre?]

F1: (4) [^Yeah, V 'abso^lutely].

Данная тактика на мелодическом уровне может проявляться в копировании интонационных паттернов в речи говорящих. Так, в примере 3 спикер F2 фактически повторяет движение мелодического контура речи собеседника M1, сочетая элемент скользящей шкалы с нисходящим тоном неполного падения в начале высказывания, показатели диапазона ЧОТ при этом также демонстрируют сближение (6,97 пт и 5,93 пт в репликах (1) и (2) соответственно):

Пример 3

M1: (1) ... ^happy-^clappy V [and just ^give you to
^feel a ^good ^feeling] V

F2: (2) [^Abso^lutely. ^Abso^lutely, ^last ^year...]

В ряде работ, посвященных просодической вариативности речи, частотное и интонационное сходство соседствующих реплик собеседников рассматривается исследователями как явление, обуславливающее смену коммуникативного хода. Так, Я. Гориш, Б. Уэллс и Г. Дж. Браун называют схожесть параметров высоты тона просодическим соответствием (*prosodic matching*), которое является локальным явлением и зависит от фонетических особенностей речи предыдущего говорящего. По мнению авторов, говорящий, в речи которого реализуется частотное совпадение, демонстрирует согласованность с предыдущим говорящим [Gorisch, Wells, Brown, 2012].

В примере 4 в речи M1 и F2 данная тактика проявляется как обоюдный двусторонний процесс, что находит свое отражение в уподоблении мелодического контура в речи обоих говорящих. Так, в примере 4 M1 повторяет мелодический контур речи своей собеседницы, заменяя нисходящий тон с начальным подъемом на нисходящий тон среднего регистра, при этом повторяется количество ударных слов в синтагмах, что приводит также к определенной ритмичной созвучности реплик (пример 4):

Пример 4

F2: (1) ...that has a sort of ^cross }} co^llabo^ration
with ^London. V

M1: (2) Is ^it the ^case, ^that }}

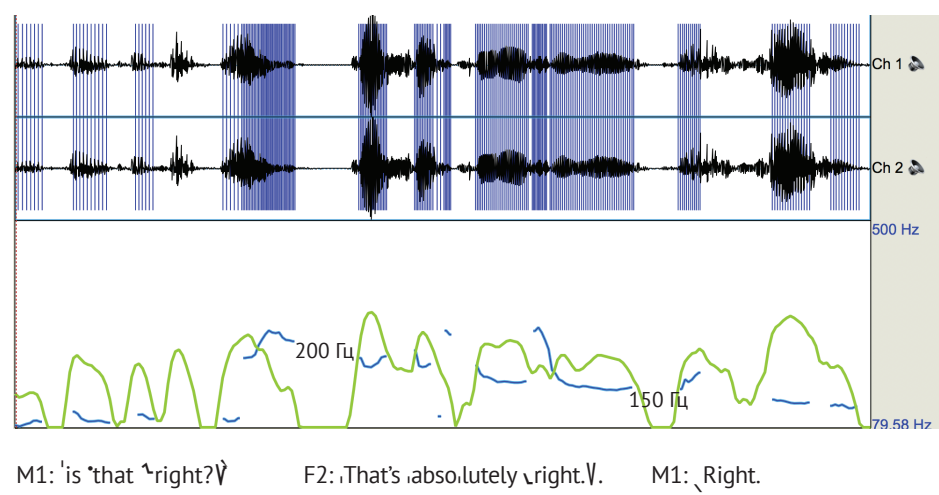

Рис. 2. Корреляция ЧОТ при смене коммуникативного хода в примере 5

Щепек Рид, называя речевую имитацию отражением (mirroring), отмечает, что «подражание» оценивается участниками диалога как привлекательное качество и положительно воспринимается собеседниками, поскольку отражает принадлежность к группе и способствует сотрудничеству [Szczepiek Reed, 2020].

Музыкальный интервал в речи как тактика конвергенции

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что стратегия конвергенции реализуется также за счет корреляции показателей ЧОТ речи собеседников на стыках их реплик. Так, в примере 5 совпадают начальные и конечные показатели ЧОТ в речи M1 и F2 при смене реплик (пример 5, рис. 2, табл. 3).

Пример 5
M1: (1) ...you get /no ^subsidy/ I think, /'is 'that ^right /
F2: (2) 'That's ^abso:lutely ^right. /
M1: (3) ^Right.

Подобное сочетание двух одновременно или попеременно звучащих сигналов одинаковой высоты в теории музыки рассматривается как интервал. Согласно «Музыкальной энциклопедии», «Интервал – соотношение двух звуков по высоте, т. е. частоте звуковых колебаний»¹. При этом совпадение звуков по высоте (унисон) относится к разряду благозвучных сочетаний, поскольку не вызывает контраста в звучании (интервал примы²).

¹Вахромеев В. А. Интервал // Музыкальная энциклопедия : в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 2.
²Вахромеев В. А. Прима // Музыкальная энциклопедия : в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1978. Т. 4.

Таблица 3

КОРРЕЛЯЦИЯ НАЧАЛЬНОЙ И ФИНАЛЬНОЙ ЧОТ РЕПЛИК В ПРИМЕРЕ 5

Реплика	ЧОТ (Гц)	ЧОТ (Гц)
M1 (1)	200	—
F2 (2)	200	150
M1 (3)	—	150

Ряд авторов, исследовавших речь и музыку, признают несомненной их взаимосвязь, а предпочтение определенных интервалов в мелодическом контуре речи связывают с историческим музыкальным наследием [Ross, Choi, Purves, 2007; Brown, 2017]. Нам представляется, что в основе проявлений музыкальной созвучности в речи лежат глубинные механизмы восприятия и обработки звуковых сигналов, что выражается в неосознанной «сонастройке» собеседников. Это позволяет сделать предположение о независимости тактики музыкального уподобления от содержания речевого высказывания. Данное конституирующее начало свойственно людям от природы, поскольку отражает потребность в единстве, в том числе и звуковом, выражает стимулы к совместной деятельности и является неотъемлемой частью гармоничного речевого взаимодействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что просодическая конвергенция как основная стратегия аккомодации является динамическим процессом, затрагивающим весь

процесс коммуникативного взаимодействия. В беседе просодическая конвергенция реализуется как частотное и интонационное сближение, в некоторых случаях приводящее к полному совпадению просодических параметров речи.

Будучи в целом динамическим процессом, мелодическая конвергенция проявляется как локальный процесс сближения, при котором участники взаимодействия реализуют различные тактики:

1) тактика 1 характеризуется мелодической согласованностью фоновой речи. Фоновая речь не приводит к смене коммуникативного хода и проявляет себя как коммуникативно согласованные участки, характеризующиеся сближением параметров ЧОТ и интенсивности, а также совпадением мелодического контура в речи говорящих;

2) тактика 2 характеризуется сближением и уподоблением звуковысотных параметров и использованием схожих интонационных моделей собеседниками (имитацией) при смене

коммуникативного хода и в фоновой речи. Таким образом, мелодическая конвергенция способствует установлению взаимопонимания между собеседниками и обеспечивает непрерывное, гармоничное взаимодействие;

3) тактика 3 реализуется как музыкальный интервал, при котором просодическая конвергенция принимает характер полного уподобления. Данная тактика может принимать форму частотной имитации, что проявляется в корреляции параметров ЧОТ речи коммуникантов и выражается в музыкальной благозвучности. В основе такого проявления конвергенции лежит неосознанное стремление коммуникантов к созвучности.

Динамическая природа просодической конвергенции может указывать на то, что просодическое поведение представляет собой неосознанный процесс, общее стремление коммуникантов к созвучности, затрагивающее эмоционально-модальный аспект взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Giles H., Edwards A., Walther J. Communication accommodation theory: Past accomplishments, current trends, and future prospects // *Language Sciences*. 2023. Vol. 99.
2. Heldner M., Edlund J., Hirschberg J. Pitch similarity in the vicinity of backchannels // *KTH Speech, Music and Hearing*. Stockholm, Sweden, in *Proc. of Interspeech*. 2010.
3. Демина М. А., Карташевская Ю. В. Фонетические средства реализации «small talk» в британском социокультурном контексте // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2016. Вып. 20 (759). С. 74–96.
4. Demina, M. A. An investigation into gender specifics of communicants' pitch attunement in natural English conversation // *XLinguae*. 2021. Vol. 14. №2. P. 142–156.
5. Pardo J., Pellegrino E., Dellwo V., Möbius B. Vocal accommodation in speech communication // *Phonetics*. 2022. Vol. 95.
6. De Looze C., Scherer S., Vaughan B., Campbell N. Investigating automatic measurements of prosodic accommodation and its dynamics in social interaction // *Speech Communication*. 2014. Vol. 58. P. 11–34.
7. Barón Birchenall L. Phonetic Accommodation During Conversational Interactions: An Overview // *Revista Guillermo de Ockham*. 2023. Vol. 21.
8. Szczepek Reed B. Beyond the Particular: Prosody and the Coordination of Actions // *Language and Speech*. 2011. Vol. 55. № 1. P. 13–34.
9. Szczepek Reed B. Reconceptualizing mirroring: Sound imitation and rapport in naturally occurring interaction // *Journal of Pragmatics*. 2020. Vol. 167. P. 131–151.
10. Bernhold Q., Giles H. Vocal Accommodation and Mimicry // *Journal of Nonverbal Behavior*. 2020. Vol. 44.
11. Tannen D. *Conversational Style: Analyzing Talk among Friends*. Oxford University Press. 2005.
12. Gorisch J., Wells B., Brown Guy J. Pitch contour matching and interactional alignment across turns: an acoustic investigation // *Language and Speech*. 2012. Vol. 55. P. 57–76.
13. Ross D., Choi J., Purves D. Musical intervals in speech // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. Vol. 104.
14. Brown S. A Joint Prosodic Origin of Language and Music // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8.

REFERENCES

1. Giles, H., Edwards, A., Walther, J. (2023). Communication accommodation theory: Past accomplishments, current trends, and future prospects. *Language Sciences*, 99.

2. Heldner, M., Edlund, J., Hirschberg, J. (2010). Pitch similarity in the vicinity of backchannels. KTH Speech, Music and Hearing. Stockholm, Sweden, in Proc. of Interspeech.
3. Demina, M. A., Kartashevskaya, Y. V. (2016). Phonetic means of “small talk” realization in British sociocultural context. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 20(759), 74–96. (In Russ.)
4. Demina, M. A. (2021). An investigation into gender specifics of communicants’ pitch attunement in natural English conversation. XLinguae, 14(2), 142–156.
5. Pardo, J., Pellegrino, E., Dellwo, V., Möbius, B. (2022). Vocal accommodation in speech communication. Phonetics, 95.
6. De Looze, C., Scherer, S., Vaughan, B., Campbell, N. (2014). Investigating automatic measurements of prosodic accommodation and its dynamics in social interaction. Speech Communication, 58, 11–34.
7. Barón Birchenall, L. (2023). Phonetic Accommodation during Conversational Interactions: An Overview. Revista Guillermo de Ockham, 21.
8. Szczepek Reed, B. (2011). Beyond the Particular: Prosody and the Coordination of Actions. Language and Speech, 55 (1), 13–34.
9. Szczepek Reed, B. (2020). Reconceptualizing mirroring: Sound imitation and rapport in naturally occurring interaction. Journal of Pragmatics, 167, 131–151.
10. Bernhold, Q., Giles, H. (2020). Vocal Accommodation and Mimicry. Journal of Nonverbal Behavior, 44.
11. Tannen, D. (2005). Conversational Style: Analyzing Talk among Friends. Oxford University Press.
12. Gorisch, J., Wells, B., Brown, Guy J. (2012). Pitch contour matching and interactional alignment across turns: an acoustic investigation. Language and Speech, 55, 57–76.
13. Ross, D., Choi, J., Purves, D. (2007). Musical intervals in speech. Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 104.
14. Brown, S. (2017). A Joint Prosodic Origin of Language and Music. Frontiers in Psychology, 8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абдуллина Римма Эдуардовна

аспирант кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Abdullina Rimma Eduardovna

Postgraduate student at the Department of English Phonetics
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.11.2023
18.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'34

Принцип экономии речевых усилий в современном английском языке (на примере речи молодых британцев)

М. В. Безбородова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
myb87@rambler.ru*

Аннотация. В последнее время в речи молодых британцев отмечается произносительная небрежность и неустойчивость произносительных характеристик, а также нежелание соблюдать существующие нормы. Данная работа представляет собой обобщение существующих исследований, подтверждающих наличие принципа экономии усилий в речи молодых британцев, рассматривая такие процессы, как качественно-количественные изменения гласных, монофтонгизацию дифтонгов, компрессию, декомпрессию, выпадение конечных согласных.

Ключевые слова: английский язык, британский произносительный стандарт, гласные, согласные, компрессия, декомпрессия, молодые британцы, экономия речевых усилий, произносительные тенденции

Для цитирования: Безбородова М. В. Принцип экономии речевых усилий в современном английском языке (на примере речи молодых британцев) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 16–21.

Original article

The Principle of Least Speech Effort in British English (based on youth speech)

Maria V. Bezborodova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
myb87@rambler.ru*

Abstract. The given article presents the generalization of the previous studies of the pronunciation variation (the segmental level) in the speech of young native Standard British English speakers. Changes within the systems of vowels and consonants, and the phenomena of compression and decompression are associated with the loose manner of pronunciation. The analysis of the obtained results proves that young educated Brits use modern pronunciation innovations minimizing their speech efforts.

Keywords: British English, vowels, consonants, compression, decompression, youth speech, pronunciation tendencies, Standard British English, speech effort

For citation: Berzborodova, M. V. (2024). The principle of least speech effort in British English (based on youth speech). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 16–21.

ВВЕДЕНИЕ

Замечено, что в процессе повседневного общения современные британцы редко используют развернутые фразы, чаще опускают не только отдельные звуки, слова, но и целые предложения, затрачивая меньше усилий и времени на их произнесение, но при этом прекрасно понимают друг друга.

В последнее время в спонтанной речи англичан всё чаще можно слышать вместо *going to – gonna; I am going to talk to him – Imma talk to him, have to do it – hafta do it, give me – gimme, got to – gotta, want to – wanna, out of – outta, kind of – kinda, let me – lemme* и др.

Такое речевое поведение говорящих соответствует принципу наименьшего сопротивления в языке (или принципу наименьших усилий), который был сформулирован лингвистом Гарвардского университета Дж. К. Зипфом в 1949 году и впоследствии получил название «закон Зипфа». Суть принципа наименьшего сопротивления в языке состоит в том, что человек стремится освободиться от всего лишнего и выделить некоторое необходимое время для выполнения текущих и будущих поставленных задач. Данный закон, в частности, можно использовать для объяснения многих современных изменений, происходящих в лингвистике [Nordquist, 2020].

В начале XXI века фонетисты неоднократно отмечали, что в речи молодых британцев всё чаще встречается неряшливость и неуважение к лингвистическим традициям. Заимствование черт ненормативных языковых вариантов (например, кокни, эстуарный английский (EE)) были отмечены даже в речи молодых членов королевской семьи. Например, по утверждению профессора Университета Рединга Джейн Сеттер, для речи принцев Уильяма и Гарри характерны черты EE, и подобную манеру речи унаследовали сыновья принца Уильяма – Джордж и Луи (вокализация согласного /l/) [Cruttenden, 2008; Smith, 2011; Wells, 2014; Нерсисян-Брыткова, 2020].

Известный британский фонетист Дж. Уэллз в своей книге «Звучит интересно» обращает внимание на современную проблему произносительной небрежности молодых англичан среднего класса, анализируя статью газеты «Таймс» «*Where are the gels who can talk proper and pirouette?*» («Куда пропали девушки с подобающим акцентом?») о постепенном исчезновении акцента «нейтральный» RP у молодых британцев, принадлежащих к среднему классу. Ученый отмечает, что в настоящее время кинорежиссеры испытывают большие трудности в подборе молодых артистов с правильным стандартным британским произношением. Широкое распространение акцента EE (который, по мнению многих лингвистов, представляет собой пример

неряшливости в речи англичан из-за большого количества черт диалекта кокни, а также разрушения произносительного стандарта RP) привело к тому, что молодые носители языка, вне зависимости от своего происхождения, всё чаще используют такие лондонские интонационные модели, как, например, характерные для певицы и актрисы Лилли Аллен или теле- и радиоведущего Джонатана Росса.

По мнению кинорежиссеров, самое сложное при выборе кандидата на роль в фильме по классическому роману или пьесе – это найти актера, который мог бы одновременно играть, петь, танцевать, а самое главное – говорить по меньшей мере с акцентом приближенным к «нейтральному» RP [Wells, 1982; Cruttenden, 2008; Wells, 2014].

В представленной статье нами была предпринята попытка обобщить существующие научные исследования, подтверждающие наличие принципа экономии речевых усилий на фонетическом уровне в речи современных молодых британцев как в системе гласных, так и в системе согласных звуков, рассматривая такие процессы, как качественно-количественные изменения гласных, монофтонгизация дифтонгов, ассимиляция, компрессия, декомпрессия, выпадение конечных согласных.

ВАРИАТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ

Основные результаты фонетических работ конца XX – начала XXI века таких известных лингвистов, как Дж. Уэллза, У. Лабова, П. Керсвилла, Э. Торгерсена и С. Фокса, С. Хокинза и Дж. Миджли, свидетельствуют об упрощении вокалической системы стандартного английского языка, а именно, указывают на тенденцию к централизации гласных, делабилизацию огубленных гласных, стяжение центрирующих дифтонгов в неабруптивные монофтонги [Wells, 1982; Labov, 2001; Hawkins, Midgley, 2005; Kerswill, Torgersen, Fox, 2008].

Ранее нами уже были проведены более детальные акустические и перцептивные исследования системы английских гласных на примере мужской и женской молодежной речи. Были получены результаты, указывающие на упрощение систем монофтонгов и дифтонгов, что подтверждает стремление молодых британцев к экономии своих речевых усилий.

В результате проведенных в 2013 году исследований были получены следующие результаты: приближение кратких монофтонгов по звучанию к нейтральному звуку, менее лабиализованная (неогубленная) реализация гласных /u:/, /ɜ:/ и /ʊ:/; превращение дифтонгов /ʊə/, /ɪə/ и /eə/ в неабруптивные монофтонги /ɜ:/ (или в отдельных случаях /u:/), /i:/ и /ε:/, соответственно; стяжение дифтонга /eɪ/ в /e/, особенно в конечном положении;

превращение сочетаний /aɪə/ и /aʊə/ в долгий гласный /ɑ:/. В системе дифтонгов замечена тенденция к монофтонгизации за счет значительного ослабления элемента скольжения.

Изменение количественных показателей в системе гласных британского варианта английского языка выразилось в той или иной степени более усеченном характере кратких монофтонгов (сократились на 14,6 %) и долгих монофтонгов (уменьшение длительности на 12,1 %) (по сравнению с данными 2008 года), особенно в позиции перед глухим согласным. В большинстве случаев данные показатели являются результатом того, что глухой согласный заменяется гортанной смычкой [Cruttenden, 2008; Безбородова, 2016].

Итак, все монофтонги, в особенности долгие, отличаются вялой и небрежной манерой звучания, что говорит о тенденции молодых носителей языка экономить речевые усилия.

ВАРИАТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ

Несмотря на то, что в английском языке система согласных звуков является относительно стабильной и более устойчивой к лингвистическим изменениям, анализ работ зарубежных и отечественных ученых показал, что принцип экономии речевых усилий распространяется и на нее.

В конце XX века и начале XXI века фонетисты отмечали наличие качественных изменений в произнесении некоторых согласных в определенных фонетических контекстах, указывающих на всё чаще появляющуюся небрежность в речи британцев:

- аффрикатизация сочетаний /tj/ и /dj/, то есть, превращение данных единиц в палатально-альвеолярные аффрикаты /tʃ/ и /dʒ/ соответственно («yod coalescence»);
- использование связующего или вставного звука /r/ (R-sandhi);
- качественные модификации звука /t/: озвончение (T-voicing);
- /t/ – глоттализация (T-glottaling): по мнению фонетистов, молодые представители как среднего, так и высшего класса используют данную непрезентабельную тенденцию под влиянием произношения жителей лондонского региона. Отмечается, что все чаще гортанная смычка появляется не только в конечном положении для усиления звучания согласных /p, t, k, tʃ/ (например, *get down*) или перед паузой (например, *that*), но еще и перед гласным звуком (например, *quite often*);
- замена звука /t/ альвеолярным ударом (tap /ɾ/) в интервокальном положении (данная

нестандартная черта была замечена не только в речи тинейджеров, но и у молодых выпускников элитных учебных заведений [Tollfree, 1999; Wells, 1999; Hughes, Trudgill, Watts, 2005].

В 2022 году нами было обнаружено наличие гортанной смычки в интервокальном и конечном положениях, а также проверено наличие употребления альвеолярного удара /r/ на месте интервокального звука /t/ в речи молодых англичан. Было получено, что в речи всех информантов-мужчин гортанная смычка употреблялась в позиции перед паузой на конце в основном односложных слов, если следующее слово начиналось с согласного, а употребление гортанной смычки в позиции в середине слов или на конце слов перед гласным отсутствовало [Безбородова, 2023].

КОМПРЕССИЯ И ДЕКОМПРЕССИЯ

Современные зарубежные и отечественные фонетисты выделяют помимо качественно-количественных звуковых изменений в английском языке такие фонетические процессы упрощения речи, как компрессия и декомпрессия.

Ученые полагают, что процесс изменения в языке связан с воздействием тенденций к расширению и компрессии: сокращаясь в одних аспектах, язык, как правило, расширяется в других [Будагов, 1972, Lindblom, 1983].

Под термином компрессия Дж. Уэллз понимает изменение количества слогов в слове или фразе. Компрессионная версия слова или фразы имеет на один слог меньше, чем полная форма слова. В специализированных произносительных словарях места возможной компрессии в словах помечены знаком дуги под транскрипцией. У многих слов имеется два варианта произношения с отличием между ними в том, что в одном случае сонанты будут слогаобразующими, а в других – нет. Основной характеристикой слов, подвергающихся компрессии, является то, что количество слогов сокращается на один тогда, когда за исчезающим следует слог, начинающийся на гласную. В английском языке подобным примером служит возможность выбора между слогаобразующим согласным вариантом с компрессией или шва + согласный *cycle* – *cyclist*, *sparkle* – *sparkling*. Однако следует отметить, что в том случае, если следующий гласный будет ударным (например, *catalogue*, *vitality*, *summarize*) компрессия не произойдет.

Британский фонетист Дж. Уэллз полагает, что в речи большинства молодых носителей британского варианта английского языка (возможно, исключением будут носители акцентов Уэльса, Шотландии,

а также акцента джорди (Geordie Accent)) исчезает контраст между сочетанием долгого гласного или дифтонга с согласным /l/ или между сочетанием долгого гласного или дифтонга с слогом /ə/, например, слова *mile*, *owl* и *oil* будут рифмоваться со словами *trial*, *vowel* и *royal* соответственно [Wells, 2014]. Данная тенденция упрощенного произношения уже находит отражение и в произносительном словаре: звук «шва» помещен в верхнем регистре (или скобках), что означает, что выбор остается за говорящими [Wells, 2008].

В произносительном словаре зафиксирована возможность произнесения слова *trial* как [tra:l] и *vowel* как [va:l] [Wells, 2008]. Выпадение гласных звуков /ɪ/ и /ʊ/ из слов также можно считать примером упрощенного произношения (монофтонгизация трифтонгов, ведущая к компрессии и выравниванию (smoothing)). Отметим, что реализация трифтонгов /aɪə/ (*fire*) и /aʊə/ (*power*) как /aə/ или /a:/ встречается очень часто в речи дикторов-носителей британского английского, особенно у говорящих мужского пола. Данное явление выражено в меньшей степени на стыке морфем (*high-er*) и перед паузой [Wells, 2014].

Известно, что как внутри слова, так и на стыке слов компрессия может проявляться только тогда, когда следующий гласный слабый (/i/, /u/ или /ə/). Например, в слове *victorious* будет компрессия, так как после /ɪ/ идет безударный /ə/, а в слове *Victoriana* компрессии не будет, так как звук /a:/ – сильный.

Интересным представляется факт, что еще в XVIII веке исполнители церковных песнопений следовали этому принципу достаточно часто и подобное явление как компрессия находило отражение во время исполнения гимнов и псалмов. Так, по утверждениям современников, богослов Чарльз Уэзли произносил слова британского национального гимна *victorious* как трехсложное и *glorious* как двусложное, т. е. с компрессией. Разберем также в качестве примера строчку из церковного гимна Чарльза Уэзли «И может быть». Он соответствует длинному метру (8.8.8.8.8.8), который представляет собой четверостишие в четырехстопном ямбе, рифмующееся во второй и четвертой строках или в первой и третьей. Так, в предпоследней строке фраза *the eternal throne* слово *the* подвергается компрессии перед безударным первым гласным в слове *eternal*. Точно также во фразе *the incarnate deity* артикль (находится в безударном положении) подвергается компрессии перед безударным гласным [ɪ] следующего за ним слова. Слово *Immanuel* будет произноситься как трехсложное (гласный /u/ превращается в согласный /w/ перед нейтральным гласным шва).

Сейчас в речи англичан, в том числе и молодежи, становится популярным феномен гаплогии

(haplology), что выражается в пропуске безударных звуков или слогов при произнесении слов по причине высокого темпа речи говорящих. Замечено, что в английском языке достаточно часто происходит выпадение безударного слога с нейтральным гласным, чаще всего в многосложных словах, например, *caramel* ['kærməl], *separate* ['seprət], *different* ['dɪfrənt], *camera* ['kæmrə], *library* ['laɪbrɪ], *probably* ['prɒblɪ]. Например, участник дискуссионной программы «Just a minute» (радиотрансляция BBC) произнес слово *quantitative* ['kwɒntɪtətɪv] как ['kwɒntətɪv] [Wells, 2014].

Фонетическое явление декомпрессии (появление дополнительных звуков и слогов), как ни странно, также может в некоторых случаях свидетельствовать о «развязной» манере произношения современных британцев. Например, футбольные фанаты английской команды во время матча будут скандировать: «Eng-ger-land! Eng-ger-land!», добавлять еще один слог, и вместо ['ɪŋ-glænd] произносить ['ɪŋ-gə-lænd]. Существует уже давно возникшая тенденция не произносить согласный /g/, в таком случае слово *England* будет звучать как ['ɪŋ-lænd], однако употребление добавочного нейтрального гласного, напротив, несколько удивляет ученых. В некоторых лингвистических источниках подобное явление носит название *эпентеза*, то есть, добавление лишнего слога с нейтральным гласным /ə/ в том случае, когда сочетание согласных представляет произносительную трудность.

Следует отметить, что молодым британцам совершенно не трудно произносить часто встречающееся сочетание *-gl-* в начале слога, поэтому остается неясным, зачем использовать произносительный прием «упрощения», добавляя «вставной» нейтральный гласный между *-g-* и *-l-*.

Британский ученый Дж. Уэллз также упоминает и другие случаи появления вставного нейтрального звука (*athlete* ['æθəli:t], *athletics* [æθə'letɪk], *template* ['tɛmpələɪt], и нечасто – в словах *wintry* ['wɪntəri] *remembrance* [rɪ'membr(ə)n(t)s]). Изначально вставной нейтральный звук, присутствовавший в подобных сочетаниях (согласный + /l/), исчез в результате процесса компрессии. Так, возникло произношение ['tɪŋglɪn] (*tingle*) вместо ['tɪŋgəlɪn], ['kæθrɪn] (*Catherine*) вместо ['kæθəɪn], ['dʌblɪtɪ] (*double it*) вместо ['dʌblɪtɪ]. Но в настоящее время встречаются случаи появления вставного нейтрального звука вновь (но это не носит системный характер и встречается достаточно редко).

В нашем исследовании 2016 года возможных вариантов реализаций нейтрального гласного /ə/ в речи молодых образованных англичан в большинстве случаев было зафиксировано выпадение нейтрального гласного /ə/ в безударных слогах многосложных (три-четыре слога) знаменательных слов:

нейтральный гласный /ə/ чаще всего выпадает в безударных слогах многосложных знаменательных слов в речи молодых британцев в возрасте от 18 до 32 лет, а в спонтанной речи всех молодых британцев, особенно в возрасте до 32 лет высока частотность проявления нулевой редукции. Данные результаты также свидетельствуют о проявлении молодыми носителями языка принципа экономии речевых усилий.

Распространенной тенденцией среди современных молодых британцев становится замена слогаобразующего сонанта /n/ сочетанием /n/+ нейтральный гласный /ə/ (*struggle, garden, bottle, cotton*) и постепенно начинает появляться в таких словах как, *assembly, doubly, gambling, cackling*. Фонетисты отмечают тенденцию английской молодежи всё чаще делать выбор в пользу вышеописанного варианта в тех случаях, где раньше повсеместно использовалась форма с компрессией. Дж. Уэллс предполагает произносительный вариант с «вставным» шва в словах *buckler, gathering, burglar, butler, inkling, spindly, stickler, threatening, doubling*, которые станут таким образом трехсложными [Wells, 2014].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные фонетические исследования современных произносительных тенденций в системе гласных и согласных свидетельствуют о наличии

принципа экономии речевых усилий в речи молодых носителей британского варианта английского языка. К чертам, указывающим на произносительную небрежность и нестабильность, можно отнести такие укоренившиеся особенности в речи британской молодежи, как нейтрализация тембра и «стирание» качества ряда гласных, практическое отсутствие огубления у большинства лабиализованных гласных, заметное укорачивание длительности долгих гласных, монофтонгизация ряда дифтонгов, аффрикатизация сочетаний /tj/ и /dj/, г-интрузия, появление вставных звуков /n/, /t/, выпадение согласных /k/, /t/, /d/, /j/ в некоторых положениях, употребление звука /з/ вместо /дз/, вокализация непалатализованного аллофона [ɫ], /t/-глоттализация, замена интервокального /t/ альвеолярным ударом /t/, а также такие явления, как компрессия (ведущая к монофтонгизации, выпадению нейтрального гласного и конечных согласных) и декомпрессия (появление вставных звуков в труднопроизносимых случаях).

Итак, речь молодых британцев стремится к упрощению, границы молодежной произносительной нормы размываются и стираются, некоторые «элитарные», отличительные особенности британского произносительного стандарта RP исчезают, а на смену им приходят диалектные и ранее считавшиеся стигматизированными, формы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nordquist, R. "The Principle of Least Effort: Definition and Examples of Zipf's Law." ThoughtCo, Aug. 26, 2020. URL: [thoughtco.com/principle-of-least-effort-zipfs-law-1691104](https://www.thoughtco.com/principle-of-least-effort-zipfs-law-1691104). Дата обращения: 06.08.2023.
2. Cruttenden, A. Gimson's Pronunciation of English, 7th ed. London: Hodder Education, 2008.
3. Smith Ben T. Sign of the times: William and Kate's accents, 2011. URL: <http://dialectblog.com/2011/05/01/william-and-kates-accent/> Дата обращения: 27.07.2023.
4. Wells J.C. Sounds interesting. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
5. Нерсесян-Брыткова А. Эксперты выяснили, кто из детей принца Уильяма говорит с «королевским» акцентом, 2020. URL: <https://www.baby.ru/journal/korolevskiy-akcent/>
6. Wells, J.C. Accents of English. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
7. Labov, W. Principles of Linguistic Change, vol.2, Social Factors. Oxford: Wiley-Blackwell, 2001.
8. Hawkins, S., Midgley, J. Formant Frequencies of RP Monophthongs in Four Age Groups of Speakers // Journal of the International Phonetic Association. – Cambridge Univ. Press, Vol. 35., No.2. December, 2005. P. 183–199.
9. Kerswill, P., Torgersen, E.N. and Fox, S. Reversing «drift»: Innovation and Diffusion in the London Diphthong System // Language Variation and Change, Vol. 20. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. P.451–491.
10. Безбородова М. В. Количественные изменения гласных в современном английском языке // Фонетическая полифония звучащей речи. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 1 (740). С. 9–18. URL: <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest16-740z.pdf>. Дата обращения: 04.06.2023.
11. Tollfree L. South East London English: discrete versus continuous modelling of consonantal reduction // Urban Voices. Accent Studies in the British Isles / ed. by P. Foulkes, G. Docherty. Arnold Publishers, 1999. P. 163–184.
12. Wells J. C. Pronunciation preferences in British English: a new survey. In Proceedings of the XIV International Congress of Phonetic Sciences. San Francisco, 1999.
13. Hughes A., Trudgill P., Watts D. English Accents and Dialects. Fourth Edition. An Introduction to Social and Regional Varieties of English in the British Isles. London: Hodder Arnold, 2005.
14. Безбородова М. В. Развитие системы согласных британского варианта английского языка (на примере молодежной речи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1 (869). С. 17–24. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/1_869_H.pdf & Дата обращения: 04.06.2023.

15. Будагов Р.А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? // Вопросы языкознания. М., 1972. № 1. С. 17–36.
16. Lindblom B. Economy of speech gestures // The Production of Speech / ed. by P. F. MacNeilage. New York: Springer-Verlag, 1983. P. 217–246.
17. Wells J.C. Longman Pronunciation Dictionary. 3rd edition. London: Longman, 2008.

REFERENCES

1. Nordquist, R. (2020). The Principle of Least Effort: Definition and Examples of Zipf's Law. ThoughtCo, Aug. 26, 2020. [thoughtco.com/principle-of-least-effort-zipfs-law-1691104](https://www.thoughtco.com/principle-of-least-effort-zipfs-law-1691104). Дата обращения: 06.08.2023.
2. Cruttenden, A. (2008). Gimson's Pronunciation of English, 7th ed. London: Hodder Education.
3. Smith, Ben T. (2011). Sign of the times: William and Kate's accents. <http://dialectblog.com/2011/05/01/william-and-kates-accent/> Дата обращения: 27.07.2023.
4. Wells, J. C. (2014). Sounds interesting. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Nersesyan-Brytkova, A. (2020). Eksperty vyiasnili, kto iz detey prynca Williama govorit s «korolevskiy» akcentom = Experts have found out which of Prince William's children speaks with a "royal" accent. <https://www.baby.ru/journal/korolevskiy-akcent/> (In Russ.)
6. Wells, J. C. (1982). Accents of English. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Labov, W. (2001). Principles of Linguistic Change, vol.2, Social Factors. Oxford: Wiley–Blackwell.
8. Hawkins, S., Midgley, J. (2005). Formant Frequencies of RP Monophthongs in Four Age Groups of Speakers // Journal of the International Phonetic Association. Cambridge Univ. Press, Vol. 35., No. 2. December, 2005. P. 183–199.
9. Kerswill, P., Torgersen, E. N., Fox, S. (2008). Reversing «drift»: Innovation and Diffusion in the London Diphthong System. In Language Variation and Change (vol. 20, pp. 451–491). Cambridge: Cambridge Univ. Press.
10. Bezborodova, M. V. (2016). Qualitative changes of the modern RP vowel system. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(740), 9–18. <http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/Vest16-740z.pdf> (date of access: 04.06.2023). (In Russ.)
11. Tollfree, L. (1999). South East London English: discrete versus continuous modelling of consonantal reduction. In Foulkes, P., Docherty, G. (eds.), Urban Voices, Accent Studies in the British Isles (pp. 163–184). Arnold Publishers.
12. Wells, J. C. (1999). Pronunciation preferences in British English: a new survey. In Proceedings of the XIV International Congress of Phonetic Sciences. San Francisco.
13. Hughes, A., Trudgill, P., Watts, D. (2005). English Accents and Dialects. Fourth Edition. An Introduction to Social and Regional Varieties of English in the British Isles. London: Hodder Arnold.
14. Bezborodova, M. V. (2023). Revisiting the System of British English Consonants (in the youth speech). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(869), 17–24. http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/1_869_H.pdf (date of access: 04.06.2023). (In Russ.)
15. Budagov, R. A. (1972). Opredelyaet li printcip ekonomii razvitie i funkcionirovanie yazika? = Does the principle of economy determine the development and functioning of language? Topics in the Study of Language, 1, 17–36. (In Russ.)
16. Lindblom, B. (1983). Economy of speech gestures. In MacNeilage, P. F. (ed.). The Production of Speech (pp. 217–246). New York: Springer-Verlag.
17. Wells, J. C. (2008). Longman Pronunciation Dictionary. 3rd edition. London: Longman.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Безбородова Мария Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bezborodova Maria Valeryevna

PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of English Phonetics, English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.11.2023
20.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.134.2

Речевые тактики стратегии саморепрезентации в институциональной коммуникации (на материале выступлений на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН)

Е. В. Бочаров

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ebocharov@hse.ru*

Аннотация. В статье на материалах выступлений глав делегаций в ходе 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН описывается специфика персуазивного воздействия на слушателей, дается характеристика языковым средствам и изучаются способы выстраивания определенного образа вокруг политика и его страны, а также способы достижения поставленных задач.

Ключевые слова: политический дискурс, институциональная коммуникация, речевая тактика, речевая стратегия, ООН

Для цитирования: Бочаров Е. В. Речевые тактики стратегии саморепрезентации в институциональной коммуникации (на материале выступлений на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 2 (883). С. 22–27.

Original article

Speech Tactics of Self-presentation Strategy in Institutional Communication (based on the speeches of the 73rd Session of the UN General Assembly)

Yevgeniy V. Bocharov

*National Research University, Higher School of Economics, Moscow, Russia
ebocharov@hse.ru*

Abstract. The study investigates the persuasive strategies used in speeches of the heads of delegations delivered before the UN General Assembly at the 73rd Session. The study also aims to identify language tools and methods for creating a positive image of a politician and their country, as well as strategies for achieving the set goals.

Keywords. political discourse, institutional communication, speech tactics, speech strategy, United Nations

For citation. Bocharov E. V. Speech tactics of self-presentation strategy in institutional communication (based on the speeches of the 73rd session of the UN General Assembly). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 22–27.

ВВЕДЕНИЕ

Изучая воздействующий потенциал речи, современные исследователи по-разному подходят к определению подобного воздействия. Так, И. А. Стернин описывает речевое воздействие как воздействие одного человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели [Стернин, 2012]. Более узким является термин «персуазивное воздействие» – это риторическая категория, объединяющая рациональное убеждение реципиента и воздействие на эмоциональную сторону его сознания с целью изменения поведения реципиента в интересах адресанта [Голоднов, 2010], способ призыва к совершению или несомнению определенных действий [Ковешникова, 2014]. Совокупность случаев персуазивного воздействия формирует персуазивную коммуникацию – особый тип ментально-речевого взаимодействия коммуникантов, при котором адресант реализует попытку преимущественно вербального воздействия на сознание адресата с целью совершить определенное действие или побудить к отказу от него [Голоднов, 2010]. В конечном счете персуазивная коммуникация подводит нас к еще одному феномену в речи – манипуляции. Под манипуляцией принято понимать осуществляемое непроизвольно или с определенной целью скрытое не прямое психокommunikативное воздействие на реципиента и

группу лиц, обеспечивающее изменение взаимосвязанных алгоритмов и режимов функционирования их сознания, подсознательного и бессознательного [Калита, Тараненко, 2012] или способ активации определенных мотивационных состояний [Сагайдачная 2007].

Понятием «дискурс», в котором развивается данное воздействие, оперируют не только ученые-лингвисты, но и представители самых разных направлений гуманитарных наук. Для разграничения и классификации различных типов дискурса, особенно для характеристики политического дискурса, следует обратиться к базовой оппозиции «персональный – институциональный». Специфика институционального дискурса раскрывается в работе определенного общественного института, который в коллективном языковом сознании представлен ключевым концептом (политический дискурс – власть). К признакам институционального дискурса следует относить наличие речевых тактик и стратегий (интенция), совокупность типичных для этой сферы коммуникативных ситуаций (речевых событий), тематическую ограниченность и специфический набор интенций [Волкова, 2011].

Говоря о возможностях манипуляции общественным сознанием в политическом дискурсе, ученые пользуются такими категориями, как коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика. В структуре коммуникативной стратегии находится дискурсивная стратегия, которая, согласно Г. В. Димовой, представляет собой

Таблица 1

СООТНОШЕНИЕ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В РЕЧИ ОРАТОРА

Стратегия самопрезентации (построение имиджа политика)	1) тактика солидаризации (стремление создать впечатление общности взглядов, интересов говорящего и аудитории) 2) тактика отождествления (демонстрация символической принадлежности к определенной политической, социальной или статусной группе)	
Стратегии убеждения	• аргументативная стратегия	1) тактика указания на перспективу 2) тактика обоснованных оценок 3) тактика иллюстрирования
	• агитационная стратегия	1) тактика обещания 2) тактика призыва
Стратегии удержания власти	• информационно-интерпретационная стратегия	1) тактика разъяснения 2) тактика указания пути решения проблемы 3) тактика рассмотрения проблемы под новым углом зрения 4) тактика комментирования
	• стратегия формирования эмоционального настроя адресата	1) тактика единения 2) тактика обращения к эмоциям адресата 3) тактика учета ценностных ориентиров адресата
Общие тактики для нескольких стратегий	1) тактика дистанцирования 2) тактика акцентирования	

проективное концептуальное видение индивиду конкретного социального института своего дискурсивного поведения, которое основано на осознанном оптимальном достижении цели, выражающейся в конкретных языковых средствах [Димова, 2004].

В нашем исследовании мы развиваем классификацию стратегий саморепрезентации О. Н. Паршиной и иллюстрируем ее примерами из выступлений Аргентины, Боливии, Венесуэлы, Гватемалы, Гондураса, Доминиканской Республики, Испании, Колумбии, Коста-Рики, Кубы, Мексики, Никарагуа, Панамы, Парагвая, Перу, Сальвадора, Уругвая, Чили, Экваториальной Гвинеи и Эквадора на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Целью статьи является определение и классификация содержательной стороны стратегии саморепрезентации и речевых тактик. Для целей исследования был использован метод лингвопрагматического анализа текста.

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Выбор той или иной стратегии зависит от целей оратора. Соотношение стратегий и тактик в речи оратора представлено в классификации О. Н. Паршиной [Паршина, 2005]:

После предварительного анализа практического материала и обобщения полученных результатов были выявлены и описаны речевые тактики, использованные ораторами в своих выступлениях на 73-й сессии Генеральной Ассамблеи:

Таблица 2

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ, РЕАЛИЗУЮЩИЕ СТРАТЕГИЮ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Стратегия саморепрезентации	• тактика «Мы-тактика» • тактика «Мы – жертва» • тактика «Оценка деятельности ООН»
-----------------------------	--

Тактика «Мы-тактика»

В стратегию положительной саморепрезентации входит «Мы-тактика», акцентирующая внимание на личных достижениях руководства страны в решении внешних и внутренних проблем. По своему наполнению это самая объемная тактика. Для нее характерны слова с положительной коннотацией, использование глаголов в 1-м лице множественного числа, приведение статистических данных, описание аксиологических

приоритетов нации и иные содержательные формы проявления ментальности:

somos una zona de paz –
мы – территория мира¹;

estamos trabajando para integrarnos al mundo –
мы стремимся быть частью мира;

apostamos a una mirada optimista que pondera las oportunidades y los desafíos de la globalización – при оценке преимуществ и недостатков глобализации **мы** делаем ставку на здоровый оптимизм;

tenemos una de las economías que más crece en la región – темпы роста **нашей** экономики самые высокие в регионе;

en la última década hemos reducido la pobreza extrema de 37% a 17% – **нам** удалось сократить число людей, живущих в условиях крайней нищеты, с 37% до 17%;

nuestro propósito durante este periodo será aportar una voz latinoamericana y caribeña – **наша** цель – стать рупором латиноамериканских и карибских стран;

nuestra fuerza patriótica, trabajadora, incansable – **наша** сила – в патриотизме, трудолюбии и постоянстве;

Президент Колумбии расставляет акценты в своем обращении повторяющимися параллельными конструкциями с местоимением **мы**:

Hemos mantenido el crecimiento económico. –
Мы сохранили темпы экономического роста;

Hemos visto transformar las ciudades. –
Мы улучшили условия жизни в городе;

Hemos avanzado en la equidad entre hombres y mujeres. – **Мы** достигли успехов в равноправии полов;

Подобная тактика используется в речи президента Мексики:

Hemos contribuido a la deliberación y a la acción. –
Мы обсуждаем и действуем;

Hemos trabajado para mejorar las condiciones de vida. –
Мы работали над улучшением условий жизни;

¹ Зд. и далее перевод наш. – Е. Б.

Hemos transformado el sistema educativo mexicano. – **Мы** реформировали систему образования Мексики;

Hemos removido obstáculos. – **Мы** убрали все препятствия;

Hemos asumido un papel activo en la búsqueda de soluciones a los desafíos internacionales. – **Мы** инициативно подходили к поиску решений международным вызовам.

Таким образом, тактика «мы-тактика», повествующая о достигнутых успехах конкретных политических сил, не только обладает определенными коммуникативными параметрами, но также имеет особый способ акцентирования информации в письменной речи.

Тактика «Мы – жертва»

Данная тактика преимущественно выражается лексикой с отрицательной коннотацией, которая указывает на испытания и страдания, выпавшие на долю страны, на бремя, которое народ вынужден нести *не* по своей воле. Кроме того, ораторы нередко прибегают к повторам, усиливающим значение отдельных лексем. Здесь встречаются такие лексические единицы, как:

agresión – агрессия
éxodo – исход
asesinados – убийства
víctimas – жертвы
barbarie terrorista – дикость терроризма
amenazas – угрозы
cambio de régimen – смена режима
sufrido – страдание
persecuciones ilegales – незаконное преследование
violar derechos humanos – нарушение прав человека
impunidad – безнаказанность
prácticas de coerción y la extorsión – принуждение и вымогательство
lucha – борьба
esclavismo – рабство
racismo – расизм
colonialismo – колониализм
abuso – насилие
crímenes de lesa humanidad – преступления против человечности
dictadura – диктатура
vulnerabilidades – уязвимые места

Somos parte de una respuesta regional y amplia que busca mitigar las dificultades de millones de venezolanos tras el éxodo de su país. – Мы участвуем

в масштабной региональной программе, цель которой – помочь миллионам венесуэльцев, **вынужденных бежать** из своей страны.

Pero nadie puede negar que muchas personas y familias guatemaltecas, también *han sufrido persecuciones ilegales, o han sido violentados sus derechos humanos*. – Невозможно отрицать случаи **незаконного преследования** и **нарушения прав человека** многочисленных гватемальцев и их семей.

Как правило, данная тактика часто встречается в речах руководителей небольших стран, которые объясняют неудачи своего правительства внешними неподконтрольными факторами. Показательно, что такая доминанта отсутствует в выступлении Испании – страны-наследницы Испанской империи, претендующей сегодня на неформальное лидерство в Латинской Америке.

Тактика «Оценка деятельности ООН»

Любая критика действий ООН, указание на имеющиеся проблемы и способы их решение, повышает авторитет оратора в лице других участников сессии Генеральной Ассамблеи, и характеризует его и его страну как ответственных членов ООН. В выступлении президента Венесуэлы встречаем следующие слова:

Para que la Organización de Naciones Unidas sea pertinente, como es el objetivo de esta 73ª Asamblea General, tiene que expresar los anhelos, la forma de ser, la cultura, el pensamiento político, la pujanza y las esperanzas de las mayorías en el mundo. – Для того, чтобы ООН соответствовала целям 73 сессии Генеральной Ассамблеи, она **должна** учитывать желания, образ жизни, культуру, политическую мысль, устремления и чаяния большинства.

За каждым таким замечанием скрыт призыв к реформе ООН с целью сделать организацию более гибкой в решении насущных проблем. При этом не все участники выступают с открытыми критическими замечаниями в ее адрес. Например, президент Гватемалы более дипломатично предложил проанализировать роль ООН в современном мире:

Hoy tenemos la oportunidad de reflexionar sobre el papel que juega la Organización de las Naciones Unidas en el orden mundial, respetando la soberanía de los países que la conforman. – **Пришло время задуматься** о роли, которую играет ООН в мире, стоя на страже суверенитета своих государств-членов.

Очевидно, что оба лидера говорят об одних и тех же проблемах, однако делают это по-разному: президент Венесуэлы использует глагольные формы долженствования (*tiene que expresar*) и подробно останавливается на конкретных предложениях (*los anhelos, la forma de ser, la cultura, el pensamiento político, la pujanza y las esperanzas de las mayorías en el mundo*); президент Гватемалы подходит к критике мягче, предлагает осмыслить роль ООН (*tenemos la oportunidad de reflexionar*), признавая при этом ее важную роль в защите суверенитета государств-членов (*respetando la soberanía de los países que la conforman*). Президент Гондураса говорит о разочаровании результатами работы Организации:

Sin embargo siento que ha faltado la voluntad y la valentía para hacerlo posible a pesar del enorme tamaño y cantidad de recursos que maneja Naciones Unidas. – Несмотря на статус ООН и объем ее финансирования, **нам не удалось воплотить это в жизнь.**

Президент Коста-Рики, напротив, возлагает на ООН большие надежды:

Costa Rica, por su parte confirma su necesidad en la Organización de las Naciones Unidas, una organización fuerte, eficiente, austera, transparente; comprometida con el desarrollo sostenible, el dialogo, la paz, los derechos humanos y la tutela de las normas del derecho internacional. Pero no solo para Costa Rica, sino para muchos países y comunidades, la ONU representa el ultimo destello de esperanza y no podemos fallar. – Нам нужна сильная, эффективная, прозрачная, верная принципам устойчивого развития, диалогу и миру, защите прав человека и

стоящая на страже международного права организация. ООН – это **наша последняя надежда.**

Выявленная нами тактика «Оценка деятельности ООН» восходит к тактике отождествления О. Н. Паршиной – демонстрации символической принадлежности к определенной политической, социальной или статусной группе. При этом отождествление может отличаться по степени критичности высказываний и лексическим единицам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволил выявить и описать стратегию положительной саморепрезентации в речах участников 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая выражена тремя тактиками. Тактика «мы-тактика» и тактика «мы – жертва» схожи в использовании глаголов в 1-м лице множественного числа, но различны в эмоциональных оттенках высказываний. Тактика «Оценка деятельности ООН» создает вокруг оратора и его страны образ ответственного участника Генеральной Ассамблеи.

Описывая стратегию положительной саморепрезентации, мы можем говорить о возникновении манипулятивного эффекта, выраженном попыткой скорректировать картину мира адресантов с помощью определенных речевых средств. Продолжая далее изучение специфики политической коммуникации в ООН, мы намерены выявить другие стратегии и тактики и составить их классификацию, охарактеризовать специфику латиноамериканского дискурса, проанализировать особенности выступлений во внешней и внутренней адресации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стернин И. А. Основы речевого воздействия: учебное пособие. Воронеж: Истоки, 2012.
2. Голоднов А. В. Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия (на материале современной немецкоязычной рекламы). М.: Астерион, 2010.
3. Ковешникова, М. Н. Речевая манипуляция и приёмы речевого манипулирования / XVIII Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. СПб, 2014. С. 387–394.
4. Калита А. А., Тараненко Л. И. Речевая манипуляция: определение, функция, механизм реализации / Вестник Харьковского национального университета. 2012. № 1022. С. 10–19.
5. Сагайдачная Е. Н. Манипуляция в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 2. С. 121–126.
6. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода в исследовании институционального дискурса / Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 17. С. 37–42.
7. Димова Г. В. Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
8. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005.

REFERENCES

1. Sternin, I. A. (2012). Osnovy rechevogo vozdejstviya = The basics of speech influence. Textbook. Voronezh: Istoki. (In Russ.)
2. Golodnov, A. V. (2010). Persuazivnaya kommunikaciya: strategii i taktiki vozdejstviya: (na materiale sovremennoj nemeczkoyazychnoj reklamy) = Persuasive communication: strategies and tactics of influence: (based on the material of modern German-language advertising). Moscow: Asterion. (In Russ.)
3. Koveshnikova, M.N. (2014) Rehevaya manipuliaciya i priemy rehevogo manipulirovaniya = Speech manipulation and speech manipulation techniques. Saint Petersburg: XVIII Tsarskosel'skie Chteniya: International Scientific Conference, 387–394. (In Russ.)
4. Kalita, A. A., Taranenko L. I. (2012). Rehevaya manipulyaciya: opredelenie, funkciya, mexanizm realizacii = Speech manipulation: definition, function, implementation mechanism. Vestnik of the Kharkiv National University, 1022, 10–19. (In Russ.)
5. Sagajdachnaya, E. N. (2007). Manipulyaciya v politicheskom disкурse = Manipulation in political discourse. Vestnik of the Chelyabinsk State University, 22, 121–126. (In Russ.)
6. Volkova, T. A. (2011). Diskursivno-kommunikativnaya model' perevoda v issledovanii institucional'nogo diskursa = The discursive and communicative model of translation in the study of institutional discourse. Moskva: Vestnik of the Chelyabinsk State University, 17, 37–42. (In Russ.)
7. Dimova, G. V. (2004). Osnovnye strategii francuzskogo universitetskogo pedagogicheskogo diskursa = The main strategies of the French University pedagogical discourse: Abstract of Doctorate in Philology. Irkutsk. (In Russ.)
8. Parshina, O. N. (2005). Strategii i taktiki rehevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy e`lity` Rossii = Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia: Abstract of Doctorate in Philology. Saratov. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бочаров Евгений Владимирович

старший преподаватель Школы иностранных языков

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bocharov Yevgeniy Vladimirovich

Senior Lecturer, School of Foreign Languages,

National Research University, Higher School of Economics

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.11.2023
21.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81.34

Фонологический статус r-sandhi

Е. А. Буряя

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
helen812@list.ru

Аннотация. R-sandhi это общий термин, объединяющий два типа соединения гласных звуков на стыке слов: связующий [r] и интрузивный [r], прерывающие зияние в безэрных вариантах английского языка. Фонетически они представляют одно и то же явление: у них сходные лингвистические факторы (фонологические, грамматические, лексические), влияющие на их употребление, и функция – прервать зияние. Связки имеют тесную диахроническую связь, так как появились в результате исторического выпадения [r], и интрузивный [r] является следствием реализации по аналогии.

Ключевые слова: r-sandhi, связующий [r], интрузивный [r], зияние, британский произносительный стандарт, фонологический фактор, грамматический фактор, лексический фактор, когнитивный фактор

Для цитирования: Буряя Е. А. Фонологический статус r-sandhi // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 28–33

Original article

Phonological Status of R-Sandhi

Elena A. Buraya

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
helen812@list.ru

Abstract. R-sandhi is a cover term for two types of liaison aimed at breaking hiatus that occur at word boundaries in non-rhotic accents: linking-r and intrusive-r. Phonetically, they are considered to be the same linguistic phenomenon given the existence of a series of similar factors (phonological, grammatical, lexical) that may influence their usage, and their hiatus-breaking function. Both types of liaison are connected diachronically in the sense that they are the result of historical loss of [r], and intrusive [r] is explained in terms of a process of analogy.

Keywords: r-sandhi, linking [r], intrusive [r], hiatus, Received Pronunciation, phonological factor, grammatical factor, lexical factor, cognitive factor

For citation: Buraya, E. A. (2024). Phonological status of r-sandhi. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 28–33.

ВВЕДЕНИЕ

Всем, изучающим английский язык, даже тем, кто находится пока на начальном этапе, знакомо правило, по которому надо произносить структуру *there is / there are*, а именно, во всех случаях, когда слово оканчивается на «немую» букву «г», а следующее слово начинается с гласного звука, то произносится так называемый «связующий [r]».

Это явление известно в английской фонетике еще с тех времен, когда закончился процесс вокализации согласного [r], т. е. приблизительно с XVIII столетия. В прошлом слова, типа *far, car, czar*, произносились с конечным звуком [r], затем в процессе фонологических изменений он выпал и теперь снова произносится как связующий элемент для плавности звучания в тех случаях, когда ему следует словоначальный гласный звук.

Связующий [r] сосуществует с другим типом связки, с «интрузивным [r]». Основным различием между ними считается наличие (*far[r] away*) или отсутствие (*idea[r] of justice*) буквы *r* в орфографии слова.

Употребление вставных звуков объясняется тем, что языки стремятся избежать произнесение двух гласных звуков подряд. В английском языке существует несколько приемов для преодоления этой фонетической ситуации. Одной из них и является употребление связующего или интрузивного [r]. За таким приемом закрепился термин «r-sandhi».

Феномен r-sandhi активно обсуждается в литературе на протяжении нескольких десятилетий, и данная статья посвящена описанию его фонологического статуса.

ЗИЯНИЕ

Явление, при котором на стыке слогов встречаются два или более гласных звука, называется *зиянием* (лат. *hiatus*). Такая ситуация возможна внутри слова (внутреннее зияние) или на стыке двух слов (внешнее зияние), например: *poet, raw onion*.

Многие европейские языки стараются ограничить реализацию зияния и используют разные стратегии, чтобы избежать произнесения двух (а иногда и более) гласных звуков подряд.

Одной из них для английского языка является использование глайдов [ɪ] и [ʊ]. Если первое слово оканчивается на гласный переднего ряда [i:] или [ɪ] или на дифтонг, скользящий к [ɪ], то таким глайдом будет [ɪ], например: *very_ɪ old*. Если слово оканчивается на гласный заднего ряда [u:] или на дифтонг, скользящий к [ʊ], то связующим глайдом будет [ʊ], например: *too_ʊ early*. Эта стратегия, устраняющая зияние, хорошо известна фонетистам-практикам.

А. Краттенден полагает, что глайды [ɪ] и [ʊ] – это средства перехода низкого уровня, и отмечает, что они артикулируются не так, как полноценные звуки /j/ и /w/. Можно подобрать минимальные пары, иллюстрирующие разницу в артикуляции связующего [ɪ] и полноценного [j]: *my_ɪ ears – my years*, а также связующего [ʊ] и полноценного [w]: *two_ʊ-eyed – too wide* [Cruttenden, 2008].

Зияние, как правило, не приветствуется в языках, однако в английском языке использование вставных звуков для его преодоления является факультативным, т. е. необязательным. Оно подвержено вариативности, и все приведенные примеры могут иметь альтернативное произношение, в котором зияние вполне допустимо.

R-SANDHI

Самым известным приемом для преодоления зияния в английском языке является r-sandhi.

В истории английского языка многие изменения в произношении слов не подкреплялись орфографическими изменениями. После того, как в 1476 году Уильям Кэкстон изобрел печатный станок, английская орфография в целом осталась достаточно консервативной и правописание многих слов в современном английском языке отражает их произношение, типичное для англосаксонского и среднеанглийского периодов.

В течение XVII и XVIII веков в английском языке, изначально ротическом, в основном завершились фонетические изменения, в результате которых произошла деротизация, т. е. исторический звук [r], закрепленный в орфографии многих слов, перестал произноситься в предконсонантной (*card*) и поствокальной (*car*) позициях. Сейчас дистрибуция звука [r] в нормативном британском произношении ограничена только предвокальным положением и исключает все иные случаи, в которых на письме появляется буква *r*.

Вместе с тем носители нормативного британского произношения, некоторых диалектов Великобритании и говорящие на других неротических (беззрных) вариантах английского языка вставляют звук [r] в определенных позициях для плавного соединения слов в речи. Дж. Уэллс назвал это явление r-sandhi¹ [Wells, 1982], А. Краттенден, однако, предпочитает термин r-liaison [Cruttenden, 2008].

R-sandhi объединяет два явления: *связующий* [r] (linking-r) и *интрузивный* [r] (intrusive-r), которые предполагают использование вставного [r] в случаях зияния.

¹Термин «sandhi» употреблялся в грамматике санскрита и обозначал процесс взаимовлияния звуков в процессе речи.

Звук [r], произносимый в таких примерах, как *four[r] elephants, hear[r] anything*, соответствует историческому [r], что отражается в написании слов и называется связующим [r].

Интрузивный [r] – это соединение при помощи звука [r] двух последовательных гласных, принадлежащих разным словам, в тех случаях, когда это не оправдано исторически, т. е. когда в правописании отсутствует конечная буква *r*, как, например, в *Russia[r] and China, saw[r] a film*. Таким образом, различие между связующим и интрузивным звуками [r] заключается в наличии / отсутствии буквы *r* в орфографии слова.

С точки зрения синхронии связующий и интрузивный [r] представляют одно и то же фонетическое явление. Как будет показано ниже, у них сходная дистрибуция, фонологический контекст, а также функция: они прерывают зияние и делают плавным переход от одного гласного звука к другому.

Есть сведения, что интрузивный [r] появился в XVIII столетии, вскоре после завершения процесса вокализации [r], и использовался сначала только после конечного [ə]. Такие слова, как *comma, idea, visa* были заимствованы, и, очевидно, произношение сочетаний *comma after, idea is, visa application* без соединяющего [r] воспринималось чужеродным для фонотактики английского языка [Berces, 2011].

В литературе было высказано предположение, что оба типа связки имеют тесную диахроническую связь в том смысле, что они обе появились в результате исторического выпадения [r]. Интрузивный [r] является следствием реализации по аналогии и отражает естественное стремление говорящих унифицировать произношение слов со сходными окончаниями [Wells, 1982; Hay and Sudbury, 2005].

Ориентация на орфографию, однако, всегда являлась сильным фактором, сдерживающим появление интрузивного [r]. Его употребление осуждается приверженцами чистоты английского произношения и рассматривается как вульгаризм, как ненормативный или просто неправильный вариант.

Отказ от употребления интрузивного [r] особенно характерен для людей, проявляющих повышенное внимание к четкости своей речи. В качестве альтернативы они прибегают к использованию паузы или гортанной смычки [Foulkes, 1997; Cruttenden, 2008]. Дж. Уэллс отмечает, что те говорящие, которые не приемлют реализацию интрузивного [r], так же избегают употребления и связующего [r] [Wells, 1982].

Интересно проследить отношение к интрузивному [r] великого Д. Джоунза в разные периоды его научной деятельности. Сначала, как и большинство говорящих на RP, Д. Джоунз относился к нему как к осуждаемому явлению [Jones, 1917]. Позднее он

заметил, что эта черта периодически появляется в его собственной речи [Jones, 1956]. И наконец, Д. Джоунз пришел к выводу, что количество говорящих, никогда не употребляющих интрузивный [r], незначительно [Jones, 1966].

Будучи консультантом на BBC, А. Ллойд Джеймс предписывал дикторам воздерживаться от употребления интрузивного [r], хотя и отмечал, что эта производительная черта прочно укоренилась в британском стандарте и часто проявляется в речи государственных деятелей, юристов, актеров, священнослужителей, профессуры [прив. по: Lewis, 1975].

Дж. Уэллс отмечает, что неприятие интрузивного [r] некоторыми социальными слоями говорящих, придерживающихся рафинированного, несколько консервативного типа произношения, постепенно идет на спад [Wells, 1982]. По данным разных исследований, его использование варьируется от 20 % до 40 % от всех потенциальных случаев. На материале чтения новостных сообщений на BBC Дж. Момпеан и Ф. Гомез установили, что связующий [r] употребляется в 66,5 % возможных случаев, а интрузивный [r] – в 38,1 % [Mompean, Gomez, 2011].

Попутно отметим, что в эрных вариантах английского языка интрузивный [r] практически неизвестен [Cruttenden, 2008].

Есть данные об артикуляционном различии интрузивного [r] и «обычного» [r]: интрузивный [r] короче и слабее [Mullooly, 2004; Tuinman et al., 2011].

В большинстве тех потенциальных случаев, когда *r-sandhi* не употребляется, в качестве стратегии, устраняющей зияние, часто реализуется гортанная смычка. Отвечая на вопрос, почему гортанная смычка является частотным способом в тех случаях, когда, казалось бы, более ожидаемым вариантом должно быть употребление *r-sandhi*, Д. Британ и С. Фокс полагают, что гортанная смычка является основной формой соединения гласных в детском возрасте до той поры, пока не выработаются другие стратегии [Britain, Fox, 2009]. Она постепенно получает всё большее распространение не только в случаях потенциально возможного *r-sandhi*, но и в контекстах, когда ожидается употребление глайдов [j] или [w].

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ НА УПОТРЕБЛЕНИЕ R-SANDHI

В литературе описывается целый ряд лингвистических факторов, сдерживающих или, наоборот, провоцирующих употребление *r-sandhi*.

Фонологический фактор

В британском произносительном стандарте (Received Pronunciation) связующий [r] встречается

(или может встречаться) в словах, оканчивающихся на [ə], [ɑ:], [ɜ:], [ɔ:], а также в дифтонгах и трифтонгах, оканчивающихся на [ə], в которых финальный звук [r], зафиксированный в орфографии, более не употребляется: *Where[r] am I? Is the door[r] open? On the spur[r] of the moment.*

Необходимо признать, что дистрибуция интрузивного [r] достаточно ограничена, так как количество слов, которые оканчиваются на гласный звук и не содержат в орфографии букву r, в английском языке невелико. Наиболее типичными гласными перед возможным интрузивным [r] являются [ə] (*Africa[r] and Asia*), [ɑ:] (*shah[r] of Persia*), [ɜ:] (*I saw[r] everything*), [ɪə] (*idea[r] of*). А. Краттенден, однако, не рекомендует использовать интрузивный [r] после [ɑ:] и [ɜ:] [Cruttenden, 2008].

Примечательно, что имеющиеся в литературе данные по частотности употребления интрузивного [r] в зависимости от фонетического контекста заметно различаются. Так, А. Краттенден и Дж. Уэллс отмечают, что он чаще встречается после [ə], чем после [ɜ:] или [ɑ:], и употребление интрузивного [r] после [ɜ:] – относительно недавняя тенденция.

Другие исследования показали противоположную тенденцию, а именно: конечные [ɜ:] и [ɑ:] в большей степени провоцирует употребление интрузивного [r], чем [ə] [Hannisdal, 2006]. Дж. Момпеан и П. Момпеан-Гилларнон не выявили заметного влияния предшествующего гласного на частотность реализации интрузивного [r], однако отметили, что он все-таки чаще используется после [ɑ:] и [ɜ:], чем после [ə]. Авторы, ссылаясь на П. Ладефогед, объяснили это наличием акустического сходства между [r] и гласными заднего ряда [Mompean, Mompean-Guillarnon, 2009].

Исследователи отмечают, что одним из основных фонологических факторов, сдерживающих употребление r-sandhi, является непосредственная близость другого звука [r], как в случаях: *emperor[Ø]¹ of Russia, lecturer[Ø] at Cambridge, orchestra[Ø] in Moscow* [Lewis 1975; Hannisdal, 2006].

Просодические факторы

Согласно наблюдениям, r-sandhi не типичен для ситуаций с последующим ударным слогом, как в *'act your[Ø] 'age, 'Asia[Ø] 'analyst* [Foulkes, 1997; Hannisdal, 2006; Pavlic, 2016]. Это происходит, полагает П. Фоукс, из-за энергичной артикуляции ударного гласного. В подобных случаях более предпочтительна гортанная смычка: *'Asia[ʔ] 'analyst*.

¹Символ [Ø] означает отсутствие связующего или интрузивного [r].

Грамматические факторы

Морфологическая структура слова является весьма продуктивным фактором для реализации связующего [r], а именно, его можно встретить на стыке двух морфем: *fever – fever[r]ish, store – stor[r]ing – stor[r]age*. Употребление связующего [r] перед суффиксом можно считать обязательным. Источники отмечают, что интрузивный [r] редко употребляется внутри слова, как, например, в *draw[Ø]ing, withdraw[Ø]al*, и такие случаи относятся к наиболее осуждаемым [Hannisdal, 2006; Cruttenden, 2008]. Тем не менее Дж. Линдсэй, основываясь на значительном корпусе звучащего материала, утверждает, что варианты *draw[r]ing, withdraw[r]al* являются достаточно частотными, и эти формы часто можно услышать в чтении новостных сообщений [Lindsey, 2019].

Другой грамматической переменной, влияющей на употребление r-sandhi, можно считать разряд слова. Исследования показали, что связующий [r] типичен после односложных служебных частей речи. Последовательность двух служебных слов, также способствует его реализации: *there[r] are, here[r] is, or[r] a* [Hannisdal, 2006; Pavlic, 2016].

Употребление интрузивного [r] часто можно услышать после знаменательных частей речи перед служебными, как в *India[r] and Pakistan*.

Лексические факторы

Исследователи рассматривали возможность влияния лексического фактора на вариативность в употреблении r-sandhi. Было зафиксировано, что связующий [r] чаще употребляется в устойчивых словосочетаниях, чем в свободных: *for[r] instance, after[r] all, Far[r] East* [Hannisdal, 2006; Mompean and Mompean-Guillarnon, 2009; Pavlic, 2016]. Оба типа связки могут вставляться в сложные слова: *razor[r]-edge, four-year[r]-old, awe[r]-inspiring, law[r]-abiding* [Pavlic, 2016].

Дж. Льюис и Б. Ханнидзал отмечают, что как связующий, так и интрузивный [r] нежелательны перед именами собственными, особенно после титулов, таких как Mr, Doctor, Sir, например, *Doctor[Ø] Evans, saw[Ø] Anthony*. После них предпочтительно сделать паузу. [Lewis, 1975; Hannisdal, 2006].

Дж. Уэллс утверждает, что интрузивный [r] возможен после акронимов: *as far as BUPA[r] is concerned* [Wells, 1982].

Одним из сдерживающих факторов является размер граничащих слов: r-sandhi в наименьшей степени вероятен перед многосложными словами, как в *consumer[Ø] attitude, media[Ø] alliance* [Hannisdal, 2006].

Синтагматические факторы

Оба типа связки употребляется между лексическими единицами, которые принадлежат одной синтагме. Соответственно, синтагматическая граница может служить препятствием для заполнения зияния, потому что она разграничивает две единицы планирования речи, например: *He opened the door [Ø] } and walked in.* Однако Б. Ханнисдал отмечает, что, согласно ее исследованию на материале новостных сообщений BBC, наличие границы не является существенной помехой [Hannisdal, 2006]. Тем не менее, она обнаружила, что говорящие с низким процентом употребления связующего [r] стремятся избегать его перед синтагматическими границами, в то время как подобная тенденция не подтвердилась для говорящих с более высоким процентом реализации связующего [r].

Когнитивный фактор

Словацкий исследователь Р. Павлик попытался объяснить реализацию r-sandhi с точки зрения когнитивности. Когнитивный подход может соотноситься, а иногда и объяснять, влияние факторов, приведенных выше. Реализация связки, полагает Р. Павлик, основана на существовании экземпляра, т. е. категории, сформированной на основе достаточного количества репрезентаций, которые могут быть оформлены в единицы разного размера: звуковые и слоговые последовательности, слова, словосочетания. Частотность в их реализации приводит к тому, что они стали автоматизированными артикуляторными моделями, закрепленными в нашем сознании, т. е. стали некими образцами [Pavlic, 2016].

Р. Павлик пришел к выводу, что частотность определенного типа гласного может предсказать появление r-sandhi. Оба типа связки в одинаковой

степени зависят не только от типа предыдущего (о чем писали многие исследователи), но так же и от последующего гласного звука. Например, передние закрытые гласные [i:], [ɪ], [ɪə] и центральные полуоткрытые гласные [ə], [ɜ:], [əʊ(ə)] способствуют реализации [r], а передние открытые [æ] и задние огубленные гласные [ɔ:], [ɒ]. [ɔɪ(ə)] менее частотны при его употреблении.

Согласно наблюдениям Р. Павлика, частотность слова не влияет на реализацию связок, тем не менее r-sandhi чаще реализуется в устойчивых, чем в свободных словосочетаниях. Это может означать, что часто употребляемые словосочетания хранятся в памяти и воспроизводятся целиком.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

R-sandhi – это общий термин, объединяющий два типа связки, а именно, связующий [r] и интрузивный [r], которые употребляются для заполнения зияния. Оба типа развивались практически одновременно в рамках изменения английского языка.

На протяжении последних десятилетий в литературе активно обсуждается фонологический статус связующего и интрузивного [r]. Анализируются частотность употребления связок, условия, препятствующие или, наоборот, стимулирующие их реализацию.

Обзор проведенных исследований показал, что, несмотря на различие, обусловленное орфографией, связующий и интрузивный [r] имеют общие черты, что r-sandhi – это сложное явление, формируемое такими факторами, как фонетический контекст, грамматические, лексические, синтаксические переменные. Недавнее исследование Р. Павлика показало, что реализации связки могут быть смодулированы на основе сложившегося образца и в значительной степени определены влиянием фактора частотности соседних гласных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cruttenden A. *Gimson's Pronunciation of English*. 7th ed. London: Arnold, 2008.
2. Berces K. B. Filling the hiatus: a changing face of English // *Pazmany Papers in English and American Studies. Faces of English*. 2011. Vol. 5. P. 30–41.
3. Wells J.C. *Accents of English* (3 vols.). Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
4. Hay J. and Sudbury A. How rhoticity became r-sandhi // *Language*. 2005. Vol. 81 (4). P. 799–823.
5. Foulkes P. Rule inversion in a British English dialect: a sociolinguistic investigation of [r] sandhi in Newcastle upon Tyne // *University of Pennsylvania Working papers in Linguistics*. 1997. Vol. 4, No 1. P. 260–270.
6. Jones D. *An English pronouncing dictionary*. London: J. M. Dent & Sons, 1917.
7. Jones D. *The pronunciation in English*. 4th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1956.
8. Jones D. *An English pronouncing dictionary*. 13th ed. London: J. M. Dent & Sons, 1966.
9. Lewis J. W. Linking /r/ in the General British pronunciation of English // *JIPA*. 1975. Vol. 5, No 1. P. 37–42.
10. Mompean J.A., Gomez F.A. Hiatus resolution strategies in non-rhotic English: the case of /r/-liaison // *Proceedings of the 17th Congress in Phonetic Sciences*. Hong Kong, August, 2011. P. 1414–1417.
11. Mullooly R. *An electromagnetic articulograph study of alternating [j] and the effects of stress on rhotic consonants* // Unpublished PhD thesis. Edinburgh: Queen Margaret University College, 2004.

12. Tuinman A., Muttere H., Cutler A. Perception of intrusive r in English by native, cross language and cross dialect listeners // JASA. 2011. Vol. 130. P. 1643–1651.
13. Britain D., Fox S. The regularization of the hiatus resolution system in British English – a contact-induced “vernacular universal”? // Vernacular universals and language contacts / M. Filppupa et al. (eds.). London: Routledge, 2009. P. 177–205.
14. Hannisdal B. R. Variability and change in Received Pronunciation: A study of six phonological variables in the speech of television newsreaders. Unpublished Ph.D. Thesis. University of Bergen, 2006.
15. Mompean J. A., Mompean-Guillarnon P. R-liason in English: an empirical study // Cognitive Linguistics. 2009. Vol. 20, No 4. P. 733–766.
16. Pavlic R. A usage-based account of /r/-liaison in Standard British English // Journal of Phonetics. 2016. Vol. 54. P. 109–122.
17. Lindsey G. English after RP. Standard British Pronunciation Today. Palgrave Macmillan, 2019.

REFERENCES

1. Cruttenden, A. (2008). Gimson's Pronunciation of English. 7th ed. London: Arnold.
2. Wells, J.C. (1982). Accents of English (3 vols.). Cambridge: Cambridge University Press.
3. Berces, K. B. (2011). Filling the hiatus: a changing face of English. *Pazmany Papers in English and American Studies*. Faces of English, 5, 30–41.
4. Hay, J. and Sudbury, A. (2005). How rhoticity became r-sandhi. *Language*, 81 (4), 799–823.
5. Foulkes, P. (1997). Rule inversion in a British English dialect: a sociolinguistic investigation of [r] sandhi in Newcastle upon Tyne. *University of Pennsylvania Working papers in Linguistics*, 4 (1), 260–270.
6. Jones, D. (1917). An English pronouncing dictionary. London: J. M. Dent & Sons.
7. Jones, D. (1956). The pronunciation in English. 4th ed. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Jones, D. (1966). An English pronouncing dictionary. 13th ed. London: J. M. Dent & Sons.
9. Lewis, J. W. (1975). Linking /r/ in the General British pronunciation of English. *JIPA*, 5 (1), 37–42.
10. Mompean, J. A., Gomez, F. A. (2011). Hiatus resolution strategies in non-rhotic English: the case of /r/-liaison. *Proceedings of the 17th Congress in Phonetic Sciences*, 1414–1417, Hong Kong, August.
11. Mullooly, R. (2004). An electromagnetic articulograph study of alternating [y] and the effects of stress on rhotic consonants. Unpublished PhD thesis. Edinburgh: Queen Margaret University College.
12. Tuinman, A., Muttere, H., Cutler, A. (2011). Perception of intrusive /r/ in English by native, cross language and cross dialect listeners. *JASA*, 130, 1643–1651.
13. Britain, D., Fox, S. (2009). The regularization of the hiatus resolution system in British English – a contact-induced “vernacular universal”? In Filppupa M. et al. (eds.) *Vernacular universals and language contacts* (177–205). London: Routledge.
14. Hannisdal, B. R. (2006). Variability and change in Received Pronunciation: A study of six phonological variables in the speech of television newsreaders. Unpublished Ph.D. Thesis: University of Bergen.
15. Mompean, J. A., Mompean-Guillarnon, P. (2009). R-liason in English: an empirical study. *Cognitive Linguistics*, 20 (4), 733–766.
16. Pavlic, R. (2016). A usage-based account of /r/-liaison in Standard British English. *Journal of Phonetics*, 54, 109–122.
17. Lindsey, G. (2019). *English after RP. Standard British Pronunciation Today*. Palgrave Macmillan.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Буряя Елена Анисимовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Buraya Elena Anisimovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Phonetics
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.11.2023
15.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373

Фонетические стратегии речевого воздействия в британской рекламе

М. А. Демина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
demina.malvina@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются фонетические признаки рекламного дискурса, который представляет собой сложную полимодальную форму коммуникации, постоянно находящуюся в поиске новых жанровых форматов и эффективных приемов. Примененный в работе слуховой и компьютерно-акустический анализ позволил выявить базовые интонационно-просодические стратегии рекламного дискурса, оказывающие эксплицитное и имплицитное речевое воздействие на аудиторию на мелодическом и темпоральном уровне.

Ключевые слова: рекламный дискурс, медиадискурс, интонационно-просодическая стратегия, речевое воздействие, мелодика, темп

Для цитирования: Демина М. А. Фонетические стратегии речевого воздействия в британской рекламе // Вестник Московского лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 2 (883). С. 34–40.

Original article

Phonetic Strategies of Speech Impact in British Advertising

Malvina A. Demina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
demina.malvina@gmail.com*

Abstract. The article describes the phonetic attributes of advertising discourse, which is considered as a complex polymodal medium of communication, constantly in search of new genre formats and effective techniques. The auditory and computer based acoustic analysis used in the work made it possible to identify the major intonation-prosodic strategies of advertising discourse that have an explicit or implicit speech impact on the audience at the melodic and temporal levels.

Keywords: advertising discourse, media discourse, prosodic strategy, speech impact, melody, pace

For citation: Demina, M. A. (2024). Phonetic strategies of speech impact in British advertising. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 34–40.

ВВЕДЕНИЕ

Статья рассматривает рекламу как культурно-ориентированный полимодальный жанр медиадискурса, обладающий яркой национальной спецификой и прагматической направленностью. В научной литературе реклама получила достаточно широкое освещение. При этом большинство исследований указывают на своеобразную синкретичность рекламных сообщений, в которых единство различных семиотических пластов направлено на достижение единого эффекта – убедить покупателя приобрести товар. В этой связи персуазивность рекламного дискурса рассматривается в научных работах в манипулятивном ключе, поскольку представляет собой ассиметричное взаимодействие с аудиторией, выгодное в большей степени для рекламодателя. Ученые давно пришли к выводу, что открытый и настойчивый убеждающий посыл менее эффективен, чем имплицитное воздействие [Friestad, Wright, 1994]. В этой связи основная задача рекламного дискурса повлиять на предпочтения потребителей часто реализуется путем фокусирования внимания аудитории на других атрибутах, связанных с рекламируемым товаром лишь косвенно. Манипулятивный потенциал рекламного дискурса заставляет некоторых исследователей даже характеризовать его как «паразитирующий», вторгающийся в другие жанры медиадискурса и в личное пространство потребителей. В результате в погоне за навязанными стереотипами успешной и красивой жизни они часто приобретают ненужные товары [Bhatia, 2016].

Лингвистическая составляющая рекламы также привлекает внимание исследователей. Рекламный дискурс тщательно изучается с точки зрения вариативности лексико-грамматических языковых единиц и в аспекте разнообразия стилистических приемов. Исследование И. Котейко показало, что языковое наполнение рекламных текстов гендерно ориентированно. Так, сообщения, адресованные женской аудитории, как правило, используют полунаучную терминологию и экспрессивную лексику, в то время как для потребителей-мужчин стиль изложения в рекламе намного проще и включает в себя больше номинативных конструкций [Koteyko, 2015].

Фонетические средства в рекламе реже оказываются в поле зрения ученых, что, возможно, связано с особенностями изучения звучащей речи, поскольку полимодальность этого жанра диктует доминирование других семиотических систем в транслировании информации. В данной статье выдвигается предположение о том, что интонационно-просодическое оформление вербальной составляющей рекламного сообщения участвует в реализации замысла и актуализации прагматической

силы рекламного дискурса, внося свой вклад в оптимизацию комплексного воздействия на аудиторию.

ПОЛИМОДАЛЬНОСТЬ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

Современные исследования указывают на то, что, как правило, в фокусе внимания рекламного сообщения находится не сам продукт и его польза для потребителя, а определенный стиль жизни, своеобразным символом которого данный товар становится [Lischinsky, 2018]. При этом в сжатой, синкретичной форме рекламодатели стараются затронуть глубокие социальные и культурные потребности аудитории, в особенности ее взгляды на статусность, индивидуальность, качество, уникальность. Установка на избранность и элитарность, как правило, оказывается весьма привлекательной для аудитории, которая в конечном итоге стремится в большей степени транслировать определенную социальную идентичность, чем применять рекламируемый товар по назначению [Simon, 2009]. В этой связи рекламный дискурс аккумулирует в себе прагматические, социокультурные, философские, психологические и другие социально значимые смыслы, наглядно демонстрируя ценностные ориентации общества, в частности престижного социально-экономического класса. Так, например, С. Яворская отмечает, что в англоязычной рекламе доминируют ценности успешного среднего класса, представители которого проживают в урбанистических центрах и ведут динамичный, насыщенный событиями и личными достижениями образ жизни [Jaworska, 2017].

Как упоминалось выше, реклама является полимодальным видом коммуникации, объединяя в себе разноплановые составляющие, имеющие высокую прагматическую ориентированность. Некоторые исследователи относят рекламу к «креолизированным» формам коммуникации [Сорокин, Тарасов, 1990], комбинирующим несколько семиотических систем, каждая из которых вносит свой вклад в единое комплексное содержание и максимизирует эффект воздействия на аудиторию. Например, определенное музыкальное сопровождение в рекламе апеллирует к эмоционально-чувственной стороне восприятия, задает необходимый тон видеоролику и проводит прочную ассоциацию с продуктом. Что касается визуальных компонентов, то они, по замечанию исследователей, воспринимаются легче и вызывают более положительный отклик у аудитории, склонной в большей степени доверять визуальному каналу. В условиях доминирования аудиовизуальных средств речевая коммуникация используется в рекламе особенно экспрессивно.

Конкуренция с другими семиотическими явлениями заставляет языковые средства проявлять себя наиболее выразительно и эффективно.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА БРИТАНСКОЙ РЕКЛАМЫ

Известно, что реклама, воздействуя на аудиторию, всегда транслирует ценностные ориентиры, принципы и установки определенной культуры. На лингвокультурологическую специфику англоязычной рекламы указывала еще А. Вежбицкая, отмечая изобилие императивных конструкций в американских рекламных текстах и практически полное их отсутствие в британских [Wierzbicka, 2003]. Сопоставление итальянских, немецких и британских рекламных сообщений в сфере туризма показало, что англичане делают акцент не на фактической информации и не на исторических и культурных данных, а на атмосфере, комфорте, приятном времяпрепровождении, которые могут ассоциироваться с путешествием [Манса, 2008]. При этом исследователи отмечают, что чем дальше находится локация, тем более романтичным, эмоциональным, мечтательным, эмоционально-насыщенным и даже чувственным является ее описание [Jaworska, 2017]. На особый эмоциональный подход к аудитории в британской рекламе обратила внимание и антрополог К. Фокс, приводя в пример серию чрезвычайно успешных рекламных роликов Мармайт (Marmite), в каждом из которых намеренно акцентируется внимание на отвращении тех, кто впервые пробует продукт [Fox, 2004]. При этом имплицитно, на наш взгляд, рекламная кампания проводит идею о том, что данный вкус способны по достоинству оценить только истинные англичане. Так, лишь единицам нравится эта паста, среди которых медвежонок Паддингтон – символ английской культуры. Таким образом, исключительность потребителя и уникальность выбора подчеркиваются с помощью главных персонажей в видеороликах, которые предпочитают Мармайт. Кроме этого вкрадчивая, ненавязчивая манера дикторской речи за кадром (создающаяся во многом за счет интонационно-просодических средств) также проводит ассоциацию с главными ценностными ориентирами английской культуры – скромностью и умеренностью («modesty and moderation» [Fox, 2004]).

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как отмечалось выше, соотношение речевой коммуникации и аудиовизуального контента в рекламе неравнозначно. Поскольку в видеороликах

текстовая информация часто представлена минимально, изучение лингвистического плана рекламного дискурса сталкивается с определенными трудностями. Для данного исследования были отобраны 20 британских рекламных видеороликов, в которых текстовое сообщение играет ведущую роль и выступает основным рычагом воздействия на аудиторию, а аудиовизуальное сопровождение является его фоном. В экспериментальный корпус вошли записи женской речи, рекламирующие косметические и парфюмерные товары и адресованные женской аудитории, поскольку, как упоминалось выше, такие сообщения, отличаются большей лингвистической вариативностью и экспрессией [Koteyko, 2015]. Отобранные видеоклипы были подвергнуты слуховому и компьютерно-акустическому анализу в аспекте вариативности методических и темпоральных показателей речи. Слуховой анализ был направлен на детальное аннотирование транскриптов с указанием элементов интонационного контура. Система интонационных символов, использованная в данной статье, была разработана и активно применяется в лингводидактических и исследовательских целях на кафедре фонетики английского языка Московского государственного лингвистического университета [Васильев, 2009]. Компьютерно-акустическая верификация результатов слухового анализа включала в себя измерение показателей частоты основного тона (ЧОТ), длительности ударных и безударных слогов, а также длительности синтагм и пауз. Полученные данные подвергались количественной обработке с определением средних значений, средних максимальных и средних минимальных показателей ЧОТ (ЧОТmean, ЧОТmin, ЧОТmax), а также средней длительности слога (СДС), ударного слога (СДСуд.), синтагмы (СД синтагмы) и паузы (СД паузы). В ходе анализа также вычислялся индекс соотношения средней длительности ударного и безударного слога и индекс соотношения фонации и паузации.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эксплицитная интонационно-просодическая стратегия

Проведенный фонетический анализ позволяет говорить о стратегическом использовании интонационно-просодических средств в британском рекламном дискурсе. В отобранных видеороликах мелодические и темпоральные характеристики речи варьируются в зависимости от подхода к продвижению товара – «жесткий», агрессивный (hard sell) либо «мягкий», ненавязчивый (soft

sell). Эти два базовых подхода к продвижению товара в лингвистическом плане выражаются в эксплицитной или имплицитной реализации прагматического посыла транслируемого сообщения. Эксплицитная интонационно-просодическая стратегия характерна для агрессивного продвижения товара (hard sell), отличающегося прямой, открытой апелляцией к рациональному в потребителях. При таком подходе в рекламном ролике перечисляются достоинства продукта, подчеркивается его очевидное превосходство над другими, а лояльные потребители ассоциируются с привилегированной социальной группой. Интонация диктора в этом случае очень выразительна и экспрессивна. Она изобилует категоричными нисходящими тонами, часто высокого уровня, ритмично дробящими речевой поток на очень короткие синтагмы (пример 1).

Пример 1
ʒReady for a ʔrevoʔlution? || ʔRimmel ʔLondon's ʔnewʔ the "only ʔone ʔlipstick,ʔ a ʔground,ʔbreakingʔ 'all in ʔone ʔformulaʔ. That's ʔchallengingʔ ʔlipstick ʔhistory.ʔ A ʔriotʔ of 'long 'lasting ʔcolourʔ. 'All ʔday ʔcomfort,ʔ ʔmoistureʔ and su'preme ʔwear.ʔ 'No ʔcompromise!ʔ 'Enter a ʔnew ʔeraʔ with the 'only ʔone ʔlipstick.ʔ From 'Rimmel ʔLondon.ʔ 'Get the ʔLondon ʔlook.

Доминирующий посыл таких сообщений выражается также при помощи постепенно нисходящей шкалы и шкалы с нарушенной постепенностью, которые совместно с категоричными нисходящими контурами создают эффект безоговорочности сказанного (таблицы 1 и 2).

В акустическом плане эксплицитная интонационно-просодическая стратегия выражается в большей просодической акцентированности ударных слогов за счет повышения на них уровня ЧОТ и увеличения длительности (таблица 3). Вместе с тем данные сообщения очень динамичны за счет кратких логических пауз, которые также выполняют и экспрессивную функцию, поскольку часто выделяют отдельное слово и создают особый риторический эффект своеобразной «интонационной парцелляции» (пример 2).

Пример 2
ʔLive ʔ from ʔLondon. ʔ ʔRimmel introʔduces ʔ ʔCara Deleʔvingne ʔ for ʔnewʔ ʔScandaleyes ʔ Reʔloaded Masʔcara.ʔ ʔDangerously ʔbold ʔlashes ʔ reʔloaded with ʔscandalous ʔvolume.ʔ ʔNew ʔ ʔmax ʔdensity ʔbrush ʔ for ʔclump free ʔlashes ʔ from ʔcorner to ʔcorner. ʔ Exʔtreme ʔvolume ʔ ʔup to ʔ24 ʔhour ʔimpact! | Exʔtreme ʔwear ʔyet ʔeasy to reʔmove with ʔwarm ʔwater.|| Unʔstoppable. ʔ ʔNew ʔ ʔScandaleyes Reʔloaded ʔ for ʔRimmel ʔLondonʔ. ʔGet the ʔLondon ʔlook.

Таблица 1

ДИСТРИБУЦИЯ МЕЛОДИЧЕСКИХ ТОНОВ
В ИНТОНАЦИОННО-ПРОСОДИЧЕСКИХ РЕКЛАМНЫХ СТРАТЕГИЯХ (%)

Тон	Эксплицитная	Имплицитная	Общий показатель
Нисходящий	44	26	70
Восходящий	9	6	15
Ровный	2	5	7
Нисходяще-восходящий	3	0,5	3,5
Восходяще-нисходящий	4	0,5	4,5

Таблица 2

ДИСТРИБУЦИЯ МЕЛОДИЧЕСКИХ ШКАЛ
В ИНТОНАЦИОННО-ПРОСОДИЧЕСКИХ РЕКЛАМНЫХ СТРАТЕГИЯХ (%)

Шкала	Эксплицитная	Имплицитная	Общий показатель
Ступенчатая	44	31	75
С нарушенной постепенностью	2	1	3
Скользящая	4	2	6
Скандентная	1	0,5	1,5
Восходящая	0,5	–	0,5
Ровная	6	2	8
Смешанная	4	2	6

Таблица 3

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
В ИНТОНАЦИОННО-ПРОСОДИЧЕСКИХ РЕКЛАМНЫХ СТРАТЕГИЯХ

Параметр	Эксплицитная	Имплиcitная	Средний показатель
ЧОТ _{max} (Гц)	319	220	270
ЧОТ _{mean} (Гц)	207	156	182
Диапазон (пт)	21	13	17
СДСуд. (мс)	286	266	276
СДС (мс)	233	206	220
СДСуд. / СДСб/уд.	1,5	1,3	1,4
СД паузы (мс)	197	650	424
СД синтагмы (мс)	1162	1230	1196
Фонация / Паузация	9	3	6

Когнитивное воздействие данной стратегии реализуется также во многом за счет высокого темпа и ритмичности рекламного сообщения, которые способствуют донесению информации о достоинствах продукта аудитории и значительно облегчают ее восприятие. При этом динамика и стремительность ролика не позволяют аудитории критически осмыслить информацию и определить, действительно ли этот товар является необходимым.

Имплиcitная интонационно-просодическая стратегия

Имплиcitная интонационно-просодическая стратегия (soft sell) характерна для менее очевидного рекламного хода и осуществляет скрытое воздействие на адресата, апеллируя к его эмоциям и чувствам. Основной задачей в этом случае является не продажа товара, а установление особых конфиденциальных отношений с потребителем. Скрытый прагматический посыл в данной стратегии может выражаться в кажущейся простоте и условности рекламного текста, насыщенного расплывчатыми, неясными описаниями, мало относящимися к конкретному продукту. Подобный «туманный» стиль в первую очередь направлен на создание особого настроения у аудитории и завоевание ее доверия (пример 3). Очень часто название продукта при таком подходе либо совсем не звучит, либо вскользь упоминается, а основной акцент в рекламном видеоролике делается на описании уникальной атмосферы или ситуации, вызывающей приятные ассоциации с рекламируемым продуктом.

Пример 3

'Me and my 'mum' 'we →are } } 'really 'close 'we 'always 'have been. || She 'never 'let's me 'give ,up || and she's →taught me' 'I can 'do it ,all. || 'She's my ,best friend. || 'She's 'my'mother.

В британской рекламе имплиcitные тактики признаются более успешными и встречаются гораздо чаще эксплицитных. Этот факт, безусловно, связан с высоким манипулятивным потенциалом данного подхода, поскольку воздействие как таковое не осознается адресатом в полной мере.

Интонационно имплиcitная речевая стратегия выражается в имитации непринужденной разговорной манеры, которая во многом создается за счет употребления ровных тонов и более длительных пауз, в том числе пауз хезитации (таблицы 1 и 2). Просодическое оформление речи в этом случае гораздо менее выразительно, чем при эксплицитном воздействии, и отличается более узким диапазоном, меньшей акцентуацией ударных слогов, более длительными паузами, создающими «рваный» темп речи, меньшей ритмичностью и низким индексом соотношения фонации и паузации (табл. 3). При этом длительность синтагм немного выше, чем в эксплицитной стратегии, однако представляется, что это продиктовано разговорной манерой, вкраплениями междометий, повторами слов, оговорками и другими атрибутами спонтанной речи [Demina, 2023]. Такие сообщения менее ритмичны, менее динамичны, тише, вкрадчивее, что психологически способствует созданию особой доверительной атмосферы и в итоге располагает адресата к говорящему (пример 4).

Пример 4

When I'm 'making →art √ some'times I 'feel →like √ }
I've just com\pletely disa\ppeared. } I 'think √ } →eyes√
'always 'look √better√ 'when they are √looking at
'someone whom they √really √care a,bout. √ Some'times,
like, √ } they 'can 'just 'light √up. √ √Everything I 'really
'do √ has to 'do with √people. √ 'Photography, 'art,
'drawing. √ If √I was to 'do 'eyeliner √ I √do on the
'top, √ →em, √ I'd 'probably 'do a 'really √thin √layer.
√ Some'times I 'do it 'more √thick√ with like a √tiny
√flick at the →end. √ My √eyes √ 'kind of 'change
'colour. √ I 'think 'when I'm 'more →tanned √ they 'look
'more √green,√ and 'when I'm 'more →pale√ they 'look
'more →blue. √ I 'always √do that, √ I √always √stare at
'people. √ I 'just √analyze them. √ √Eye 'contact is 'very
im\portant. } The 'way 'someone's √looking at √you, √
you can 'tell a √lot.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реклама представляет собой неотъемлемую часть социальной среды и повседневной жизни каждого человека, поэтому переоценить влияние рекламы на массовую коммуникацию трудно. Будучи популярным коммерческим жанром медиадискурса, рекламные ролики во многом определяют формат трансляции, разделяя общий информационный поток на отдельные блоки, что позволяет исследователям даже характеризовать данный жанр дискурса как «паразитирующий». В социокультурном плане реклама отталкивается от социальных

стереотипов и глубинных представлений людей об успешной и счастливой жизни, которые в явном или скрытом виде транслируются в сообщении.

Британская реклама всегда отличалась уникальными методами продвижения продукта, основанными на исключительной оригинальности, смелом юморе и высокой интертекстуальности. Основопологающая коммуникативная стратегия недосказанности в английской культуре не могла не найти отражение в замысле, композиции, видеоряде и тексте видеороликов. В первую очередь, это выражается в том, что часто рекламируемый продукт не описывается открыто, а характеризуется на уровне ипликатур, на которые в том числе указывают и фонетические средства речевого компонента полимодального сообщения.

Проведенный анализ позволил выявить две базовые интонационно-просодические стратегии британского рекламного дискурса, основанные на эксплицитном и имплицитном воздействии на аудиторию мелодических и темпоральных средств коммуникации. Компьютерно-акустический анализ позволил определить глубинные различия двух подходов, а также выявить менее заметные детали и нюансы речевой манипуляции в обоих случаях.

Представляется, что проведенный анализ вносит вклад в экспериментально-фонетическое исследование и в лингвокультурологическое описание рекламного дискурса, а также в интерпретацию данного жанра в межкультурном контексте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Friestad M., Wright P. The persuasion knowledge model: How people cope with persuasion attempts. *Journal of Consumer Research*, 21(1), 1–31. 1994.
2. Bhatia V. K. Critical genre Analysis. Investigating interdiscursive performance in professional practice. London: Routledge. 2016.
3. Kotevko I. The language of press advertising in the UK: A multi-dimensional study. *Journal of English Linguistics*, 43(4), 2015. P. 259–283.
4. Lischinsky A. Critical discourse studies and branding // *The Routledge handbook of critical discourse analysis*. London: Routledge. 2018. P. 540–552.
5. Simon B. Everything but the coffee: Learning America from Starbucks. Berkeley, CA: University of California Press. 2009.
6. Jaworska S. Metaphors we travel by: A corpus-assisted study of metaphors in promotional tourism discourse // *Metaphor and Symbol*, 32(3), 2017. P. 161–177.
7. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия*. М.: Наука, 1990.
8. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction, Second edition, Mouton de Gruyter Berlin New York, 2003.
9. Manca E. From phraseology to culture. Qualifying adjectives in the language of tourism // *International Journal of Corpus Linguistics*, 13(3), 2008. P. 368–385.
10. Fox K. *Watching the English*. London: Hodder and Stoughton Ltd. 2004.
11. Васильев В. А. *Phonetics of the English language: A Practical Course*, М.: Высшая школа, 2009.
12. Demina M. A. Selling English: Advertising as a Phonopragmatic Medium for Teaching Intonation Use. 3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies, 29 (4), 2023. P. 160–177.

REFERENCES

1. Friestad, M., Wright, P. (1994). The persuasion knowledge model: How people cope with persuasion attempts. *Journal of Consumer Research*, 21(1), 1–31.
2. Bhatia, V. K. (2016). *Critical genre Analysis. Investigating interdiscursive performance in professional practice*. London: Routledge.
3. Koteyko, I. (2015). The language of press advertising in the UK: A multi-dimensional study. *Journal of English Linguistics*, 43(4), 259–283.
4. Lischinsky, A. (2018). Critical discourse studies and branding. In J. Flowerdew & J. Richardson (Eds.), *The Routledge handbook of critical discourse analysis* (pp. 540–552). London: Routledge.
5. Simon, B. (2009). *Everything but the coffee: Learning America from Starbucks*. Berkeley, CA: University of California Press.
6. Jaworska, S. (2017). Metaphors we travel by: A corpus-assisted study of metaphors in promotional tourism discourse. *Metaphor and Symbol*, 32(3), 161–177.
7. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). *Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya = Creolized texts and their communicative function*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Wierzbicka, A. (2003). *Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction*, Second edition, Mouton de Gruyter Berlin New York.
9. Manca, E. (2008). From phraseology to culture. Qualifying adjectives in the language of tourism. *International Journal of Corpus Linguistics*, 13(3), 368–385.
10. Fox, K. (2004). *Watching the English*. London: Hodder and Stoughton Ltd.
11. Vasiliev, V. A. et al. (2009). *Phonetics of the English language: A Practical Course*. Moscow: Vysshaya shkola.
12. Demina, M. A. (2023). Selling English: Advertising as a Phonopragmatic Medium for Teaching Intonation Use. 3L: The Southeast Asian Journal of English Language Studies, 29(4), 160–177.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демина Мальвина Александровна

кандидат филологических наук, доцент
 доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
 Московского государственного лингвистического университета
 доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации
 Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Demina Malvina Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor
 Associate Professor at the Department of English Phonetics
 Faculty of the English language, Moscow State linguistic University
 Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
 Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
 одобрена после рецензирования
 принята к публикации

23.11.2023
 26.12.2023
 22.01.2024

The article was submitted
 approved after reviewing
 accepted for publication

Юридический перевод в поликультурном мире: социально-прагматический и лингвокультурологический аспекты

Е. В. Думина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
dumina@list.ru

Аннотация. Предметом статьи является анализ переводческой деятельности в сфере юриспруденции в условиях современного поликультурного мира. В работе определены факторы, благотворно влияющие на результат и процесс перевода текстов юридического дискурса. Автор интерпретирует юридический перевод как специфический вид языкового посредничества, обращает особое внимание на социально-прагматический и лингвокультурологический компоненты юридическо-го перевода. Сделан вывод, что качество перевода в значительной степени зависит от личности переводчика, его языкового и социокультурного опыта.

Ключевые слова: перевод, юридический текст, прагматика, социокультурное взаимодействие, лингвокультурологический компонент, межкультурная коммуникация, поликультурная языковая личность

Для цитирования: Думина Е. В. Юридический перевод в поликультурном мире: социально-прагматический и лингвокультурологический аспекты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 41–47.

Original article

Legal Translation in a Multicultural World: Sociopragmatic and Linguocultural Aspects

Evgenia V. Dumina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
dumina@list.ru

Abstract. The subject of this article is the analysis of translation activities in the field of Law in the modern multicultural environment, the factors that have a beneficial effect on the result and process of legal discourse of text translation is identified. The author interprets legal translation as a specific type of linguistic mediation, shows the special importance of socio-pragmatic and linguocultural components of legal translation. It is concluded that the quality of translation largely depends on the personality of the translator, his linguistic and sociocultural experience.

Keywords: translation, legal text, pragmatics, sociocultural interaction, the culturological component, intercultural communication, multicultural linguistic personality

For citation: Dumina, E. V. (2024). Legal translation in a multicultural world: sociopragmatic and linguocultural aspects. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 41–47.

ВВЕДЕНИЕ

Усложнение международных отношений, беспрецедентный миграционный бум в мире, борьба с международным терроризмом, цифровая трансформация экономики и социальной сферы, а также другие глобальные процессы отражают новую объективную реальность, которая незамедлительно высвечивает новые грани национального языка и самобытный колорит культуры разных народов. Вместе с тем благодаря глобализации, охватывающей всё большее число государств, динамично развивается межгосударственное торгово-экономическое сотрудничество, профессиональное сотрудничество в сфере уголовно-правовой юрисдикции и оперативно-разыскной деятельности различных стран, расширяются социальные и политические связи, появляются всё новые и новые возможности для культурных обменов и распространения культурных ценностей. Совершенно неудивительно, что сегодня в переговорно-дипломатическую деятельность и в работу по установлению деловых контактов с зарубежными партнерами активно вовлекаются юридические кадры, поскольку они разбираются в механизме взаимодействия международного и внутригосударственного права и могут сопоставить национальные законодательства с общепринятыми нормами международными права [Дивид, Удалова, 2018]. При этом любой письменный документ, содержащий юридически значимую информацию (договор, соглашение, декларация, постановление, протокол, исковое заявление, свидетельство о праве на наследство и т. д.), становится основным инструментом, посредством которого устанавливаются и развиваются межличностные и профессиональные связи, осуществляются процессы межкультурного взаимодействия и взаимовлияния между двумя или более субъектами социокультурной деятельности. Соответственно, специальные тексты, подготовленные профессиональными юристами, выступают в качестве основной содержательной единицы социокультурной и межкультурной коммуникации людей, функционирующих в разных национально-языковых коммуникативных пространствах, т. е. между ними отсутствует единый язык общения, но есть стремление к сотрудничеству и совместному поиску взаимоприемлемого решения конкретной задачи. Тесная взаимосвязь между языком, культурой, правом и другими составляющими, воздействующими на общественные отношения и влияющими на процессы межличностной и профессиональной коммуникации, очевидна, но также не вызывает сомнений и тот факт, что незнание современных

реалий, неспособность ориентироваться в пространстве общечеловеческой и правовой культуры или неумение правильно применять языковые явления на практике создают основательные предпосылки для межкультурных, языковых (речевых) конфликтов и правовых споров между представителями двух контактирующих сторон. При отсутствии лингвистической, культурной или правовой общности передача юридически значимой информации от одного коммуниканта другому, как правило, происходит с помощью специалиста-переводчика, в задачи которого входит с помощью переводческих операций полно и точно воспроизвести содержание текста оригинала таким образом, чтобы «он был максимально приближен к терминологии правовой системы другой страны и соответствовал стилистике, синтаксису и другим аспектам языка перевода» [Чепак, Черниговский, 2016, с. 173].

Мы абсолютно убеждены в том, что в условиях глобального поликультурного общества одной из главных предпосылок успешной коммуникации в межкультурном профессиональном общении юристов является надлежащий эквивалентный и адекватный перевод иноязычного юридического, или правового, текста, главной особенностью которого составляет язык права [Косоногова, 2015]. В дополнение скажем, что перевод юридических документов и текстов иноязычного правового дискурса вполне закономерно относится к одному из самых сложных видов специальных переводов, осуществить который способен только переводчик-профессионал, выступающий в данном процессе одновременно как носитель родной национальной культуры, так и как транслятор уникальной иноязычной культуры [Авдеева, 2016].

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Процесс глобализации находит свое отражение не только в экономической интеграции стран, но и в стремлении к однородности и равенству между членами общества, однако оно по-прежнему остается гетерогенным. Это значит, что в нем пересекаются, одновременно противостоят друг другу и органично взаимодополняют когнитивные структуры различных сообществ и типов культур. Среди фундаментальных характеристик современного мироустройства прежде всего стоит выделить два аспекта:

- 1) тесное переплетение и параллельное сосуществование самых разных национальных

культур, каждая из которых обладает своими уникальными и самобытными традициями и обычаями;

- 2) взаимовлияние нескольких независимых языков, используемых для межличностного и профессионального общения, сотрудничества и обмена между языковыми личностями, принадлежащими к разным лингвокультурным и лингвоправовым сообществам.

Кроме того, стоит указать еще одну важную особенность современного этапа мирового развития, суть которой заключается в том, что на почве многоязычия и культурного разнообразия в поликультурном обществе возникают проблемы национально-культурной идентичности – значимый фактор социальной реальности, определяющий социокультурное взаимодействие и влияющий на когнитивные процессы и процесс межкультурной коммуникации. В условиях глобализирующейся реальности мы можем наблюдать всё более четко проявляющуюся тенденцию к размыванию и обесцениванию национальной идентичности, эрозии жизненных норм и традиционной базовой культуры, утрате нравственных ориентиров и кризису ценностей. На наш взгляд, причины низкой степени взаимопонимания и коммуникативных неудач, приводящих к дисгармонии в социальных и межличностных отношениях, коренятся не только в незнании или плохом знании языка. Различия фоновых знаний адресанта и адресата, несовпадение закрепившихся в их индивидуальной языковой картине мира социокультурных стереотипов, полное или частичное несоответствие культурных и социальных норм, а именно системы ценностей, обычаев, образцов общения и поведения, взглядов и убеждений разноязычных коммуникантов могут служить основанием для возникновения конфликтов в межкультурном общении.

В этой связи повышенное внимание уделяется особенностям функционирования языка в различных сферах общения, в том числе при взаимодействии с представителями разных культурных и языковых сообществ, но имеющих общие профессиональные интересы и решающих общие коммуникативные задачи. Поскольку в разных культурах образование, обычаи и социальные институты существенно различаются, то носители разных языков несмотря на все прилагаемые старания, как уже упоминалось выше, зачастую испытывают трудности в общении друг с другом главным образом из-за несовпадения концептов лингвокультур и расхождений картин мира при восприятии и интерпретации информации исходного текста (ИТ) или коммуникативной ситуации юридической

действительности (например, выступление в суде, проведение допроса, обсуждение условий договора, оглашение приговора и др.).

При отсутствии общности менталитетов, рассогласовании ценностных ориентиров, представлений и образа мышления, которые отображаются и формируются в языке, несовпадении уровней интеллектуального и культурного развития или при разности сфер профессиональной деятельности (например, общение юристов и неюристов) единственный способ налаживания конструктивного межкультурного диалога / полилога – общение посредством специалистов, имеющих практические навыки устного и письменного перевода и способных с помощью тех или иных переводческих приемов обеспечить передачу прагматического потенциала текста оригинала, межкультурную эквивалентность слов, правильную интерпретацию правовых концептов и социокультурных реалий на ИЯ (исходном языке) и ПЯ (языке перевода).

Также стоит обратить внимание, что в условиях мультикультурной и многонациональной среды исключительное значение приобретают умения языкового посредничества и навыки специального перевода [Думина, 2023]. Так, переводчик как поликультурная языковая личность в условиях межсоциального и межкультурного общения, используя коммуникативные стратегии, тактики и приемы, выполняет письменный перевод юридических документов и текстов правовой тематики, по сути, осуществляет лингвокультурологическую медиацию, сглаживая различия в фоновых знаниях или расхождения языковых норм между разноязычными участниками коммуникативного процесса [Шамилов, Сдобников, 2015]. Мы считаем, что при социокультурном взаимодействии именно перевод может служить надежным связующим элементом между двумя субъектами коммуникативного действия, при этом переводчик, выступая в роли то отправителя, то получателя концептуальной и социокультурологической информации, через язык права транслирует культурные ценности, поскольку он, как пишет А. Н. Пузатых, «сам является частью своего национально-культурного сообщества и его языковое сознание отражает языковую картину мира этого сообщества» [Пузатых, 2019, с. 140].

В процессе перевода в правовой сфере переводчик приобщается к различным лингвокультурам, постигает национально-культурную специфику построения иноязычного правового дискурса, в результате чего в его сознании постепенно формируется уникальная профессиональная (переводческая и правовая) картина мира. Мы считаем, что лишь добившись глубокого понимания «чужой» общечеловеческой и правовой культуры на концептуальном уровне

и выработав юридическое мировоззрение, близкое к мировоззрению практикующего юриста – носителя иной культуры, переводчик способен путем перекодировки ИТ обеспечить создание и передачу реципиенту, не владеющему языком оригинала и форматами области права, нового гармоничного текста перевода на другом языке, отобразив в нем картину мира автора с другим мировоззрением и другими ценностями. По нашему мнению, такой переведенный текст правовой направленности в полной мере может служить полноценной коммуникативной заменой аутентичного текста и иметь одинаковую с оригиналом юридическую силу.

Таким образом, можно констатировать, что в многообразном поликультурном мире всё более весомой становится роль перевода в сближении и гармонизации отношений между народами, укреплении связей и сотрудничества, осуществлении обмена культурными ценностями и идеями. Сегодня юридический перевод стоит рассматривать не только как акт получения и передачи правовой информации преимущественно в письменной форме от одного субъекта к другому, но и как высокое искусство общения, которым владеют лишь немногие лингвисты-переводчики и которое постигается ни один год.

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

В переводческой деятельности, отличительными чертами которой являются бикультурность (поликультурность) и билингвизм (мультилингвизм), ключевую роль играет личность переводчика, поскольку перед ней стоит ответственная задача – восстановить смысловые намерения коммуникативных ситуаций действительности и добиваться максимального сближения на уровне концептуальных и языковых картин мира ИЯ и ПЯ. Суть прагматики юридического перевода заключается в выявлении и квалификации интенций, заложенных в ИТ иноязычного правового дискурса. Многие теоретики и практики перевода сходятся во мнении, что прагматика перевода является высшей точкой переводческой компетентности. Говоря о сути социально-прагматического аспекта перевода, мы имеем в виду прагматическую адаптацию перевода оригинала, которую должен осуществлять переводчик с целью донесения до получателя понятного и доступного текста оригинала. Применительно к категории прагматической адаптации в письменном юридическом переводе, то ее сущность заключается в создании переводчиком оригинального текста, который мог бы без усилий

восприниматься представителями иных правовых культур путем «адаптации системы понятий и процедурных сценариев правовой культуры текста на ИЯ к системе соотносимых понятий и сценариев правовой культуры в тексте на ПЯ» [Атабекова, 2012, с. 27]. Благодаря особому комплексному переводческому анализу, включая предпереводческий анализ, направленному на всестороннее восприятие ситуации межкультурной коммуникации и глубокое понимание юридического дискурса, на разбор используемых лексико-семантических, синтаксических и стилистических средств в зависимости от вида письменного перевода, переводчик может гораздо быстрее и точнее раскрыть истинный мотив данного конкретного письменного текста [Елизарова, Кустова, 2022]. Иными словами, для получения достаточной степени полноты и точности перевода, переводчику, приступающему к работе над юридическим текстом, следует ответить на ряд существенных вопросов, связанных

- с идентификацией участников межкультурной коммуникации (*кто?* – *кому?*): кто автор ИТ и кто получатель?
- с установлением пространственных (*где?*) и временных (*когда?*) характеристик: когда и где был создан ИТ?
- с определением коммуникативной цели перевода (*для чего?*) и его темы (*о чем?*): с какой целью создан ИТ? На кого ориентирован ИТ?
- с прогнозированием потребностей и ожидания получателя текста перевода: *для чего* и *для кого* осуществляется перевод данного текста? В каком контексте он воспринимается адресатом в оригинале и в каком – получателями перевода, т. е. переводчик сначала определяет целевую аудиторию такого текста и проводит предварительную диагностику эффективности коммуникативного воздействия на сознание и поведение предполагаемого реципиента. Поскольку любой переводчик стремится создать такой текст, который способствовал бы сближению «своей» и «чужой» культуры в соответствии с ожиданиями принимающей культуры, представляется целесообразным прибегнуть к подобным вопросам. На наш взгляд, они должны обеспечить смысловую точность юридического перевода, поскольку на их основе переводчик может воссоздать целостную картину, описанных в тексте событий, смоделировать объективную коммуникативную ситуацию, в которой

был создан текст оригинала, осуществить погружение в коммуникативную деятельность и восстановить смысловые намерения всех участников речевого взаимодействия [Петрова, 2018].

С учетом всех ранее перечисленных обстоятельств переводчик в сфере юриспруденции представляется нам как уникальная поликультурная языковая личность, способная к продуктивной деятельности в условиях многоязычия и культурного многообразия общества и готовая к участию в социокультурной и межкультурной коммуникации с представителями разных культурных и языковых групп. Для этого помимо сформированного профессионального переводческого мышления, социокультурной компетенции, она должна разбираться в лингвокультурологической специфике юридической коммуникации и уметь продуцировать тексты, соответствующие условиям коммуникации.

Все вышеизложенное позволяет резюмировать, что, будучи непосредственным участником акта речевого общения на ИЯ и ПЯ, выступая попеременно то в роли получателя, то в роли отправителя сведений, переводчик несет персональную ответственность за информативную точность и коммуникативную равноценность специального текста оригинала и перевода. От социально-коммуникативных и когнитивных навыков, языковых способностей переводчика в сфере права, его речевой культуры, уровня сформированности профессионально значимых для переводческой деятельности компетенций, включая профессиональное переводческое мышление, от его индивидуального переводческого мастерства зависят процесс перевода и его конечный результат – определенный текстовый продукт в письменной форме. Перевод юридического текста, выполненный на высоком уровне дипломированным специалистом, который в совершенстве владеет всеми тонкостями юридического языка адресанта, правилами оформления текстов юридических документов, безупречно знает правовые реалии и терминологию, функционирующую в иноязычном правовом дискурсе, а также досконально разбирается в сфере права, несомненно, является одним из возможных вариантов недопущения возникновения многих проблем в общении или смягчения их возможных последствий для конфликтующих сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В контексте мировых интеграционных процессов вполне оправданно вызывает большой интерес рассмотрение профессиональной переводческой

деятельности не только как лингвистического процесса, но и как способа межкультурной и межкультурной медиации, обеспечивающего межнациональное согласие и межкультурный диалог. В условиях, когда любое взаимодействие между сторонами, наделенными субъективными правами и юридическими обязательствами, может привести к столкновению интересов и конфронтации между субъектами права, а также порождать многочисленные конфликтные ситуации, включая серьезные правовые коллизии и социально-правовые противоречия по причине существенных расхождений правовых систем различных государств и правовых культур различных социумов, в заключение хотелось бы указать на востребованность профессии переводчика в сфере юриспруденции и особо подчеркнуть важность переводческой деятельности в сфере права в современном мире.

В свете интеграционных процессов, действительно, сложно переоценить значение и роль юридического перевода в поликультурном обществе, поскольку увеличение многоязычных контактов и активно развитие межгосударственного сотрудничества в разных областях зачастую влечет за собой несовместимость претензий, несовпадение систем ценностей и картин мира, принципиальное расхождение позиций и взглядов. В этой связи хочется отметить большую общественно-политическую и социальную значимость переводческой деятельности в сфере юриспруденции как связующего фактора, особенно в переговорном процессе, между всеми участниками международных правоотношений. Выполняя позитивную социальную функцию и имея высокую общественную и культурную значимость, юридический перевод значительно облегчает процесс коммуникации между представителями разных лингвокультурных и лингвоправовых сообществ. В контексте специфики многоязычного и поликультурного мира юридический перевод как особый вид профессионального общения играет консолидирующую роль при регулировании межнациональных отношений, налаживании бесконфликтного сосуществования и установлении взаимных контактов на основе согласия между народами, говорящими на разных языках. Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что качественно выполненный компетентным специалистом юридический перевод служит важным инструментом для организации бесконфликтного межкультурного диалога между сторонами общения и, безусловно, может приносить значительную пользу для общества, способствуя улучшению коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дивид Н. В., Удалова Е. А. Культурологический аспект перевода английских юридических текстов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. Вып. 6 (81). С. 9–14.
2. Чепак О. А., Черниговский М. В. К вопросу о переводческих трансформациях при передаче юридического текста с английского языка на русский (на примере правовых документов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. Вып. 4 (58): в 3 ч. Ч. 2. С. 172–175.
3. Косоногова О. В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-yuridicheskogo-diskursa-granitsy-soderzhanie-parametry/viewer>
4. Авдеева Н. М. Лингвокультурологический аспект перевода юридических текстов // Science Time. 2016. С. 14–17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskii-aspekt-perevoda-yuridicheskogo-teksta/viewer>
5. Думина Е. В. Роль языковой личности переводчика как лингвокультурного медиатора при переводе юридических текстов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2023. № 4. С. 119–125. DOI 10.18137/RNU.V9276.23.04.
6. Шамилов Р. М., Сдобников В. В. Прагматическая адаптация как одна из тактик специального перевода // Многоязычие в образовательном пространстве. Удмуртский университет. 2015. № 7. С. 289–296.
7. Пузатых А. Н. Роль языковой личности переводчика при переводе // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2019. № 4 (48). С. 140–144.
8. Атабекова А. А. Профессионально ориентированная культурно-прагматическая адаптация в юридическом переводе: к основаниям концепции // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 17 (271). Филология. Искусствоведение. Вып. 66. С. 25–29.
9. Елизарова Л. В., Кустова О. Ю. Переводческий анализ в изменяющихся условиях профессиональной деятельности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 2. С. 67–76. DOI 10.15593/2224-9389/2022.2.6.
10. Петрова О. В. Подготовка переводчиков. Размышления преподавателя перевода. М.: П. Валент, 2018.

REFERENCES

1. Divid, N. V., Udalovala, E. A. (2018). Culturological aspect of the translation of English legal texts. Modern science: actual problems of theory and practice. Cognition, 6(81), 9–14. (In Russ.)
2. Chepak, O. A., Chernigovskii, M. V. (2016). On translation transformations while transferring juridical text from English into Russian (by the example of the legal documents). Philology. Theory and Practice. Tambov: Gramota, 4(58), 172–175. (In Russ.)
3. Kosonogova, O. V. (2015). Kharakteristiki yuridicheskogo diskursa: granitsy, sodержanie, parametry = Characteristics of discourse of law: Boundaries, content, parameters. Historical and social educational idea's, 7, 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristiki-yuridicheskogo-diskursa-granitsy-soderzhanie-parametry/viewer> (In Russ.)
4. Avdeeva, N. M. (2016). Lingvokul'turologicheskii aspekt perevoda yuridicheskikh tekstov = Linguistic and cultural aspect of translation of legal texts. In Science Time (pp. 14–17). <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskii-aspekt-perevoda-yuridicheskogo-teksta/viewer>. (In Russ.)
5. Dumina, E. V. (2023). The role of the translators' linguistic personality as a linguocultural mediator in the translation of legal texts. Vestnik of the Russian New University. Man and Society, 4, 119–125. 10.18137/RNU.V9276.23.04. (In Russ.)
6. Shamilov, R. M., Sdobnikov, V. V. (2015). Pragmatic adaptation as a tactic of translating special texts. Multilingualism in the educational space. Udmurt State University, 7, 289–296. (In Russ.)
7. Puzatykh, A. N. (2019). The role of translator's personality in translation. Philological aspect: international scientific and practical journal, 4(48), 140–144.
8. Atabekova, A. A. (2012). Professional'no orientirovannaya kul'turno-pragmaticheskaya adaptatsiya v yuridicheskoy perevode: k osnovaniyam kontseptsii = Professionally oriented cultural and pragmatic adaptation in legal translation: towards the foundations of the concept. Bulletin of Chelyabinsk State University, 17(271). Philology. Art history (issue 66, pp. 25–29). (In Russ.)

9. Elizarova, L. V., Kustova, O. Yu. (2022). Translation text analysis in a changing professional environment. Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Linguistics and Pedagogy, 2, 67–76. 10.15593/2224-9389/2022.2.6. (In Russ.)
10. Petrova, O. V. (2018). Podgotovka perevodchikov. Razmyshleniya prepodavatelya perevoda = Training of translators. Reflections of a translation teacher. Moscow: R. Valent. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Думина Евгения Валерьевна

кандидат педагогических наук

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права

Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dumina Evgenia Valeryevna

PhD (Pedagogy)

Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Law

Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	24.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	21.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	22.01.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 81.04:134.4

Регионы Испании: защита миноритарных языков и их культуры

А. А. Евдокимова¹, Е. А. Гринина²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, ana.evdokimova@gmail.com

²Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Россия, eagrinina@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается проблема защиты миноритарных языков в Испании. Материалом послужили документы юридического и административного характера, статьи центральной и региональной прессы. В качестве методов исследования были использованы описание, анализ, синтез и обобщение. В ходе исследования был сделан вывод о том, что ситуация в данной сфере в регионах Испании зависит от политической воли местных администраций, которым не всегда удается проводить сбалансированную языковую политику.

Ключевые слова: регионы Испании, миноритарные языки, языковая политика, языковые конфликты

Для цитирования: Евдокимова А. А., Гринина Е. А. Регионы Испании: защита миноритарных языков и их культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 48–53.

Original article

The Regions of Spain: the Protection of Minority Languages and Their Culture

Anna A. Evdokimova¹, Elena A. Grinina²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ana.evdokimova@gmail.com

²Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, eagrinina@yandex.ru

Abstract. The article discusses the problem of protection minority languages in Spain. Documents of a legal and administrative nature, articles of the central and regional press served as the material. Description, analysis, synthesis and generalization were used as research methods. The study concluded that the situation in the regions of Spain depends on the political will of local administrations, which do not always succeed in pursuing a balanced language policy.

Keywords: Spanish regions, minority languages, language policy, language conflicts

For citation: Evdokimova, A. A., Grinina, E. A. (2024). The regions of Spain: the protection of minority languages and their culture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 48–53.

ВВЕДЕНИЕ

Без малого полвека прошло с момента проведения демократических реформ в Испании, стране, пережившей множество потрясений на протяжении многих столетий. Будучи многонациональным государством, Испания хранит культурные традиции населяющих ее этносов, однако языковой вопрос по-прежнему остается ключевым и до сих пор не теряет своей остроты. Эта тема продолжает оставаться актуальной и продолжает разрабатываться, как западными социолингвистами, так и в отечественной науке. Например, в работах М. А. Марусенко [Марусенко, 2015]. Она, по сути, сводится к обеспечению защиты языков региональных меньшинств, что подразумевает гарантированное соблюдение права жителей использовать свой родной язык во всех сферах жизни, а также его нормализацию и кодификацию.

Официально испанское правительство законодательно признает существование языков и диалектов на своей территории. Согласно ст. 3 Конституции Испании 1978 года, миноритарный язык признается официальным в пределах границ соответствующих автономных сообществ: «Las demás lenguas españolas serán también oficiales en las respectivas Comunidades Autónomas de acuerdo con sus Estatutos» [Евдокимова, Гринина, 2022]. Также это положение закреплено в ряде нормативных документов, принятых на уровне автономных сообществ, например, Статутах Каталонии (1979, 2006), Страны Басков (1979) и Галисии (1981), за которыми последовал целый ряд законов, направленных на нормализацию коофициальных языков Испании. Тем не менее избежать языковых конфликтов всё еще не удастся.

Цель статьи – показать, в каких формах сегодня осуществляется и насколько успешна защита миноритарных языков и их культуры в регионах Испании.

ЯЗЫКОВОЙ ВОПРОС КАК ОРУЖИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Как ни парадоксально это звучит, но языковой вопрос используется как оружие в борьбе политических партий за свой электорат. Нет никакого сомнения, что языковую политику будет определять та политическая партия, которая побеждает на выборах. Это аксиома. В течение довольно продолжительного времени, после прихода демократии, в Испании с завидной регулярностью сменяли друг друга социалисты и правые. Первые заигрывали с националистически настроенной элитой автономных сообществ, предоставляя большую

самостоятельность местным институтам власти и поощряя меры по укреплению статуса миноритарных языков. Вторые укрепляли центральную власть, стремясь ограничить влияние региональных органов власти и рост престижа миноритарных языков.

В XXI веке на политическом олимпе Испании появляются новые партии, что приводит к резкому обострению конкуренции в борьбе за власть. Но языковой вопрос по-прежнему остается оружием в борьбе за политические дивиденды: лидеры политических партий используют его в своих целях для привлечения сторонников в свои ряды, что на деле оборачивается разжиганием националистической розни и приводит к появлению новых языковых конфликтов.

Как пример такой позиции можно привести законодательную инициативу Испанской Социалистической Рабочей Партии (ИСРП/PSOE), которая в период предвыборной борьбы в 2017 года объявила в качестве одного из приоритетов своей языковой политики использование коофициальных языков в государственном административном аппарате, а также в крупных компаниях. В стране был разработан новый законопроект, цель которого предоставить гражданам страны возможность обращаться в органы власти и другие институты государственной структуры на своих родных языках. Это прозвучало в программном заявлении представителя социалистов в нижней палате парламента Испании, Конгрессе депутатов, Антонио Эрнандо, который заявил о намерении превратить в повседневную практику использование гражданами официальных языков при обращении в государственные органы: «Pretendemos normalizar el uso de las lenguas cooficiales en el día a día de los ciudadanos con las administraciones públicas» [Marcos, 2017]. По мнению авторов законопроекта, соревнование между языками бессмысленно. Данной инициативой ИСРП пытается опровергнуть широко распространенное мнение о том, что усиление одного из испанских языков, помимо кастильского, нанесет ущерб другим языкам.

В то же время социалисты осознают, что попытка уравнивать юридический статус всех языков неконституционна. Основной закон устанавливает другие языки, помимо испанского, в качестве официальных в пределах своих территориальных образований. Конституция обязывает граждан лишь знать государственный язык, а именно, испанский. Исходя из этого, ИСРП предлагает законодательно закрепить положение, в котором говорится о поощрении знания государственными служащими других официальных языков, но без наложения каких-либо обязательств [Hermida, 2021].

Политические партии выдвигают различные законодательные инициативы, будь то право на выдачу двуязычного паспорта, продвижение многоязычия в университете, в судах и на других общих форумах или содействие доступу ко всем официальным языкам в художественных произведениях (редактирование, перевод, дублирование, субтитры) и при производстве контента государственными СМИ. Это позволяет не только привлекать избирателей на свою сторону, но и усиливать свои позиции, благодаря возможности вступать в коалиции или формировать блоки с представителями других течений.

Стремление получить признание на уровне Евросоюза также стоит на повестке дня. Так, каталонские националисты требуют от правительства Испании добиться включения каталанского языка в качестве рабочего языка на пленарных заседаниях Европейского парламента, что имело бы важное значение для каталонского общества. В настоящее время в Европейском парламенте заявлено 24 рабочих языка, а другие языки европейских государств, входящих в Европейский союз, считаются миноритарными. Исходя из этого, ни один из официальных языков Испании, не являясь государственным языком, не может стать рабочим языком европейских институтов, несмотря на все требования националистов. Однако выдвижение подобных требований в предвыборной и иной политической борьбе несомненно принесет дивиденды заинтересованной стороне.

Таким образом, борьба за «нормализацию» официальных языков Испании, к сожалению, в настоящее время носит скорее политический характер, так как используется для укрепления влияния тех или иных политических партий.

ЯЗЫКОВАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В РЕГИОНАХ ИСПАНИИ

Оторвав взор от политического олимпа, многие обитатели которого готовы с упоением рассказывать, сколько сил и средств потрачено на защиту миноритарных языков, любой житель автономных сообществ сталкивается с жесточайшей языковой конкуренцией, которая характеризует сегодняшнюю социолингвистическую ситуацию. Причем количество конкурентов за последнее десятилетие возросло до трех: кастильский, миноритарный язык (каталанский, галисийский, баскский и др.) и английский (или же французский и немецкий). Последние пытаются отвоевать тогда себе пространство в сфере образования, потеснив двух традиционных конкурентов. В некоторых регионах, например, в Галисии, с 2010 года по Декрету

о многоязычии [Decreto 79/2010, de 20 de mayo] было введено равномерное распределение академических часов, отводимых на изучение языков, т. е. на каждый язык – по 33 %, что не могло не сказаться на качестве изучения галисийского языка, которому требовалась нормализация в первую очередь [Гринина, Евдокимова, 2022].

Между тем в различных регионах Испании максимально защищенным оказался каталанский язык. Националистически настроенные правительства этого региона сделали всё, чтобы он стал не просто предметом, а языком, на котором ведется преподавание дисциплин. Эта тенденция получила название *языковое погружение (immersió)* и распространилась с начала 1980-х годов, когда потребовалось быстро восстановить знания родного языка среди взрослого населения. Более того, Каталонское правительство, признав автономию Аранской Долины и предоставив статус официального аранскому языку, обеспечило его носителям возможность его изучения на всех уровнях образовательной системы.

Другой амбициозный проект был представлен региональным министром образования с 2010 по 2016 год Ирен Ригау-и-Оливер, которую испанская пресса считает одним из самых ярких сторонников изгнания испанского языка из школ Каталонии [Planas, 2022]. Этот проект подразумевал, с одной стороны, выпуск и использование учебников школьной программы только на каталанском языке, с другой – переход к многоязычию, что означало знание каталонскими учащимися второго иностранного языка при получении обязательного среднего образования. Проект до сих пор остается лишь на бумаге, однако сама идея, оказавшаяся столь притягательной для европейских чиновников, обсуждается уже на более высоком уровне. Так, на заседании Европейского совета глав государств и правительств Евросоюза, состоявшемся 15 и 16 марта 2022 года в Барселоне, прозвучало предложение обучать школьников «как минимум» двум иностранным языкам с раннего возраста.

Все эти инициативы привели к тому, что ущемленными почувствовали себя проживающие в Каталонии носители кастильского языка, которые с трудом могли отыскать школы, где обучение ведется на кастильском. Эти перегибы вылились в жаркие дискуссии по поводу каталонского национализма и необходимости защиты в Каталонии кастильского языка.

Другим ярким примером успешной защиты своего родного языка является Страна Басков. Она не сразу последовала примеру Каталонии, тем не менее идея языкового погружения оказалась чрезвычайно востребованной в баскском обществе тоже. В проекте нового закона об образовании,

который сегодня широко обсуждается в Стране Басков, явно намечен разворот в сторону баскского языка, делается ставка на многоязычную структуру образования с опорой на баскский язык. Власти выступают за образовательную модель, которая гарантировала бы знание как двух официальных языков, так и иностранного языка, принимая во внимание язык и культурный уровень учащихся:

«Apostamos por un marco plurilingüe generalizado que tenga como eje el euskera. Defendemos un modelo inclusivo generalizado, que garantice el conocimiento de las dos lenguas oficiales y de una lengua extranjera, teniendo siempre en cuenta las lenguas y culturas de origen del alumnado» [Borrador, 2022].

По данным, предоставленным региональным Департаментом образования, 82 % баскских семей выбрали языковую модель D [Mikelatseuskaltegia, 2022], что означает, что сегодня в подавляющем большинстве баскских школ преподавание учебных дисциплин, за исключением кастильского языка и литературы, на который отводится всего 2 часа в неделю, ведется на родном *euskera* [Izarra, 2022]. Тем не менее необходимо отметить, что ситуация с выбором языковой модели обучения различается в процентном отношении на разных ступенях образования. Так, 81 % родителей выбирают модель D на уровне дошкольного образования. В начальной школе число детей, которые учатся по данной модели, сокращается до 76 %, в средней школе оно опускается до 71 %, а в старших классах составляет около 60 % [Segovia, 2021]. Правда, и при таком раскладе носители кастильского языка чувствуют себя ущемленными в своих языковых правах.

А как же английский язык, который так востребован в самых разных странах в силу того, что является языком международного общения? Изучают ли его в автономных сообществах Испании, помимо Галисии? Ответ, безусловно, утвердительный, однако качество оставляет желать лучшего.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что пока в различных регионах Испании идут споры о статусах коофициальных языков и программах их изучения, государственные и частные

компании бьют тревогу по вопросу изучения иностранных языков, таких как английский, французский, немецкий и т. д. Так, Фонд предпринимателей Каталонии (Fundació d'Empresaris de Catalunya) опубликовал данные опроса, проведенного 16 февраля 2023 года среди каталонских компаний, где 90 % опрошенных подчеркивают важность владения иностранными языками в их деятельности, в связи с чем 8 из 10 компаний вынуждены организовывать занятия по изучению иностранных языков для своих сотрудников, чтобы восполнить пробелы в системе образования [Branchadell, 2023]. При этом востребованы не только английский язык, но и французский, и немецкий, которые необходимы каталонским предприятиям для поддержания своей деятельности и обеспечения конкурентоспособности на европейском и мировом рынках. Данные опросы показывают неспособность образовательной системы Каталонии должным образом обеспечить обучение второму иностранному языку и красноречиво свидетельствуют о недостатках системы образования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковое многообразие в культуре и образовании позиционируется в современной Испании как краеугольный камень национальной политики. Более того, Институт Сервантеса, представляющий основные культурные бренды этой страны за рубежом, служит инструментом для продвижения и распространения «многоязычной реальности Испании».

Анализ современной языковой ситуации в регионах этой страны показывает, что миноритарные языки имеют все необходимые инструменты для нормализации, однако языковая политика, которую проводят местные власти, порой принимает агрессивные формы, направленные на ущемление позиций государственного языка.

Ситуация в том или ином регионе Испании напрямую зависит от политической воли местных администраций, которым в силу политической и экономической конъюнктуры практически не удается проводить сбалансированную языковую политику, избегая перегибов и языковых конфликтов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Марусенко М. А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. – М.: Научно-политическая книга, 2015.
2. Гринина Е. А., Евдокимова А. А. Галисийский язык: история и современное состояние. М.: МГИМО–Университет, 2022.

3. Marcos J. El PSOE promueve el DNI bilingüe en cualquier comunidad autónoma // El País. 13.02.2017. URL: https://elpais.com/politica/2017/02/12/actualidad/1486914543_325275.html (дата обращения 06.06.2023)
4. Hermida J. El PSOE y sus socios se enzarzan en el Congreso por las lenguas cooficiales // El País. 09.03.2021. URL: https://elpais.com/espana/2021-03-09/el-psoe-y-sus-socios-se-enzarzan-en-el-congreso-por-las-lenguas-cooficiales.html?rel=buscador_noticias (дата обращения 06.06.2023)
5. Decreto 79/2010, de 20 de mayo, para el plurilingüismo en la enseñanza no universitaria de Galicia // DOG 97 del 25/05/2010. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/ga-d79-2010.html (дата обращения 04.06.2023).
6. Planas P. El PSC cuenta con la exconsejera de Enseñanza de Artur Mas para diseñar su política lingüística // Libertad digital. 18.01. 2022. URL: <https://www.libertaddigital.com/espana/politica/2022-01-18/el-psc-cuenta-con-la-exconsejera-de-ensenanza-de-artur-mas-para-disenar-su-politica-linguistica-6856406/> (дата обращения 05.06.2023).
7. Borrador de bases para una educación del siglo XXI // Parlamento Vasco. Comisión de educación. 24.03.2022. URL: https://www.zuzendari.net/atal_loturak/prentsa/2022-04-07_legebiltzarra_hezkuntza_ponentzia_txostena.pdf (дата обращения 05.06.2023).
8. Mikelats: El modelo D arrasa en la vuelta al cole en Euskadi // Mikelatseuskaltegia. 28.08.2022. URL: <https://mikelatseuskaltegia.com/modelo-d-arrasa-vuelta-cole-euskadi/#> (дата обращения 05.06.2023).
9. Izarra J. El PSOE certifica el fin de la educación en castellano en Euskadi tras la presión nacionalista por el euskera // El Mundo. 09.02.2022. URL: <https://www.elmundo.es/pais-vasco/2022/02/09/62037d9ffc6c8338428b4591.html> (дата обращения 05.06.2023).
10. Segovia M. Sólo el 14% de los escolares vascos estudia en castellano // El Independiente. 09.07.2021. URL: <https://www.elindependiente.com/espana/2021/07/09/solo-el-14-de-los-escolares-vascos-estudia-ya-en-castellano-y-el-euskera-como-asignatura/> (дата обращения 06.06.2023)
11. Branchadell A. El déficit de lenguas en Cataluña // El País. 13.03.2023. URL: <https://elpais.com/espana/catalunya/2023-03-13/el-deficit-de-lenguas-en-cataluna.html> (дата обращения 06.06.2023)

REFERENCES

1. Marusenko M.A. (2015). YAzyki i natsional'naya identichnost': sovremennyye vyzovy natsional'nomu yedinstvu i territorial'noy tselostnosti = Languages and national identity: modern challenges to national unity and territorial integrity. Moscow: Scientific and political book. (In Russ.)
2. Grínina, E.A., Evdokíмова, A.A. (2022). Galisiyskiy yazyk: istoriya i sovremennoye sostoyaniye = Galician language: history and current state. Moscow: MGIMO-University. (In Russ.)
3. Marcos, J. (2017). El PSOE promueve el DNI bilingüe en cualquier comunidad autónoma. El País. 13.02.2017. https://elpais.com/politica/2017/02/12/actualidad/1486914543_325275.html (accessed: 06.06.2023).
4. Hermida, J. (2021). El PSOE y sus socios se enzarzan en el Congreso por las lenguas cooficiales. El País. 09.03.2021. https://elpais.com/espana/2021-03-09/el-psoe-y-sus-socios-seenzarzan-en-el-congreso-por-las-lenguas-cooficiales.html?rel=buscador_noticias (accessed: 06.06.2023).
5. Decreto 79/2010, de 20 de mayo, para el plurilingüismo en la enseñanza no universitaria de Galicia // DOG 97 del 25/05/2010. http://noticias.juridicas.com/base_datos/CCAA/ga-d79-2010.html (accessed: 04.06.2023).
6. Planas, P. (2021). El PSC cuenta con la exconsejera de Enseñanza de Artur Mas para diseñar su política lingüística. Libertad digital. 18.01.2022. <https://www.libertaddigital.com/espana/politica/2022-01-18/el-psc-cuenta-con-la-exconsejera-de-ensenanza-de-artur-mas-para-disenar-su-politica-linguistica-6856406/> (accessed: 05.06.2023).
7. Borrador de bases para una educación del siglo XXI // Parlamento Vasco. Comisión de educación. 24.03.2022. https://www.zuzendari.net/atal_loturak/prentsa/2022-04-07_legebiltzarra_hezkuntza_ponentzia_txostena.pdf (accessed: 05.06.2023).
8. Mikelats (2022): El modelo D arrasa en la vuelta al cole en Euskadi. Mikelatseuskaltegia. 28.08.2022. <https://mikelatseuskaltegia.com/modelo-d-arrasa-vuelta-cole-euskadi/#> (accessed: 05.06.2023).
9. Izarra, J. (2022). El PSOE certifica el fin de la educación en castellano en Euskadi tras la presión nacionalista por el euskera. El Mundo. 09.02.2022. <https://www.elmundo.es/pais-vasco/2022/02/09/62037d9ffc6c8338428b4591.html> (accessed: 05.06.2023).

10. Segovia, M. (2021). Sólo el 14% de los escolares vascos estudia en castellano. El Independiente. 09.07.2021. <https://www.elindependiente.com/espana/2021/07/09/solo-el-14-de-los-escolares-vascos-estudia-ya-en-castellano-y-el-euskera-como-asignatura/> (accessed: 06.06.2023).
11. Branchadell, A. (2023). El déficit de lenguas en Cataluña. El País. 13.03.2023. <https://elpais.com/espana/catalunya/2023-03-13/el-deficit-de-lenguas-en-cataluna.html> (accessed: 06.06.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евдокимова Анна Александровна

кандидат филологических наук

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации

Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Гринина Елена Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evdokimova Anna Aleksandrovna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law,
the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Grinina Elena Anatolievna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of the Spanish language,
MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

29.11.2023
18.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.131.1 + 81'42

Лингвопрагматический потенциал заголовков календарей Сухопутных войск Италии

С. В. Зотова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sofi.972103@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются заголовки ежегодных военных календарей Сухопутных войск Италии с целью получить представление об их лексико-синтаксических особенностях и воздействии на адресата. Даются выводы о функциях заголовков этого вида италияязычной военной периодики, их имплицитных смыслах и потенциале. Заголовки календарей СВ Италии становятся мощным по своему влиянию текстовым знаком за счет языковых средств, которые придают направленность информационному сообщению основного текста.

Ключевые слова: лингвопрагматика, лексические и грамматические особенности заголовков, Сухопутные войска Италии, военные календари

Для цитирования: Зотова С. В. Лингвопрагматический потенциал заголовков календарей Сухопутных войск Италии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 2 (883). С. 54–59.

Original article

Lingua-Pragmatic Potential of Headings of the Italian Ground Forces' Yearbooks

Sofia V. Zotova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sofiya_arsenteva@mail.ru*

Abstract. The article examines the headings of the military yearbooks of the Italian Land Forces. To understand the functioning of the headings, their lexical-syntactical features are analyzed. Conclusions are made about the functions and implicit meanings of this type of Italian language military periodicals' headings and the way they enhance the impact on the addressee. The headings of the military yearbooks play an important role due to the linguistic means that help assume the main information of the whole text.

Keywords: linguistic pragmatics, lexical and grammatical features of headings, the Italian Ground forces, military yearbooks

For citation: Zotova, S. V. (2024). Lingua-pragmatic potential of headings of the Italian Ground Forces' yearbooks. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 54–59.

ВВЕДЕНИЕ

Италоязычная военная периодика отражает происходящие события с учетом национальных интересов и официальной повестки дня Вооруженных сил (ВС) и Министерства обороны Италии. Следовательно, составляющий ее материал и, в частности, заголовки периодических изданий военной направленности участвуют в формировании ценностных ориентиров и предпочтений, а также настроений граждан в окружающем их социуме.

Цель настоящей работы заключается в выявлении лексических и грамматических особенностей заголовков итальянского военного креолизованного текста и их роли в оказании воздействия на адресата.

Актуальность статьи определяется растущим интересом социолингвистики, прагмалингвистики и лингвокультурологии к изучению коммуникативных возможностей печатных текстов. Кроме этого, военная периодика из-за своей специфики и узкой сферы распространения в отличие от текстов СМИ политической направленности на материале италоязычных календарей ранее не исследовалась.

Материалом работы стало более 110 заголовков календарей Сухопутных войск (СВ) Италии, изданных в период с 2005 по 2022 год. **Предметом** исследования является лексико-грамматическая специфика заголовков. В работе применялись описательный **метод**, **методы** сплошной выборки, сравнительного, количественного и контекстуального анализа.

ЗАГОЛОВОК КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ

«Лингвистическая прагматика, или лингвопрагматика (от *др.-греч.* πράγμα – дело, действие) – направление в языкознании, которое занимается изучением функционирования языковых знаков в реальных условиях речевой коммуникации» [Норман, 2014, с. 274]. Лингвистическая прагматика рассматривает, как люди используют язык для достижения своих целей в общении. Ее основателями были философы-логики Дж. Л. Остин и Дж. Р. Сёрль, разработавшие теорию речевых актов. Такие ученые, как Ш. Балли, Р. Якобсон, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В. Г. Гак, развивали и приумножали достижения прагматики.

Среди итальянских лингвистов в этой области языкознания следует отметить Дж. Антонелли, И. Бономи, Э. Л. Валлаури, Л. Серианни, А. Феррари, которые рассматривали процессы коммуникации с точки зрения адресанта и адресата высказывания.

Говорящий выбирает слова и выражения, основываясь на контексте, целях и отношении к собеседнику. Лингвопрагматика учитывает различные факторы, влияющие на коммуникацию, такие как возраст, пол, социальный статус и образование. В нашей работе мы попытаемся рассмотреть функции заголовка, так как именно он является ключом к последующей информации. В интересах автора сразу же «зацепить» внимание реципиента.

В качестве объекта лингвистического анализа заголовок имеет давнюю традицию изучения. Как в России, так и в Италии многие исследователи отражали в своих работах тему заголовка публицистического текста: Н. Е. Бахарев (1971), В. П. Вомперский (1966), И. Р. Гальперин (1981), Э. И. Глинчевский (2005), В. Г. Костомаров (2004), С. Д. Кржижановский (2006), Э. А. Лазарева (1989, 2006), В. С. Мужев (1970), А. С. Попов (1966), Дж. Антонелли (2011), М. де Бенедетти (2004), Э. Л. Валлаури (2019), Р. Гуальдо (2007), М. Дардано (1986), Г. Лоренцетти (2005), Т. де Мауро (1963), Л. Серианни (2011), Н. Транфалья (2003).

Словарь В. И. Даля определяет заголовок как «выходной лист, первый листок книги или сочинения, где означено его название; также название отдела, главы книги, обозначение в начале листа ведомства, мест, откуда и куда бумага идет»¹. Исследователи, изучающие заголовки, уточняют это определение, добавляя информацию о необходимости и значимости данного компонента в структуре текста. Заголовок рассматривается как «компрессированное, нераскрытое содержание текста, которое можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе разворачивания» [Гальперин, 1981, с. 133]. Э. А. Лазарева, расширяя эти определения, рассматривает заголовок в пространственно-функциональном ключе, это часть архитектоники текста [Лазарева, 1989]. Современные исследователи делают акцент на смысловой нагрузке заголовка, называя его «семантической сверткой» текста [Кржижановский, 2006, с. 42].

Итальянские лингвисты также пишут об особенностях газетных заголовков и отмечают, что во второй половине 1970-х годов печатным СМИ в связи с распространением телевидения приходится активнее привлекать внимание читателя. В газетах появляется «блестящий стиль»², «тексты становятся более направленными и менее глубокими. По образцу периодических изданий в ежедневных газетах рассматривается широкий круг тем, в заголовки проникают клише и фиксированные формулы» [Dardano, 1980, с. 21].

¹ URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=8487>

² Зд. и далее наш. – С. 3.

Исследователи по-разному смотрят на связь заголовка со следующим за ним текстом. Для Умберто Эко «заглавие является ключом к интерпретации статьи, ее кодом» [Эко, 1971, с. 117]. Иларио Бономи, напротив, считает заголовок отдельным коммуникативным актом, независимым от последующего содержания. Часто читатели склонны воспринимать заголовки как альтернативу газете. Большинство из них, ограничиваются прочтением заголовка и откладывают следующее за ним чтение. Такой способ беглого прочтения Иларио Бономи сравнивает с приемом таблеток, поскольку «прием малой концентрированной дозы лекарства способен оказывать сильное и эффективное воздействие на пациента» [Bonomi, 2003, с. 139]. Остается, однако, дискуссионным вопрос об эффективности такого «лекарства».

ТИПЫ ЗАГолоВКОВ

При выявлении лингвопрагматических особенностей заголовков хотелось бы обратиться к некоторым вариантам их классификации. Так, Э. А. Лазарева подчеркивает связь заголовков с содержанием текста и выделяет однонаправленные и комплексные заголовки. Однонаправленные заголовки могут быть соотнесены с любым смысловым элементом текста (тема, основная мысль, аналитическая оценка ситуации, иллюстрации к тезисам и т.д.) [Лазарева, 1989]. Комплексный же заголовок актуализирует два или несколько смысловых компонентов текста.

В нашем исследовании мы используем классификацию, предложенную А. В. Колесниченко, который предлагает разделять заголовки по типу синтаксического строения на номинативные и предикативные [Колесниченко, 2008, с. 95].

Следует отметить, что заголовки как в российской, так и в итальянской прессе имеют преимущественно номинативный характер. Номинативные заголовки представляют собой неполное предложение или словосочетание с отсутствием сказуемого, предикативные – полное предложение с наличием главных членов. Хотя номинативный заголовок позволяет кратко и лаконично передать суть содержания, многие исследователи указывают на первостепенную роль глагола в заголовке. Ю. С. Бернадская утверждает: «так как глагол обозначает действие, то обладает скрытой динамикой, движением и имеет гораздо большую побудительную силу, чем другие части речи» [Бернадская, 2008, с. 73]. Однако некоторые авторы заголовков отдают предпочтение емкости номинализации, которая чаще всего предикативна, а глагол подразумевается.

Е.С. Борисова говорит о том, что «эллипсис позволяет говорящему (пишущему) осуществить речевую экономию» [Борисова, 2014, с. 153] и предлагает рассматривать номинативные и неполные предложения «как эллиптические, поскольку номинативность является следствием опущения сказуемого, а неполнота – следствием опущения или сказуемого, или подлежащего (возможно и того, и другого), или какого-либо другого члена предложения» [там же].

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГолоВКОВ

Количество номинативных заголовков в рассматриваемом материале достигает 64 %. При этом большинство номинативных заголовков представляют минимальную конструкцию из одного главного и одного зависимого компонента. По морфологической принадлежности главного компонента большая часть номинативных заголовков, представленных в нашем материале, являются субстантивными (*Trasporti e materiali, Dio e patria, Il sistema soldato, Cavalleria di linea, Compagni d'arme, L'inno della goliardia, Battaglia del Solstizio, I colori della battaglia, I bambini dell'eroe, Piede da trincea*). В меньшей степени присутствуют адъективные заголовки: *L'ultima sigaretta, Intrepido autiere*. Другие типы именных заголовков (адвербиальные, нумеративные, прономинативные, глагольные) не встретились в нашем корпусе примеров.

Среди номинативных преобладают заголовки, состоящие из существительного без артикля и прилагательного (S+Agg) – 45, 2 %, большая часть которых представлена в стандартном для итальянской грамматики порядке (определение стоит в постпозиции). Частотны заголовки с подлежащим и косвенным дополнением с предлогом (S+prep+S) – 37 % (*L'esercito senza stellette, La grandezza del genio, Una montagna di successi*). Встречаются заголовки, состоящие из одного подлежащего – 16 %, среди них – 9,6 % с однородными подлежащими (S+cong+S): *Sicurezza e protezione, Energia e ambiente, Trasporti e materiali*, а 6,4 % демонстрируют семиотическую емкость в виде единственного подлежащего (S): *Genio, Sanità*.

Заголовки исключительно с подлежащим встречаются при описании исторических событий, вооружения и военной техники, где прагматическая задача заключается в передаче информации адресату, а не в оказании воздействия на его поведение. В нашем корпусе не встретились заголовки с прямым дополнением.

При этом небольшая часть номинативных заголовков содержит девербативы (12 %): *Acquisizione obiettivi, Comunicazione aeree, Le operazioni con gli alleati*. В категориальном значении девербативы

передают действие, следовательно, мы можем говорить о процессуальности заголовков, которая указывает читателю на непрерывность действия.

Лексический компонент номинативного заголовка представляет собой отдельную область научного интереса, особенно в плане использования технологий для усиления выразительной силы заголовков и повышения их прагматического потенциала. Э. Ю. Новикова называет их «целевым» текстом, от которого зависит судьба всей публикации [Новикова, 2004].

Наибольшей частотностью обладают лексические единицы, обозначающие:

Итальянскую республику (*L'Italia dei ventenni*)

- формы ведения военных и боевых действий (*Guerra: La guerra al femminile; Battaglia: Battaglia del Solstizio*);
- военнослужащих (*Soldato: Soldato spavaldo; Eroe: Eroe senza medaglia*).

Использование качественных имен прилагательных в заголовках календарей СВ Италии также способствует достижению прагматической задачи повышения имиджа ВС и создания патриотического настроения среди граждан. Частотны прилагательные, дающие положительную оценку военнослужащим и привлекательно характеризующие военную службу: *Belli, eroici, spavaldi, Audace maestro, Onorevole servizio*.

Оставшиеся 36 % представляют собой предикативные заголовки, из которых всего в 9 % используются личные глагольные формы (*Dove crescono i campioni? L'artiglieria d'assedio diventa dinamica*).

Необходимо отметить такую грамматическую особенность итальянского заголовка как отсутствие пассивных форм, которая связана со стремлением авторов обратить внимание реципиента на действующее лицо и сделать акцент на нем, а не на действии.

Другая особенность заголовков – это употребление глагола в инфинитиве в разных позициях, передающих аспектуальность действия, т.е. «характер протекания и распределения глагольного действия во времени» [Бондарко, 1987, с. 40–41]: *Formarsi al rapido intervento, A scuola per scendere dal cielo*. В обоих предложениях мы сталкиваемся с имплицитной императивной модальностью. В первом примере автор сообщает читателям, что ВС Италии призывают кандидатов и военнослужащих быстро научиться сложным аспектам военного искусства (*{bisogna formarsi} al rapido intervento*), во втором – о том, что стоит поступить в военную академию, чтобы получить не только теоретические, но и увлекательные практические знания, такие как, например, навык прыжков с парашютом (*{iscrivetevi} a scuola per scendere dal cielo*).

Как пишет Н. Д. Арутюнова, «когда речь идет о вероятном или желательном действии, полная номинализация субъектного придаточного, которая обычно применяется для обозначения факта, уравнивается модальным предикатом, указывающим на гипотетический характер обсуждаемого события» [Арутюнова, 1976, с. 68].

Интересно наблюдение Г. А. Золотовой, которая пишет о том, что в инфинитивных предложениях «долженствование принадлежит плану отношений между действием, названным инфинитивом, и субъектом этого действия – адресатом речи... желательным же это действие является для говорящего, который оформляет предложение как одну из двух разновидностей ирреальной основной модальности: как побуждение или пожелание» [Золотова, 1973, с. 97].

В нашем материале встречается только одно вопросительное предложение (*Dove crescono i campioni?*). Наш пример содержит в форме вопроса скрытое утверждение, следовательно, перед нами утверждение в имплицитной форме. Действительно, «вопросительные предложения могут быть экспрессивным средством сообщения (так называемые риторические вопросы)» [там же, с. 95]. Такое грамматическое решение соответствует политике ВС Италии, где нет сомнений и непредсказуемости, существует только определенность, стабильность и защита своих граждан.

Помимо указанных особенностей следует также обратить внимание на временной план заголовков, на описание уже состоявшихся событий, для большей части предикативных заголовков характерно использование глагола в настоящем времени изъявительного наклонения (*Presente Storico*) – 44 %: *In montagna il mito continua, Il Colombo diventa satellite*.

Presente Storico используется в итальянском языке в переносном или метафоричном смысле для передачи в настоящем времени ранее произошедших действий. Перспективное сближение событий с помощью *Presente Storico* часто встречается в письменной традиции итальянского языка [Squartini, 2010] и выполняет такие функции, как: а) актуализация представления описываемых событий на экспрессивном уровне и б) построение текста на дискурсивном уровне. Благодаря такому погружению читателя в предмет сообщения выполняется прагматическая задача направленности воздействия.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЗАГоловков

Рассмотренные выше лексико-синтаксические особенности заголовков позволяют последним реализовывать разнообразные функции, повышающие

их лингвопрагматический потенциал. Приведем те из них, которые нам удалось выделить в процессе нашего анализа.

В материале исследования многие примеры выполняют информативную функцию, а именно: предлагают описание исторических событий и вооружения: *Battaglia del Solstizio, Il sistema soldato*.

Среди заголовков встречаются такие, которые за счет использования *Presente Storico* и отсутствия форм пассивного залога, реализуют актуализирующую функцию: *In montagna il mito continua, Il colombo diventa satellite*. Использование слов семантического поля *Patria* («родина») позволяет нам увидеть обращение автора к базовым патриотическим чувствам граждан и выделить апеллятивную функцию: *Italia madre, Tricolore da 150 anni*. Эллипсис модальных глаголов в предикативных заголовках способствует выполнению функции императивной модальности: *A scuola per scendere dal cielo*. Также встречается ассоциативная функция в связи с использованием эпитетов и метафоричности: *Messaggeri volanti, Leone meccanico, La Guerra prende il volo, Audace maestro, Intrepido autiere*. Приемы выразительности переводят часть значений в разряд подразумеваемых и закрепляют их в сознании читателя.

Нужно отметить, что наряду с рассмотренными функциями, все заголовки направлены на улучшение имиджа СВ Италии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, лингвопрагматический потенциал номинативных и предикативных заголовков повышается с помощью различных приемов, при этом реализуются такие функции, как информативная, актуализирующая, апеллятивная, ассоциативная и функции императивной модальности и улучшения имиджа.

Рассмотренные в ходе исследования лексико-синтаксические особенности делают каждый заголовок календарей СВ Италии мощным по своему влиянию текстовым знаком, который усиливает воздействие на адресата за счет тщательного подбора языковых средств, придает направленность информационному сообщению основного текста, повышает авторитет ВС Италии и привлекает потенциальных кандидатов на военную службу.

Несмотря на динамику развития современного информационного пространства, такие классические печатные издания, как календари становятся зеркалом используемого языка: они собирают, записывают и распространяют грамматические и синтаксические конструкции, помогая закрепить их в социолингвистическом узусе и приписывая им нормы употребления, которые новые СМИ еще не могут предложить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика, или лингвопрагматика, прагмалингвистика // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; под редакцией А. П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. С. 274–275.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
3. Лазарева Э. А. Заголовок в газете: монография. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989.
4. Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий. СПб.: Симпозиум, 2006.
5. Dardano M. Il linguaggio dei giornali italiani. Bari: Ed. Laterza, 1980.
6. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2006.
7. Bonomi I., Masini A., Morgana S. La lingua italiana e i mass media. Roma: Carocci, 2003.
8. Колесниченко А. В. Практическая журналистика: учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2008.
9. Бернадская Ю. С. Текст в рекламе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Реклама». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
10. Борисова Е. С. Несобственно-прямая речь в итальянском нарративе XIX–XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
11. Новикова Э. Ю. Прагматические характеристики газетного политического текста // Homo Loquens: (Вопросы лингвистики и траслятологии). 2004. № 2. С. 18–27. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета.
12. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987.
13. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1976.
14. Золотова Г. А. Модальность в системе предикативных категорий // Otazky slovanske syntaxe. Brno, 1973. С. 93–97.
15. Squartini M. Il verbo, in Grammatica dell'italiano antico, a cura di G. Salvi & L. Renzi. Bologna: il Mulino, 2010.

REFERENCES

1. Norman, B. Yu. (2014). Lingvisticheskaya pragmatika, ili lingvopragmatika, pragmalingvistika = Linguistic pragmatics, or linguopragmatics, pragmalinguistics. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. (In Russ.)
2. Galperin, I. R. (1981). Tekst kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Lazareva, E. A. (1989). Zagolovok v gazete: monografiya = Newspaper headline: monograph. Sverdlovsk: URFU Press. (In Russ.)
4. Krzhizhanovskiy, S. D. (2006). Poetika zaglaviy = Poetics of titles. St. Petersburg: Simpozium. (In Russ.)
5. Dardano, M. (1980). Il linguaggio dei giornali italiani = The language of Italian newspapers. Bari: Ed. Laterza.
6. Eko, U. (2006). Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta = The role of the reader. Studies in text semiotics. St. Petersburg: Simpozium.
7. Bonomi, I., Masini, A., Morgana, S. (2003). La lingua italiana e i mass media = The Italian language of the mass media. Roma: Carocci. (In Russ.)
8. Kolesnichenko, A. V. (2008). Prakticheskaya zhurnalistika: uchebnoye posobiye = Practical journalism: textbook. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
9. Bernadskaya, Yu. S. (2008). Tekst v reklame: ucheb. posobiye dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Reklama" = Text in advertising: textbook. manual for university students studying in specialty «Advertising». Moscow: YUNITI-DANA. (In Russ.)
10. Borisova, E. S. (2014). Nesobstvenno-pryamaya rech' v ital'yanskom narrative XIX-XXI vv. = Improperly direct speech in the Italian narrative of the 19th–21st centuries: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
11. Novikova, E. Yu. (2004). Pragmaticheskiye kharakteristiki gazetnogo politicheskogo teksta = Pragmatic characteristics of newspaper political text // Homo Loquens: (Issues of linguistics and translology). 2004. № 2. С. 18–27. Volgograd: Volgograd University Press. (In Russ.)
12. Bondarko, A. V. (1987). Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedeniye. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis = Theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
13. Arutyunova, N. D. (1976). Predlozheniye i yego smysl: Logiko-semanticheskiye problem = Sentence and its meaning: Logical-semantic problems. USSR Academy of Sciences. Institute of Linguistics. Moscow: Nauka. (In Russ.)
14. Zolotova, G. A. (1973). Modal'nost' v sisteme predikativnykh kategoriy. = Modality in the system of predicative categories. Otazky slovanske syntaxe. Brno. (In Russ.)
15. Squartini, M. (2010). Il verbo, in Grammatica dell'italiano antico = The verb, in Grammar of ancient Italian. Bologna: il Mulino.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зотова София Витальевна

аспирант кафедры итальянского языка переводческого факультета
преподаватель Военного учебного центра и кафедры итальянского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zotova Sofia Vitalievna

Postgraduate student of the Italian Language Department, Faculty of Translation and Interpreting
Lecturer at the Military Training Center and the Italian Language Department, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.11.2023
22.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81.34

Полилингвальная составляющая артланга на примере языка миньонов

К. С. Куликова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
xenia_kulikova@inbox.ru

Аннотация. Вымышленные авторские языки, часто выделяемые в отдельную группу среди искусственно созданных языков, используются в литературе и киноискусстве как своеобразный масштабный художественный прием и выполняют мирообразующую или сюжетообразующую роль, а также придают дополнительные характеристики персонажам. Креативная составляющая данного лингвистического конструкта имеет значительный научный и культурный потенциал и отражает языковое многообразие окружающего мира.

Ключевые слова: лингвистика, культура, артланг, английский язык, поликультурализм, многоязычие

Для цитирования: Куликова К. С. Полилингвальная составляющая артланга на примере языка миньонов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 60–65.

Original article

Multilingual Component of Conlang on the Example of Minionese

Xenia S. Kulikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
xenia_kulikova@inbox.ru

Abstract. In literature and cinema, fictional author's languages, often singled out among constructed languages, serve as a large-scale artistic device, performing a world-forming or plot-forming role and offering additional distinctive qualities to characters. The creative component of this linguistic construct has a significant scientific and cultural potential and reflects the linguistic diversity of the surrounding world.

Keywords: linguistics, culture, conlang, English, multiculturalism, multilingualism

For citation: Kulikova, X. S. (2023). Multilingual component of conlang on the example of Minionese. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 60–65.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из самых необычных стилистических приемов, получивших весьма широкое распространение как в литературе, так и в киноискусстве, являются вымышленные языки (артланги, слово-бумажник от английского словосочетания *artificial language*, *искусственный язык*). Данные художественно-лингвистические конструкты, в отличие, например, от эсперанто (создан в конце XIX в. русско-польским лингвистом Лазарем (Людвиком) Марковичем Заменгофом, с ранней юности мечтавшим о существовании международного языка для общения представителей различных наций), не используются в реальности и являются частью авторских легендариумов – вымышленных вселенных. На вымышленных языках в основном говорят фантастические или сказочные существа и народы, населяющие несуществующие миры. В зависимости от степени проработанности артланги являются либо полноценными искусственными языками, либо же своеобразными набросками языков, которые можно отнести к жаргонам.

Авторы литературных произведений и создатели кинофильмов, особенно в рамках таких жанров, как научная фантастика и антиутопия, создают артланги для следующих целей: они играют мирообразующую или сюжетообразующую роль, а также служат дополнительной характеристикой персонажей, при этом фокус вымышленных языков направлен скорее на поэтическую, нежели коммуникативную функцию. Артланг выстраивает в произведении соответствующую атмосферу, помогая читателю или зрителю глубже понять необычное мышление и мировоззрение героев, и обеспечивает большую достоверность, позволяя автору давать имена собственным персонажам и определения социальным и культурным реалиям, а также присваивать топонимы и названия природным и техногенным объектам и явлениям. Необычные особенности артланга сами по себе могут служить завязкой событий и источником тех или иных сюжетных коллизий. Иногда артланги разрабатываются даже для компьютерных игр, например, *кунлат* (англ. *Qunlat*) или *тевин* (англ. *Tevene*) в «Dragon Age» (однопользовательская ролевая игра от третьего лица в жанре фэнтези, коллаборация канадской дизайн студии «BioWare» и американской корпорации «Electronic Arts») или для игрушек, как *фербиш* – язык электронной говорящей игрушки-робота Furby от компании «Tiger Electronics».

Наиболее масштабно и тщательно проработанными артлангами являются *квенья* (англ. *Quenya*) и *синдарин* (англ. *Sindarin*) – эльфийские языки, изобретенные Джоном Толкином для легендариума

Средиземья. Основным источником вдохновения при создании квенья и синдарина Толкину послужили финский и валлийский языки соответственно, а также латынь, греческий, древнеанглийский, готский и другие древнегерманские языки. Мастерство писателя, который разрабатывал для своих языков не только грамматику, фонетику и письменность, но и историю, сделало эти артланги полноценными искусственными языками с потенциальной способностью к эволюции. В частности, существуют словари и учебники по языку квенья, а в британском научном сообществе даже имеется опыт написания работ на эльфийском [Rogers, 2011; Peterson, 2015].

Лингвистические эксперименты Толкина во многом послужили отправной точкой современного языкотворчества в плане создания вымышленных языков. Лингвист и специалист по языкам североамериканских индейцев Марк Окранд разработал *клингонский язык* (англ. *Klingon*) и два вида его письменности для научно-фантастической медиафраншизы «Стартрек» («Звездный путь»). Клингонский стал одним из самых известных и используемых артлангов после эльфийских языков Толкина – вокруг него сформировалось внушительное сообщество любителей, и он даже поддерживается в системе автоматического перевода Bing. Другим всесторонне проработанным артлангом является язык *на'ви* (англ. *Na'vi*) – обитателей планеты Пандора из фильма Джеймса Кэмерона «Аватар», изобретенный профессором Южно-Калифорнийского университета Полом Фроммером. На'ви является богатым агглютинативным языком эргативно-аккузативного строя и обладает целым рядом особенностей, в частности, двойственным и тройственным числом и восьмеричной системой счисления, объясняющейся тем, что у на'ви по четыре пальца на руках [Conley, Cain, 2006].

Вымышленные языки фигурируют также в сериале «Игра престолов», который является экранизацией фэнтезийного цикла Джорджа Мартина «Песнь льда и огня». Американский писатель и лингвист Дэвид Питерсон, специалист по созданию артлангов, разработал для сериала несколько языков, в том числе *дотракийский* (англ. *Dothraki*) – язык, который, будучи бесписьменным, в то же время обладает сложными и развитыми фонетической и грамматической системами. Герои антиутопии «1984» британского писателя Джорджа Оруэлла говорят на *новоязе* (англ. *Newspeak*) – языке, созданном под влиянием партийной идеологии, чтобы осуществлять контроль над политической жизнью общества. По замыслу писателя, лексическая система новояза сконструирована так, что исключает любую возможность инакомыслия. Еще одним ярким примером артланга является *надсат*

(англ. Nadsat), на котором общаются персонажи произведения английского литературоведа и журналиста Энтони Берджесса «Заводной апельсин». Надсат особенно примечателен своей лексикой, сочетающей английские слова (в том числе рифмующийся сленг кокни) со словами, созданными Берджессом на основе русского языка под впечатлением пребывания в СССР (*droog* – друг, *malchik* – мальчик, *korova* – корова, *litso* – лицо, *viddy* – видеть). Собственно название данного артланга является транслитерацией русского суффикса порядковых числительных от 11 до 19 (*-надцать*), поскольку носители данного языка в романе – подростки, а в английском слове *подросток* (*teenager*) употребляется соответствующий английский суффикс *-teen* [Rosenfelder, 2010; Rosenfelder, 2013].

Американский писатель-фантаст Тед Чанг в рассказе «История твоей жизни» (англ. «Story of Your Life») обыгрывает гипотезу Сепира–Уорфа, предполагающую тесную и глубинную связь мышления с языком, на котором изъясняется говорящий [Watkins 2000]. Уникальность данного авторского подхода к артлангу состоит в том, что на передний план выходит не собственно «внешний вид» вымышленного языка (экзотическое и запоминающееся звучание), а его суть и возможности, которые он открывает. Главная героиня рассказа, лингвист Луиза Бэнкс, пользуясь методами полевой лингвистики, изучает язык гептаподов, расы инопланетян, посетивших Землю с неясными целями. Беседуя с пришельцами о науке, Луиза выясняет, что основополагающим для восприятия и понимания окружающего мира гептаподы считают принцип наименьшего времени Ферма. Это позволяет ей сделать умозаключение, что пришельцы воспринимают историю не как последовательность, а как совокупность всех бывших и предстоящих фактов. По мере накопления знания о языке гептаподов, линейное восприятие времени у Луизы замещается на способность видеть будущие события и действовать соответствующим образом.

Следует отметить, что упомянутые примеры объединяет тот факт, что практически все создатели данных вымышленных языков разрабатывали уникальный лингвистический конструкт – их артланги, хотя были основаны на двух или нескольких существующих языках, тем не менее отличались от них и впоследствии развивались по собственным языковым законам, не обязательно идентичным тем, которые действовали в «материнских» языках. Необходимо также подчеркнуть, что для понимания артлангов обычно требуется достаточно подробное ознакомление с этими языками, если не сказать изучение, как в случае со сложными эльфийскими

языками, клингоном, на'ви и некоторыми другими, выходящими за рамки менее обширных жаргонов, которые встречаются в произведениях литературы и кино.

В 2010 году американская кинокомпания «Universal Pictures» представила мультипликационный фильм «Гадкий я», созданный анимационной студией «Illumination» и положивший начало франшизе, ставшей самой кассовой из мультипликационных франшиз в истории сборов. Режиссерами первой части франшизы стали художники-аниматоры и актеры озвучивания Пьер Коффен и Крис Рено, придумавшие миньонов – маленьких существ ростом не более метра, с ярко-желтым цветом кожи, непременно носящих синие джинсовые комбинезоны, черные ботинки и черные кожаные перчатки и очки и разговаривающих на собственном языке. В мультфильме «Миньоны» 2015 года подробно рассказывается история этой необычной расы – миньоны существовали с самого начала появления жизни на Земле, и целью их существования является отыскать самого главного суперзлодея во всем мире и преданно служить ему. В поисках хозяина миньоны ведут почти кочевой образ жизни, путешествуя по всему земному шару и выпитывая языки тех стран, которые они посещают. Именно данное обстоятельство и послужило основой концепции миньонского языка (англ. Minionese) – речь этих милых существ является, по сути, смешением лексических единиц из самых разных европейских и азиатских языков, и в некоторых случаях данным словам и фразам приданы новые интерпретации.

Примечательно, что Пьер Коффен и Крис Рено не являются экспертами в области языка, тогда как в подавляющем большинстве случаев к созданию артлангов кинокомпания привлекают именно профессиональных лингвистов. Несмотря на этот факт, создатели миньонов успешно справились с разработкой миньонского языка.

Язык миньонов включает слова из английского, французского, испанского, итальянского, китайского, корейского, японского, малайского, индонезийского, тайского, хинди, иврита, филиппинского и русского языков. При создании данного артланга Коффен и Рено сосредоточились на принципе созвучия, которое можно обнаружить практически во всех мировых языках, а также на выстраивании определенной ритмической структуры миньонского. Следует отметить, что миньонский язык является тоническим, хотя и в весьма упрощенной форме (способность одного и того же слова иметь разные значения в зависимости от тона на самом деле отличает многие реальные языки, особенно в Юго-Восточной Азии). Авторы рассчитывали, что даже если основная зрительская масса не сможет

уловить значения определенных слов или выражений в речи миньонов, поскольку не все изучают иностранные языки, большую часть смысла высказывания можно будет уяснить из интонации и языка тела персонажей. В качестве примера можно привести слово *roka*, которое в зависимости от тона и мимики может означать и *что*, и *всё равно* / *без разницы*, и *проклятье*.

Язык миньонов также имеет определенное сходство с детским лепетом – они часто употребляют слова *banana* и *potato* (лепет характеризуется произнесением фрикативных и переднеязычных согласных, таких как /p, t, n, b/). Миньоны часто повторяют английские слова, которые они слышат, однако произносят их со своим характерным звукоподражательным акцентом: *hello – bello, thank you – tank yu, bedtime story – bedtime porry, snowglobe – powglobe* и т. д., а имя злодейки *Скарлет Оверкилл* (*Scarlet Overkill*) звучит у них как *Scarlet Popapil*.

Очевидно, что язык миньонов выделяется среди упомянутых артлангов неординарным способом конструирования, который применили создатели. Также интересная деталь данной мультфраншизы состоит в том, что ни один персонаж, не являющийся миньоном, никогда не говорит на миньонском, хотя большинство персонажей явно не испытывают затруднений при понимании речи миньонов. Миньоны также могут понимать английский язык и, как было сказано выше, способны повторять английские слова, однако полностью на английском никогда не разговаривают.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для определения полилингвального потенциала миньонского языка и для оценки понимания мультязыковой аудиторией характеров персонажей (а также их действий и поступков) на основании просодических явлений и языка тела был проведен эксперимент.

Участниками опроса стали 30 студентов обоих полов (с приблизительным сохранением гендерного баланса – 20 девушек и 10 молодых людей), обучающихся на втором курсе лингвистических факультетов московских вузов и изучающих следующие дисциплины в рамках первого иностранного (английского) и второго иностранного (французского, испанского, итальянского, корейского, китайского и японского) языков: «практика иностранного языка», «грамматика иностранного языка» и «фонетика иностранного языка». Респондентам был предложен к совместному просмотру полнометражный анимационный фильм 2015 года «Миньоны» на языке оригинала (английский), содержащий наибольшее количество образцов миньонского

языка, а также отрывки из всех остальных фильмов франшизы, где можно услышать речь миньонов, с последующим обсуждением данного артланга с точки зрения его лингвистических, художественных и культурных характеристик, которые участники эксперимента сумели отметить при просмотре. Беседа проходила в формате круглого стола.

СПОСОБНОСТЬ К ВОСПРИЯТИЮ, ПОНИМАНИЮ И АНАЛИЗУ МУЛЬТИЯЗЫЧНОГО АРТЛАНГА

Во время обсуждения просмотренного мультфильма и в частности миньонского языка, студенты, изучающие испанский, французский и итальянский, проявляли повышенный интерес – согласно их наблюдениям, лексические единицы из данных языков романской группы составляли большой процент в речи миньонов. Главные герои анимационного фильма употребляли такие испанские слова, как *para tú – для тебя, la boda – свадьба, otro – другой, soy fuerte – я сильный, uno, dos, tres – раз, два, три* в их прямом значении, *la piñata* (употреблено одним из миньонов по отношению к мухобойке, которой он предложил очередному из хозяев, доисторическому человеку, отогнать саблезубого медведя – с предсказуемым результатом), *la cucaracha* (слово означает *таракан*, однако в мультфильме было употреблено Кевином как ответ на вопрос *Знаете, кто это?*, который задала Скарлет Оверкилл, показывая ему, Стюарту и Бобу портрет Королевы Елизаветы, чью корону она желала выкрасть), *qué pasó/pasa, qué le pasó – что случилось, что с ним случилось, bueno – хорошо, gracias – спасибо*. Еще употреблялось слово *tropa – группа, толпа*, имеющее идентичное значение в тагальском языке.

Заимствованными из французского языка в речи миньонов оказались следующие частотные единицы *Oh là là!* (выражает восхищение, удивление или неодобрение), *si – да, так* (то же самое слово употребляется в испанском и итальянском языках), *(c'est) par là – (это) там, là-bas – вон там, mais non – да нет же, et puis c'est tout – вот и всё*. Франкофонные участники эксперимента отметили, что имя игрушечного медвежонка, принадлежащего Бобу, произносят как *Titim* и *Tim*; автор статьи полагает, что это слово-бумажник: *titi* (фр. кроха, малыш) и имени Тим. Кевин, жалуюсь Елизавете II на злодейство Скарлет, произносит слово *papaoutai*, которое является названием песни бельгийского артиста Стромай и представляет собой искаженное написание фразы *Papa, où t'es? – Папа, где ты?* Исходя из контекста, слово может означать, что Кевин желает видеть на законном месте Королеву, а не Скарлет, занявшую трон. Итальянские слова, употребленные

миньонами, следующие: *egli parla* – он говорит, *perché* – почему, *gelato* – мороженое, *ciao* – пока. Кроме того, Боб, подобрав в канализации серую крысу, называет своего нового питомца *pucci pucci*, что на итальянском означает «славный, милый».

Участники эксперимента отметили также, что миньоны иногда употребляют слова и словосочетания из разных языков для одного и того же значения – студенты, изучающие корейский, услышали в речи миньонов слова *hana* (하나), *dul* (돌), *set* ([셋] (один, два, три), наряду с упоминавшимся выше испанским, а студенты-романисты отметили и французское *pardon*, и итальянское *scusa*, равно как и английское *sorry*, которое миньоны тоже произносят как *porry*. Подобным образом употребляются *bello* и *sawadika* (привет по-тайски) и *gracias, tank you* и *terima kasih* (спасибо на индонезийском, искаженном английском и малайском языках).

Помимо этого, в миньонском языке обнаруживается большой пласт английской лексики: *please* – пожалуйста, *Let me do it* – Дай, я, *Come here* – Иди сюда (также употребляется как синоним выражения *Come on* – Давай! Пошли!), *so-so* – так себе, междометия *okey, eww* – фу, *ouch* – ай, *wow* – ух, ты, слово *kaput* (в английском оно означает «непригодный к использованию, сломанный, вышедший из строя» и было употреблено Бобом по отношению к своему супер-оружию) и *kumbaya* – американская идиома, означающая момент радости и гармонии. Также миньоны часто добавляют звук /a/ в конце многих слов, оканчивающихся на согласный: *the crown* – *la crona*, *the queen* – *la queena*, *the tribe* – *la triba*, *stop* – *stopa*, *choose* – *choosa*, *look* – *looka*, *calm* – *calma*, *give* – *giva*, *help* – *helpa*, *stupid* – *stupida* и т. д.

Особо стоит отметить слова миньонского языка, которые в родных языках означают еду. Английское слово *pancake* – блинчик и словосочетание *chicken tikka masala* – курица тикка масала (вторая часть этого выражения заимствована из хинди) употребляются в положительном контексте, тогда как японское *yakitori* (焼き鳥) – куриный шашлык и испанское *tortilla* – тортилья выкрикивает Кевин, убегая от преследующих его злодеев. Наконец, Стюарт и Кевин называют электрогитару *super mega ukulele*.

Некоторый процент слов в речи миньонов нельзя было разобрать или опознать, а еще участники эксперимента услышали *mazel tov* – фраза на иврите, которая используется для поздравления с каким-либо событием, русское междометие *да*, японское *kanpai* (乾杯/かんぱい) – ваше / твоё здоровье (тост), китайское *nazhe* (拿著) – держи, возьми, и слово *gulleno*, являющееся искаженным корейским 그래 너 – Да, это я тебе! Необходимо упомянуть еще и фразу, сконструированную из двух

языков: *Tu es stupida ou quoi?* – Ты дурной(-ая), что ли? (английский + французский), сказанную обиженным Бобом Стюарту, когда тот пытался согнать с очков Боба пчелу и переусердствовал, стукнув его по носу, и фразу: *Hello parapena, tú e bélla come la paraia*, – сказанную Стюартом пожарному гидранту, с которым он пытался флиртовать, приняв его за девушку – все слова здесь итальянские, кроме *parapena*, которое является вымышленным. Одна из возможных интерпретаций состоит в том, что *parapena* стандартное миньонское слово, аналогичное обращению «детка». Смысл фразы будет: *Привет, детка, ты прекрасна, как папайя*. К вымышленным словам относится также *matoka* – слово, которое Боб произносит в лодке во время путешествия из ледяной пещеры в Нью-Йорк 1968 года, указывая на свой рот после того, как у него заурчало в животе. Стюарт заявляет *Pola nola matoka* перед тем, как Боб и Кевин представляются ему большими бананами и он пытается их съесть. Из контекста можно заключить, что *matoka* на миньонском означает либо *голод*, либо *еда*.

Еще одним вымышленным словом является *blumok*, исходя из контекста имеющее уничижительное значение, а также употребляющееся вместо чертыхания – Кевин произносит *Quel blumok!*, и насмехаясь над Стюартом, которому не удалось тормознуть попутку, и оказавшись запертым в подzemелье Букингемского дворца. Также контекстное значение приобретает английское слово *buddies* – приятели, ребята, которое всегда используются миньонами по отношению к другим миньонам или людям, похожим на них, что указывает на то, что в миньонском языке это слово приобретает дополнительное значение дружбы исключительно внутри их собственного вида. Слово *Boss* или словосочетание *Big Boss* в языке миньонов приобретают более глубокий смысл, нежели их английские эквиваленты, и относятся не просто к работодателю, но и к главному и опаснейшему злодею, которому служит все племя миньонов.

В завершение эксперимента участники отметили тонкий юмор увиденного ими анимационного фильма, отсылки к историческим событиям, а также культурные символы, дружескую социальную сатиру и тот факт, что несмотря на возможность распознать не все слова, речь миньонов совершенно понятна и по впечатлению несколько напоминает эсперанто, хотя слова именно из этого искусственного языка в ней не присутствуют; данное мнение было единодушным. Также студенты выразили суждение, что артланги могут являться настоящими «произведениями лингвистического искусства», и их анализ либо создание несомненно является источником удовольствия для любого лингвиста.

Выводы

На основании результатов проведенного опроса можно заключить, что полилингвальный языковой конструкт, в данном случае артланг, является как раз тем художественно-лингвистическим приемом, который обладает особой притягательностью для современной поликультурной и мультиязыковой аудитории, отражающей в мини-масштабе наш многополярный и разнообразный мир. Языковая и культурная информация, поданная в художественной форме, по своей сути, интригует и вызывает положительные эмоции и научный азарт у любого человека, изучающего иностранные языки. С одной стороны,

артланг, созданный как смешение слов из многих популярных языков с добавлением более редких и экзотических, требует меньшей лингвистической проработки, поскольку авторы могут использовать готовые лексические единицы и грамматические конструкции, а не разрабатывать искусственные. С другой стороны, он способствует формированию положительных коннотаций, связанных с языками и культурой других народов, и следовательно, расширению интеллектуальных и личностных границ, а также духовному обогащению, поскольку полилингвальный языковой конструкт служит напоминанием о родственности мировых языков и в целом о единстве человеческой расы.

Список источников

1. Rogers S. D. The Dictionary of Made-Up Languages: From Adûnaic to Elvish, Zaum to Klingon – the Anwa (Real) Origins of Invented Lexicons. Coon Rapids: Adams Media, 2011.
2. Peterson D. J. The Art of Language Invention: From Horse-Lords to Dark Elves, the Words Behind World-Building. NY: Penguin, 2015.
3. Conley T, Cain S. Encyclopedia of Fictional and Fantastic Languages. Westport: Greenwood Publishing Group, 2006.
4. Rosenfelder M. The Language Construction Kit. Amazon: Kindle, 2010.
5. Rosenfelder M. The Conlanger’s Lexipedia. Amazon: Kindle, 2013.
6. Watkins C. The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2000.

References

1. Rogers, S. D. (2011). The Dictionary of Made-Up Languages: From Adûnaic to Elvish, Zaum to Klingon – the Anwa (Real) Origins of Invented Lexicons. Coon Rapids: Adams Media.
2. Peterson, D. J. (2015). The Art of Language Invention: From Horse-Lords to Dark Elves, the Words Behind World-Building. NY: Penguin.
3. Conley, T., Cain, S. (2006). Encyclopedia of Fictional and Fantastic Languages. Westport: Greenwood Publishing Group.
4. Rosenfelder, M. (2010). The Language Construction Kit. Amazon: Kindle.
5. Rosenfelder, M. (2013). The Conlanger’s Lexipedia. Amazon: Kindle.
6. Watkins, C. (2000). The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.

Информация об авторе

Куликова Ксения Сергеевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Information about the author

Kulikova Xenia Sergeevna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of English Phonetics
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	22.11.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	22.01.2024	
	23.01.2024	

Научная статья
УДК 811.111

Лексические средства метаязыка нарратива

О. В. Леон

*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь
hoyden.feanorown@gmail.com*

Аннотация. В статье предлагается решение проблемы установления ядерной группы лексических единиц, посредством которых эксплицируется метанарративный уровень повествования, рассматриваемый в качестве рефлексивного уровня коммуникации о нарративе как предмете речи. Посредством комплекса методов (компонентного семантического анализа, компьютерного частотного анализа, контекстуального анализа) определяется основной состав и функциональные возможности англоязычных лексических показателей метанарратива.

Ключевые слова: нарратив, метанарратив, повествование, метакоммуникация, метамаркеры, метанарративные лексические показатели, метанарративный уровень повествования

Для цитирования: Леон О. В. Лексические средства метаязыка нарратива // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 66–72.

Original article

Lexical Constituents of the Metalanguage of Narrative

Olga V. Leon

*Minsk State Linguistic University, Minsk, the Republic of Belarus
hoyden.feanorown@gmail.com*

Abstract. The article suggests a solution to the problem of establishing a core vocabulary group serving to explicate the metanarrative level of narration, considered as a reflexive level of communication about the narrative itself as the subject-matter of speech. Such methods as the component analysis of meaning, the computer analysis of frequency and contextual analysis enabled the author to establish the basic composition and functionality of the lexical markers of metanarrative in English.

Keywords: narrative, metanarrative, narration, metacommunication, metamarkers, lexical markers of metanarrative, metanarrative level of narration

For citation: Leon, V. V. (2024). Lexical constituents of the metalanguage of narrative. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 66–72.

ВВЕДЕНИЕ

С конца XX века метанарратив как объект научных изысканий вызывает повышенный интерес исследователей-гуманитариев (Р. Барт (1987), Ж.-Ф. Лиотар (1998), П. Рикер (1998), М. Флудерник (2003), Б. Нойманн и А. Нюннинг (2012), Е. С. Маслов (2015); О. С. Федотова (2018)), что обусловлено стремлением осмыслить в нарратологической форме ряд социально-психологических, исторических и культурологических явлений, вылившихся в «нарративный переворот» [Харре, 1996, с. 15] в гуманитарных науках.

Нарратология как отдельная научная дисциплина, разрабатывающая проблематику, связанную с исследованиями нарратива, трактует метанарратив преимущественно с филологической позиции, как конкретную реализацию в художественном повествовательном тексте возможности литературы «размышлять о самой себе» [Барт, 1994]. При этом научные сведения о том, как и когда нарратив выходит на метанарративный уровень, какие контексты и микроконтексты представляют собой материал для научного исследования метанарратива, с помощью какого инструментария происходит его экспликация в тексте и какие коммуникативные задачи при этом решаются, все еще размыты и разрознены. Исследования метанарратива осуществляются в виде филологической или культурологической интерпретации, которая достаточно редко опирается на методологический инструментарий лингвистики.

Немногочисленные лингвистические исследования метанарратива (О. В. Лымарь (2011), Б. Нойманн и А. Нюннинг (2012), О. С. Федотова (2018; 2020)), трактуемого как нарратив о нарративе либо метакоммуникативный комментарий в нарративном тексте, обосновывают важность его научного осмысления с позиции лингвистики и очерчивают методологическую проблематику, требующую решения для осуществления дальнейших исследований в заданном направлении.

Одной из важных методологических проблем, требующих решения, является вычленение метанарративных сообщений из потока повествования, что следует осуществлять, ориентируясь на языковую форму, т. е. на языковые показатели метанарратива или метанарративные языковые средства (метанарративные единицы языка), под которыми мы понимаем функциональное объединение метаязыковых единиц (в рамках данного исследования – единиц лексического уровня), семантические свойства которых позволяют решать речевые задачи, связанные с комментированием нарратива.

Проблема состоит в том, что состав метанарративных лексических единиц языка (по меньшей мере, их ядерная группа) на сегодняшний день не определен однозначно.

К лексическим показателям метанарративного дискурса в отдельных научных трудах относят единицы метаязыка и метакоммуникации, что справедливо, поскольку само существование языковых единиц метауровня предопределяет возможность носителей языка рассуждать о самом языке, участникам коммуникации – о самой коммуникации, а нарратив, который может рассматриваться как специфический коммуникативный акт наррации (повествования) и как речевое произведение, возникающее в ходе данного акта, точно так же может стать предметом речи на уровне метаязыка и метакоммуникации [Лымарь, 2011; Федотова, 2020].

Признавая это, мы склоняемся к тому, что данный подход требует конкретизации, поскольку метаязыку нарратива должна быть присуща особая группа метамаркеров (метаязыковых показателей), употребление которых в высказывании свидетельствует о референции к нарративу в целом, а не к какому-либо фрагменту его языковой ткани или к речевому поведению участников акта наррации, не связанному непосредственно с повествованием [Байгарина, 2022]. Следует отметить, что лексика, употребляемая с референцией к нарративу и позволяющая порождать рефлексивные высказывания о нем, в языке присутствует, и эта лексика, по своей сути, терминологична, о чем свидетельствует наполнение нарратологических словарей, разработанных на современном этапе развития нарратологии как науки (словарь нарратологии Дж. Принса «A Dictionary of Narratology»¹ и энциклопедия теории нарратива «Routledge Encyclopedia of Narrative Theory»²). Исследовательский вопрос, который возникает в данном контексте, заключается в том, каков потенциал употребления терминологической лексики из подобного рода словарей во внеаучной коммуникации о нарративах.

Цель нашего исследования – выявить ядерную группу лексических единиц английского языка, посредством которых эксплицируется метанарративный уровень повествования.

В круг научно-исследовательских задач, решение которых ведет к достижению поставленной цели, входит:

- 1) формулировка принципа дифференциации лексических единиц метанарративного уровня от других лексем метаязыка;

¹Prince G. A Dictionary of Narratology. Lincoln, 1987.

²Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / ed. by D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan. N.Y.: Routledge, 2008.

- 2) составление выборки наиболее продуктивных лексем метаязыка нарратива и их семантическая классификация;
- 3) проверка функциональных возможностей лексем метанарративного уровня на примере контекстов экспликации метанарратива во внеаучной коммуникации.

Решение обозначенных задач позволит установить основной набор лексических маркеров метанарративного уровня, что в дальнейшем поможет однозначно идентифицировать переход на метанарративный уровень повествования в нарративном тексте и дискурсе, а также осуществлять автоматизированный поиск метанарративных комментариев с опорой на известные лексические показатели.

МАТЕРИАЛ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве **материала исследования** послужили лексические единицы, отобранные из «Словаря нарратологии» Дж. Принса¹, который является одним из первых терминологических словарей, содержащих лексику, предназначенную для обсуждения нарратива в его различных аспектах и проявлениях. Следует отметить, что словарь содержит преимущественно имена существительные с вкраплениями субстантивированных имен прилагательных и причастных форм и, согласно предисловию к нему, не претендует на полноту описания нарратологической терминосистемы, но при этом содержит термины, широко используемые в обсуждении проблематики, связанной с нарративом как объектом исследования.

Наша задача при работе с данным лексикографическим источником (как одним из немногих доступных нам на данном этапе развития нарратологии) заключается в том, чтобы, опираясь на него, выявить основные группы лексики, основная функциональная нагрузка которой заключается в построении высказываний с референциальной отнесенностью к нарративу, и впоследствии дополнять выявленные группы новыми лексическими единицами на основании общности парадигматических и синтагматических характеристик.

Для установления частотности употребления каждой из представленных в словаре лексических единиц использовались количественные данные (в числовом и инфографическом виде), предоставляемые интернет-ресурсом Google Books Ngram Viewer². Проверка синтагматической функциональности лексических единиц метанарративного уровня, вошедших в финальный список,

составивший основу ядерной группы, осуществлялась на материале текстового корпуса The British National Corpus (BNC)³.

Исследование осуществлялось в три этапа. На первом этапе весь лексический состав «Словаря нарратологии» Дж. Принса был подвергнут компонентному семантическому анализу, в ходе которого осуществлялась сплошная выборка лексем, способных послужить экспликаторами метанарративного уровня. Основным принципом определения таких лексем для нас послужило присутствие в семантике слова компонентов «*narrative*», «*story*», «*event*». Третий семантический компонент был добавлен к первым двум на основании определения нарратива, данного составителем словаря: «*the representation (as product and process, object and act, structure and structuration) of one or more real or fictive events communicated by one, two, or several (more or less overt) narrators to one, two, or several (more or less overt) narrates*»⁴.

Отбор лексики сообразно данному принципу иллюстрируют следующие примеры:

- (1) **actant.** A fundamental role at the level of *narrative* deep structure.
- (2) **actual audience.** The real, concrete, flesh-and-blood audience of the *author*; the actual decoder or interpreter of the real *author's* text.
- (3) **author.** The maker or composer of a *narrative*.

Слово *actant* вошло в выборку, поскольку в его значении присутствует семантический компонент «*narrative*». Словарное описание значения словосочетания *actual audience* не содержит эксплицированных сем из предложенного выше списка, но одним из отраженных в нем семантических компонентов является сема «*author*», дальнейший анализ содержания которой в контексте коммуникации о нарративе позволяет обнаружить семантический компонент «*narrative*», что дает нам право включить словосочетание *actual audience* в выборку языкового материала исследования.

На данном этапе из выборки были отсеяны лексемы, принадлежащие к терминосистемам, функционирующим вне нарратологии (в таких науках, как лингвистика, психология, социология и др.), но активно используемые в ходе рефлексии и аргументации по поводу языковой ткани нарратива, его содержания и процесса наррации как коммуникативного акта. Понимая, что практически любая терминологическая единица окказионально может быть употреблена с референцией к нарративу, мы

¹Prince G. A Dictionary of Narratology. Lincoln, 1987.

²URL: <https://books.google.com/ngrams/>

³URL: <https://www.english-corpora.org/corpora.asp>

⁴Prince G. A Dictionary of Narratology. Lincoln, 1987. P. 58.

тем не менее стремимся к минимуму разночтений в трактовке ядерной группы метанарративных лексем, которые должны однозначно распознаваться в речи как экспликативы метанарратива. По этой причине мы не только отказались от включения в выборку терминологических единиц из областей научного познания, находящихся за пределами нарратологии, но и конкретизировали трактовку терминов, используемых несколькими отраслями науки с разной интерпретацией значения: такие лексемы, как *act*, *conflict* и подобные им, включаются в выборку и анализируются исключительно в нарратологическом понимании их значения. Множественность трактовок была учтена и на последующем этапе контекстуального анализа.

Далее выборка лексических показателей метанарративного уровня была сокращена с опорой на принцип частоты употребления (встречаемости слова в общедоступных текстах). Следование данному принципу позволяет делать косвенные выводы не только о функциональном потенциале слова (учеными неоднократно подтверждается: чем выше частотность употребления слова, тем больше вероятность развития многозначности [прив. по: Климова, 2004]), но и о широте его использования (предполагаемом количестве носителей языка, использующих данное слово) и стилистических условиях его употребления (научная и вненаучная коммуникация). Частота словоупотреблений для каждой лексической единицы в выборке проверялась с помощью интернет-ресурса Google Books Ngram Viewer. В результате в выборке были сохранены только те лексические единицы, частотность употребления которых на современном этапе превышает 0,0000001 % и проявляет тенденцию к заметному росту с 2019 года. Пример инфографических данных о слове, отвечающем данным

критериям и оставшемся в выборке, приведен на рисунке 1.

В конечном итоге, в короткий список лексических показателей метанарративного уровня повествования вошла 201 лексема из англоязычного «Словаря нарратологии». При этом на третьем этапе исследования, заключавшемся в проверке функциональных возможностей лексем метанарративного уровня во внеаучной коммуникации на материале текстового корпуса The British National Corpus (BNC), внутри выборки была выделена терминологическая метанарративная лексика, которая практически не используется за пределами коммуникации специалистов в области научного описания нарратива; многозначные слова, используемые во внеаучной коммуникации для порождения смыслов, не относящихся к метанарративу, а в научной – для экспликации метанарративных смыслов; метанарративная лексика, используемая во внеаучной коммуникации только для передачи прямых (терминологических) смыслов при обсуждении художественных нарративов в литературе, театре, кино; метанарративные лексические показатели, задействованные в порождении фигуральных смыслов во внеаучной коммуникации.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Проведенный анализ словарных дефиниций позволил распределить лексический состав выборки метанарративных показателей по группам соответственно референции к аспектам нарратива, выражаемой с их помощью на уровне рефлексивного обсуждения. Состав выделенных групп отражен в таблице 1.

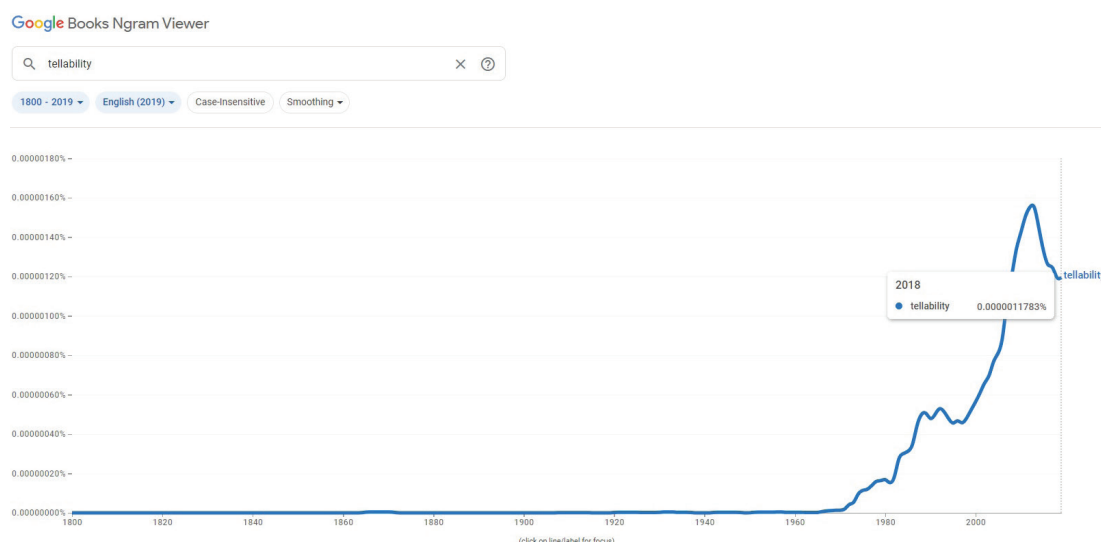

Рис. 1. Инфографическое представление частоты употребления слова *teliability*

Таблица 1

ГРУППЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МЕТАНАРРАТИВНОГО УРОВНЯ

Группа	Примеры метанарративных показателей
Сюжет и его структура	<i>act, anticlimax, climax, denouement, fabula, mytheme, mythos, quest, ravelling, resolution, turning point, unravelling</i>
Действующие лица / силы, их типы, функции и атрибуты	<i>actant, antagonist, antidonor, antihero, false hero, the femme fatale, focal character, helper, hero, the hypochondriac persona, point-of-view character, protagonist, sought-for person, stock character, viewpoint character, villain</i>
Составляющие коммуникативной ситуации наррации и их характеристики	<i>audience, antinarrative, antistory, author, contract (between the narrator and the narratee), dianoia, disnarrated, event, focus of narration, metanarrative, narratable, narrated, narratee, narrating, narrator, narration, narrative, narrative code, narrative competence, repeating narrative, reportability, story, tellability, theme</i>
Техника подачи повествования и производимый эффект на реципиента	<i>anticipation, defamiliarization, diegesis (telling rather than showing), mimesis (showing rather than telling), panorama (rendering of situations from a distance), stream of consciousness, reality effect, self-narration, suspense, telling (rather than showing), tone, voice</i>
Пространство и время нарратива	<i>anachrony, background, chronotope, cutback, flashback, flashforward, foreground, foreshadowing, prop, setting, story-time, subsequent narrating, switchback, topos</i>
Текстуальные признаки нарратива	<i>coda, epic preterite, first-person narrative, third-person narrative, foreshortening, summary</i>
Типы и жанры нарратива	<i>drama, fiction, myth, skaz</i>

Количественное соотношение вышеуказанных групп распределилось таким образом, что наиболее объемными оказались группы лексики, используемой для референции к сюжету и его структуре, а также к действующим лицам повествования (персонажам, их типам, свойствам и атрибутам). Общее процентное соотношение групп отражено на рисунке 2.

Рис. 2. Соотношение групп метанарративных показателей

Превалирование в выборке лексики, используемой для референции к сюжету и персонажам, а также к коммуникативной ситуации наррации, объясняется антропоцентризмом повествования как продукта культуры и возможностью образной идентификации персонажей нарратива с реальными людьми (в первую очередь, нарратором, реципиентом нарратива и их окружением), событийностью как основной характеристикой содержания нарратива и коммуникативно-деятельностным характером процесса наррации, который в той или иной мере осознается его участниками (поскольку у них есть потребность в комментировании наррации как деятельности, осуществляемой метанарративными средствами языка).

Следует отметить, что в ходе проверки функционирования метанарративных лексических показателей на материале текстового корпуса The British National Corpus (BNC) 45,8 % лексических единиц выборки (термины типа *antinarrative, chronotope, false hero, metanarrative, narrative code* и т.п.) оказались не представлены в контекстуальном массиве корпуса, что говорит об узкоспециальном нарратологическом употреблении данных лексем. При этом 26,9% слов из выборки, отличающихся многозначностью (*action, conflict, counterplot, sanction, summary, tone* и т. п.), в ходе проверки оказались

неупотребляемыми во внеаучной коммуникации в своем метанарративном значении, в то время как контекстуальная экспликация других компонентов значения данных слов фиксировалась с достаточно высокой частотностью.

Для ряда коммуникативных контекстов из внеаучной коммуникации оказалось характерным употребление некоторых метанарративных лексических показателей (4,9 % выборки) для передачи прямых терминологических смыслов носителями языка, не являющимися специалистами в области филологии и нарратологии. Подобные случаи словоупотребления свойственны обсуждению художественных нарративов литературы, кино, театра:

- (4) Most of the **action** you see on TV is reserved for tough guys like Sylvester Stallone.
- (5) He is a different sort of great sinner, or essay upon the great-sinner theme, which is why I stress the aspect of return to the vicious and tragic **antihero** who can't even call himself lazy.
- (6) As a trafficker in **climaxes** and thrills and **characterization** and wonderful dialogue and **suspense** and confrontations, I had outlined the Dresden story many times.

По количественным данным о словоупотреблении подобного рода представляется возможным судить о развитии нарратологической компетенции носителей языка в целом (главным образом, представителей соответствующей области искусства и их аудитории).

Помимо этого, было выявлено участие 22,4 % лексем с метанарративным компонентом значения в порождении фигуральных смыслов, построенных на проведении аналогий между некоторыми аспектами повествования и объектами внеязыковой действительности:

- (7) Everything in my life was merely **prologue** until now, merely delay, merely pastime, merely waste of time until I came to know you.
- (8) Withering's research marks **a turning point** in the history of herbal medicine, from its haphazard ancient roots towards a more systematic and scientific attitude.
- (9) Handsome with the feminine duskiness of **a cinematic villain**, though I'd find out he was just from Kansas.

Чаще всего в подобной функции использовались лексемы из групп «Сюжет и его структура» и «Действующие лица» (29,8 % и 25,5 % выявленных случаев соответственно), что коррелирует с ранее выявленным нами значительным превалированием объема данных групп метанарративных лексических показателей по сравнению с остальными группами и дает право рассматривать лексемы с референцией к сюжету и персонажам нарратива в качестве ядерной группы англоязычных лексических средств экспликации метанарратива.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования представляется возможным заключить, что в качестве ядерной группы лексических единиц, используемых для экспликации метанарративного уровня повествования (уровня обсуждения нарратива как предмета речи), следует рассматривать лексику, по своему содержанию относящуюся к группам «Сюжет и его структура» и «Действующие лица». Данное заключение подтверждается эмпирическими данными о значительном превалировании данных групп по объему входящей в них лексики при высокой частотности ее употребления как в научной, так и внеаучной коммуникации о нарративах, а также о высокой продуктивности использования подобного рода метанарративных показателей для порождения фигуральных смыслов, базирующихся на аналогиях между нарративом и реальной жизнью.

В связи с этим представляется целесообразным осуществление автоматизированного поиска контекстов экспликации метанарративного уровня повествования по лексическим показателям, которые могут быть отнесены к группам «Сюжет и его структура» и «Действующие лица».

Еще одной группой метанарративных показателей, заслуживающей внимания исследователей, является группа «Составляющие коммуникативной ситуации». Данная группа не настолько объемна, как две предыдущие, но содержит лексический пласт, анализ содержания и функциональных возможностей которого позволяет получить достаточно информативную картину восприятия аспектов ситуации наррации ее участниками, что представляет ценность для исследований в области метапрагматики коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Харре Р. Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т.17, № 2. С. 3–15.
2. Барт Р. Литература и метаязык // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс; Рея, 1994. С. 131–132.

3. Лымарь О. В. Метанаррация как текстообразующий принцип в пространстве языка и культуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. №1. С. 105–108.
4. Федотова О. С. Лингвокогнитивные метаструктуры в англоязычном художественном нарративе: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020.
5. Байгарина Г. П. Авторские интенции в художественном тексте сквозь призму метатекста //Русская литература в иностранной аудитории : сборник научных статей. Вып. 10. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2022. С. 256–266.
6. Климова Л. В. Высокочастотные имена существительные, прилагательные и числительные в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004.

REFERENCES

1. Harre, R. (1996). Vtoraya kognitivnaya revolyuciya = The second cognitive revolution. Psihologicheskij zhurnal. V.17, № 2. 3–15. (In Russ.)
2. Bart, R. (1994). Literatura i metayazyk = Literature and metalanguage. Izbrannye raboty : Semiotika. Poetika. Moscow: Progress; Unvers; Reya. 131–132. (In Russ.)
3. Lyamar, O. V. (2011). Metanarration as a text-forming principle in space of language and culture. The Bulletin of the Adyghe State University. Philology and Arts. №1. 105–108. (In Russ.)
4. Fedotova, O. S. (2020). Lingvokognitivnye metastruktury v angloyazychnom hudozhestvennom narrative = Linguacognitive metastructures in English fictional narrative: Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Baigarina, G. P. (2022). Author's intentions in a literary text through the prism of metatext. Russkaya literatura v inostranno auditorii. 10. St. Petersburg: RGPU imeni A. I. Gertsena. 256–266. (In Russ.)
6. Klimova, L. V. (2004). Vysokochastotnye imena sushchestvitel'nye, prilagatel'nye i chislitel'nye v sovremennom russkom yazyke = High-frequency nouns, adjectives and numerals in modern Russian: PhD in Philology. Yekaterinburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леон Ольга Вячеславовна

кандидат филологических наук

докторант Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leon Olga Vyacheslavovna

PhD (Philology)

Senior Doctorate, Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.11.2023
23.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Факторы конфликтности студенческого дискурса в условиях поликультурного образования

Л. В. Моисеенко¹, М. А. Викулина²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹liliamoiseenko@gmail.com

²vikulina_maria@mail.ru

- Аннотация.** В статье предпринимается попытка проанализировать ключевые факторы конфликтности студенческого межличностного дискурса. В качестве материала для анализа представляются данные опроса, проводимого среди студентов московских вузов. Авторы приходят к выводу, что студенческий межличностный дискурс изначально является конфликтным, поскольку предполагает наличие конкуренции и стрессовых ситуаций, связанных с процессом обучения.
- Ключевые слова:** конфликтность, студенческий дискурс, вербальные факторы, паравербальные факторы, поликультурное образование
- Благодарности:** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Республики Южная Осетия в рамках научного проекта № 20-512-07003 МОН РЮО_а.
- Для цитирования:** Моисеенко Л. В., Викулина М. А. Факторы конфликтности студенческого дискурса в условиях поликультурного образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883).

Original article

Conflictogenity Factors of the Student Discourse in the Multicultural Education Environment

Lilia V. Moiseenko¹, Maria A. Vikulina²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹liliamoiseenko@gmail.com

²vikulina_maria@mail.ru

- Abstract.** The article focuses on the analysis of the key conflictogenity factors of the student personal discourse in the multicultural education environment. The results of the interview carried out in a number of Moscow universities has laid the foundation for the analysis. The authors have concluded that the student personal discourse is initially conflict-generating due to competition and education-related stress.
- Keywords:** conflictogenity, student discourse, verbal factors, paraverbal factors, multicultural education
- Acknowledgments:** The reported study was funded by RFBR and MES RSO according to the research project № 20-512-07003 МОН РЮО_а.
- For citation:** Moiseenko, L.V., Vikulina, M. A. (2024). Conflictogenity factors of the student discourse in the multicultural education environment. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 73–00.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из наиболее актуальных приоритетных задач в современных условиях является снижение градуса агрессии в межличностном дискурсе. В связи с этим в фокусе внимания исследователей оказываются разнообразные коммуникативные формы речевого поведения, различные виды отношений между участниками коммуникации, а также семантические и прагматические критерии, выступающие в роли маркеров конфликтности.

По мере выделения все новых и новых факторов речевого конфликта в лингвистике закрепляются такие термины, как «инвективное функционирование языка», «языковое манипулирование», «речевая агрессия», «лингвистическая экология», «конфликтный дискурс», «конфликтность» и др. С целью выявления лингвистических составляющих конфликта исследователи обращаются к грамматическому, прагматическому и синтаксическому анализу письменного текста конфликтного характера.

В. Е. Кейдер акцентирует, что конфликтный дискурс – это коммуникативный акт, имеющий амбивалентный характер, предполагающий взаимодействие людей с различными принципами, доказывающими друг другу свою позицию, и основанный на расхождении оппонентов в понимании другой точки зрения, в связи с чем возникает антипатия оппонентов, которая приводит к оскорблениям друг друга [Кейдер, 2019].

А. Белоус и Н. В. Осколкова понимают конфликтный дискурс как речевое взаимодействие коммуникантов, из-за которого участники испытывают отрицательные эмоции вербального и паравербального воздействия друг на друга, как денотативно-референтную ситуацию, представляющую столкновение целей, решение которых приводит к противодействию, а также как результат процесса реализации различных интенций в речевом взаимодействии коммуникантов [Белоус, Осколкова 2007]. Н. А. Белоус и Н. В. Осколкова выделяют *интенсификаторы* конфликтности (нехватка времени, диссонанс коммуникации и обстановки, иерархическая дистанция, разница воспитания и образования, различное представление о конкретной системе должностования или нормативных функциях, собственно социальное поведение) и *нейтрализаторы* конфликтности (достаточное количество времени, имеющееся в распоряжении коммуникантов; располагающая к общению обстановка; нейтрализованные маркеры иерархической дистанции; приблизительно одинаковые уровни воспитания и образования; представления о конкретной системе должностования или нормативных функциях; собственно социальное поведение) [там же].

Основу конфликтного сознания составляют стереотипы, ориентация, предпочтения, тесно связанные с враждебностью. Следовательно, вербального выражения агрессии не всегда достаточно, поскольку семантическая составляющая конфликтного дискурса – это комплексное образование, состоящее из пропозиционного содержания, отношения говорящего и слушающего и пресупозиционной базы речепроизводства дискурса. При этом прагматические маркеры конфликтного дискурса являются структурными элементами потенциального типа [Белоус, Осколкова, 2007].

Конфликтный дискурс формирует поле *дифференциальных* единиц (дискурсов, которые характеризуются прямым и намеренным столкновением коммуникативных целей субъектов) и *потенциальных* единиц (дискурсов, которые характеризуются непрямым и ненамеренным или не всегда намеренным столкновением коммуникативных целей субъектов). *Вербальные средства* являются основной движущей силой, запускающей механизм конфликтного дискурса, при этом план выражения конфликтного дискурса состоит не только из вербальных знаков. *Паравербальными* маркерами конфликтного дискурса можно считать скорость, тон, интонацию речи, а к *невербальным* можно отнести жесты, мимику и «язык тела» (руки в боки, задирание подбородка, «расхаживание» взад-вперед, резкие наклоны в сторону оппонента и т. д.) Среди невербальных средств выражения конфликтности дискурса целесообразно отдельно выделить *позы*: *нервные* (судорожно сжатые колени в положении сидя), *защитные* (скрещенные на груди руки) и *динамично-агрессивные позы* (разворот тела, чтобы оказаться лицом к лицу с оппонентом).

Большую нагрузку в качестве маркеров агрессии на себя берут вербальные признаки конфликтного дискурса. По мнению психологов, имея необходимую информацию об оппоненте и возможность его предсказать, можно предугадать «направление ударов» и заранее выставить необходимую защиту. Это позволяет не только осознать, когда агрессия или иное проявление конфликтности направлены на вас, но и почувствовать, когда вы допускаете аналогичное поведение в отношении своего собеседника. В данном случае маркеры конфликтности в виде определенных лингвистических единиц представляют собой своего рода лингвистическую опору, «сигнализирующую» о разворачивании некоего конфликтного сценария.

К языковым конфликтным факторам на *лексико-семантическом уровне* относятся многозначные слова и омонимы вне достаточно развернутого контекста, ненормативная (обценная, инвективная) лексика, негативная оценочная

лексика, слова-агнonyms, а также в ряде случаев сленгизмы, жаргонизмы, арготизмы и т. д. [Крамкова, 2011]. На грамматическом уровне конфликтный характер могут иметь местоимения и глагольные формы 2-го лица единственного и множественного числа, местоимение *он* в отношении лица, присутствующего при разговоре, а также императивы, частицы, вводные слова и некоторые синтаксические конструкции [Голуб, 2001]. К прагматическим маркерам относятся различного рода несоответствия, непонимание, нарушение каких-либо правил или закономерностей речевого общения [Третьякова, 2003]. Иными словами, несоответствие речевой формулы социальным характеристикам адресанта и адресата (с учетом возрастных, гендерных, статусных особенностей), целям и задачам говорящего, а также параметрам коммуникативной ситуации (вид, время, место, условия общения) и позиции в общении приводит к изменению ее прагматических характеристик.

Из вышесказанного следует, что конфликтный дискурс не всегда включает конфликтный текст, но может содержать его отдельные элементы. В свою очередь, конфликтный текст может запускать конфликтный сценарий, порождать конфликтный дискурс или содержать потенциальный конфликт.

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНФЛИКТНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В рамках исследования был проведен опрос студентов разных курсов, целью которого было подтвердить актуальность уже сделанных ранее выводов относительно маркеров конфликтности студенческого межличностного дискурса, а также обнаружить новые тенденции на основе анализа реакций респондентов. В опросе приняли участие 100 учащихся разных курсов московских вузов. Вниманию респондентов были предложены 16 вопросов, на которые требовалось дать развернутые ответы.

На первом этапе учащимся предлагалось описать свое понимание невербального поведения собеседника, ответив на вопрос: «О чем вам говорят поза, жесты и мимика собеседника?». Далее перечислялись пять возможных вариантов невербального поведения (в данном исследовании мы приводим наиболее частотные ответы респондентов).

1. Сжатые руки и колени в положении сидя

Среди ответов можно выделить наиболее часто встречающиеся:

- 61 % – стресс, тревожность, страх, зажатость, дискомфорт;
- 22 % – нежелание разговаривать / идти на контакт, закрытость;
- 13 % – неуверенность, стеснение, смущение.

Среди нечастотных стоит отметить ответы *обида* (2 %), *спокойствие*, *ему так удобно* и отсутствие реакции.

Анализ реакций на данное невербальное поведение позволяет сделать вывод, что, во-первых, респонденты считывают невербальное поведение собеседника примерно одинаково, и во-вторых, характеризуют его как нежелание коммуникации, не обнаруживая при этом скрытой агрессии.

2. Руки в боки, выпячивание груди, развертывание плеч, задираание подбородка

Все респонденты отметили уверенность собеседника в себе: *высокая самооценка, раскрепощенность, превосходство, доминирование*, 4 % охарактеризовали данное поведение как *решимость*, и еще 12 % усмотрели в этом *агрессию и готовность к конфликту*.

При этом более половины отвечающих (52 %) негативно отреагировали на подобное невербальное поведение, описав его как *нарциссизм, гордыня, тщеславие, надменность, высокомерие*. О негативной реакции также говорят прилагательные *чрезмерная* и *завышенная* в более 50 % ответов (*чрезмерная уверенность, завышенная самооценка*) и использование характеристики *самоуверенность*.

3. Суетливые движения рук, «расхаживание» взад – вперед, резкие наклоны в сторону собеседника

Подобное невербальное поведение было истолковано респондентами более неоднозначно. Так, 56 % отметили *раздражение, нервозность, тревожность, волнение и панику собеседника*. Примерно в равном процентном соотношении (4–5 %) распределились ответы *суета, неуверенность, нетерпение, страх*. Еще 3 % усмотрели в данном поведении *агрессию*, однако данные реакции являются единичными, и потому не могут относить приведенное невербальное поведение и реакцию на него к маркерам конфликтности. Среди нечастотных реакций стоит отметить *задумчивость* и *ложь*. Интересно, что ряд респондентов затруднились с ответом, что может также косвенно указывать на то, что данное невербальное поведение не оценивается однозначно негативно и не вызывает прямую конфликтную реакцию собеседника.

4. Неподвижная ухмылка, остановившийся взгляд

Подобное невербальное поведение оказалось наиболее неоднозначным среди приведенных потенциальных маркеров конфликтогенности, так как вызвало диаметрально противоположные реакции респондентов: действия толковались в диапазоне от любви до ненависти в примерно равном процентном соотношении:

- 27 % – задумчивость, сосредоточенность, серьезность;
- 23 % – заинтересованность, влюбленность;
- 22 % – превосходство, надменность;
- 13 % – насмешка, презрение;
- 10 % – безразличие, пренебрежение;
- 5 % – вызов, скрытая агрессия, пассивная агрессия.

Также частотными были реакции *психопат, маньяк* (4 %) и *манипулятор* (3 %). Среди нечастотных реакций стоит отметить *отвращение, стыд* и *что-то знает, о чем не хочет говорить*.

5. Сдвинутые брови, поджатые губы, движение ноздрями

В данном случае невербальное поведение было истолковано респондентами практически однозначно – более 90 % отвечающих отметили *гнев, агрессию* и *злость*, при этом в 63 % ответов одновременно фигурировали варианты *возмущение* и *недовольство*. Еще 22 % респондентов в качестве возможного объяснения одновременно толковали данное невербальное поведение как *задумчивость, концентрацию, напряжение*¹.

Нечастотными ответами можно считать *расстройство, грусть, обида* (менее 8 %).

Таким образом, результаты опроса показали, что невербальное поведение собеседника может являться конфликтогенным или потенциально конфликтогенным, когда оно толкуется относительно однозначно и воспринимается как скрытая агрессия, вызывая при этом ответную негативную реакцию. Однако в ряде случаев невербальное поведение может «считываться» по-разному и вызывать отличающиеся (порой диаметрально) реакции у разных адресантов. В данном случае представляется нецелесообразным относить данное невербальное поведение к маркерам конфликтогенности.

На этапе анализа невербального поведения респондентам было предложено также назвать пять признаков, которые помогают понять, что оппонент

агрессивно настроен. Приведем наиболее частотные ответы:

- нахмуренные / сдвинутые брови
- касания или замашки
- неотрывный взгляд
- поджатые губы
- ухмылка
- сжатые кулаки
- учащенное дыхание
- резкие движения
- красное лицо
- сжатые зубы

Интересно отметить, что значительное внимание уделялось взгляду собеседника, его важность отметили 96 % респондентов. По поводу выражения глаз мнения респондентов разошлись: некоторые считали характеристикой агрессии *широко открытые / выпученные глаза*, другие – *прищуренные глаза*. Однако более 90% ответов содержали характеристики взгляда, позволяющие оценить степень агрессии – *пристальный, дикий, злой, хмурый, звериный, налитый гневом; огонь в глазах* и т. п.

Более 90 % респондентов отметили также вербальные признаки агрессии: *резкая грубая речь, повышенные тона, крик, подкалывания, сарказм, нецензурные выражения*. Важно отметить, что триада *взгляд – жесты – речь* присутствовала в 84 % ответов, что говорит о возможности более или менее однозначной оценки настроения собеседника лишь по совокупности признаков.

На этапе анализа вербального поведения респондентам были предложены конфликтные ситуации, и заданы вопросы: Что указывает, по вашему мнению, на конфликтный характер ситуаций в приведенных ниже примерах? Почему у собеседников возник конфликт? Отметьте слова или выражения.

А: Закрой окно, мне душно.

Б: С ума сошел! Жарко же, дышать нечем!

А: Если я простужусь, это будет на твоей совести.

Все респонденты отметили также выражения *с ума сошел* и *это будет на твоей совести* в качестве указывающих на конфликтный характер ситуаций, тогда как причины конфликта продемонстрировали большее разнообразие восприятия: 87 % респондентов отметили в качестве причины конфликт интересов, разногласие и разные цели, при этом 68 % добавили к этому нежелание идти на компромисс, игнорирование интересов другого, безразличие к чувствам других и эгоизм. Более 20 % отвечающих охарактеризовали данную ситуацию как манипуляцию, унижение

¹При ответе на вопросы респонденты зачастую давали более одного ответа; в некоторых случаях рассматривались альтернативные варианты *или..., или...*

и культивирование чувства вины. Нечастотными ответами являются *слишком импульсивный собеседник, нет вежливости / уважения друг к другу, грубость*. Единичный ответ *разное кровообращение*, вероятно, также вербализует идею конфликта интересов ввиду разных физиологических особенностей собеседников.

А: Смотри, какая чудесная погода, пойдем погуляем!

Б: *Не вижу ничего чудесного*, осень – это всегда депрессия. Хочется сидеть, укутавшись в плед, и слушать грустную музыку.

А: Но ты же обещала, что мы пойдем гулять. *Вечно ты всё портишь...*

Чаще всего в качестве вербальных маркеров конфликта интересов указывались *не вижу ничего чудесного* и *вечно ты все портишь*. При этом в качестве глубинных причин конфликта отмечались давление, нарушение границ, отсутствие эмпатии, разное настроение, разные взгляды, разное восприятие, обвинения, обида, неприятие чужого мнения и эгоизм (87 %). Интересно отметить, что респонденты одинаково частотно (40–50 %) занимали и позицию одного собеседника, обвиняя в нарушенных обещаниях (*нарушение обещаний, безответственность, нарушение обязательств, неоправданные ожидания, отмена планов* и т. д.), и позицию другого, предъявляя претензии в непонимании и невнимании (*нарушение границ, отсутствие эмпатии, разное настроение*).

Таким образом, лексемы или более сложные языковые единицы, вербализующие конфликтную ситуацию, распознаются участниками дискурса однозначно, однако мотивационные составляющие, равно как и причинно-следственные связи, порождающие конфликт, устанавливаются индивидуально, в зависимости от приобретенного индивидуумом личного опыта.

Учитывая степень важности вербальных маркеров конфликтогенности в студенческом дискурсе, на следующем этапе опроса респондентам были предложены вопросы, касающиеся непосредственно употребляемой во время конфликта лексики.

В первую очередь студентам было предложено оценить уровень агрессии и конфликтности в студенческой среде: *Считаете ли Вы студенческую среду конфликтной и почему?* Представляется важным отметить, что положительный ответ на этот вопрос дали 88 % респондентов, что может говорить о том, что конфликтно-соревновательный характер отношений ощущается в той или иной мере всеми участниками студенческого дискурса. Тем не менее стоит отметить и разъяснения, которые предложили некоторые опрошиваемые.

- культурно-ценностные конфликты (*личные разногласия, разные мнения, ценности, культуры, воспитание*);
- условия взаимодействия и атмосфера в студенческой среде (*конкуренция, соревнование, конфликт интересов, стресс, и как результат, нервозность и агрессия*);
- особенности личностного развития: (*юношеский максимализм, неумение идти на компромисс, неумение выражать свои мысли*).

Среди факторов назывались также вынужденное пребывание в одной группе с людьми, которые вызывают отрицательные эмоции или обучение с ними на одном курсе, равно как и *крайние обстоятельства* (последнее респондентами не разъяснялось).

На следующем этапе студентам было предложено назвать слова и выражения, которые можно считать наиболее оскорбительными в студенческом коллективе. Среди них также можно условно выделить несколько категорий. Это оскорбления, обесценивающие:

- умственные способности лица: *ты ничего не знаешь, не делаешь, какую глупость спорил, это не твое, самый умный?, дура / дурак, тупица, debil и т. д.*;
- его успеваемость и отношение к учебе: *прогульщик, бездельник, лодырь, неуч, бездарь, балбес, не знаешь – заткнись!, ничего не умеешь и т. д.*;
- его значимость в будущем и перспективы личностного и профессионального развития: *ничего не получится, будешь в Маке торговать, никчемный, неудачник, вечно ты все портишь и т. д.*;
- качества, имеющие значение для успешного социального взаимодействия (*зануда, душнила, какой же ты душнила, ты душный, слаботоксичный и т. д.*

Отдельно стоит отметить приведенные респондентами нецензурные выражения, относящиеся к данным категориям. Также (в меньшей степени) назывались оскорбления, относящиеся к аспектам *личной жизни и внешнему виду* (*вес / очки / телосложение / урод и т. д.*)

На этом этапе эксперимента нами была выделена еще одна категория вербальных маркеров конфликтности, касающаяся обесценивания непосредственно мнения индивидуума: *не твое дело, я лучше знаю, рот закрой, заткнись, помолчи, тебя никто не спрашивает, уйди, отвали, не лезь и т. д.*

При ответе на вопрос: *Какие слова и выражения Вы избегаете, чтобы не провоцировать конфликт при взаимодействии со сверстниками?* – многие отвечали коротко, односложно, одним словом, некоторые респонденты вовсе не дали ответ. Среди

названий преобладали следующие языковые единицы: *тупой, рот закрой, душный, глупый, бесполезный, манипулятор, дурак, урод, чурка*.

97 % респондентов при ответе на вопрос: *Сталкивались ли Вы с проявлением речевой агрессии со стороны преподавателей или одногруппников?* ответили положительно. Среди видов речевой агрессии преобладали: враждебное замечание (40 %), порицание (36 %), оскорбление (26 %), грубое требование (20 %), чрезмерный крик (16 %). Реже всего респонденты сталкивались с угрозами – 6 %¹.

В целом отличительными конфликтогенными чертами студенческого дискурса, по мнению респондентов, можно считать оскорбление, унижение, грубость, мат, грубые высказывания, сарказм, иронию, злые шутки, насмешки, игнорирование, вербализацию чужих недостатков, соревнование за рейтинг / оценки, провокация. При этом лидирующие позиции в ответах (56 %) занимают сарказм, ирония и насмешки.

И наконец, на вопрос: *Считаете ли Вы, что скрытая вербальная агрессия (манипулятивные вопросы, намеки, саркастические или ироничные замечания) может помочь добиться своих целей?* только 12 % респондентов ответили отрицательно; подавляющее большинство (69 %) дали положительный ответ; еще 18 % ответили положительно, но с оговоркой, что это зависит от целей и от ситуации.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

- 1) студенческий межличностный дискурс можно назвать по умолчанию конфликтогенным, поскольку связан с постоянной конкуренцией

¹Респонденты сочли важным перечислить все виды агрессии, с которой они сталкивались; при описании результатов мы приводим наиболее частотные

в учебе и стрессом, сопровождающим большинство ситуаций обучения;

- 2) культурно-ценностные конфликты в условиях взаимодействия в студенческой среде и особенности возрастного и личностного развития молодежи представляют собой важнейшие факторы, которые стоит принимать во внимание;
- 3) для обучающихся невербальное поведение собеседника может являться конфликтогенным или потенциально конфликтогенным, когда оно толкуется относительно однозначно и воспринимается как скрытая агрессия, вызывая при этом ответную негативную реакцию. Тем не менее, определенные моменты невербального поведения могут трактоваться по-разному в зависимости от индивидуального опыта;
- 4) вербальное поведение распознается участниками дискурса относительно однозначно, однако лежащие в основе высказываний причинно-следственные связи, порождающие конфликт, устанавливаются индивидуально, также в зависимости от приобретенного личного опыта;
- 5) в студенческом дискурсе наиболее конфликтогенными являются вербальные маркеры, затрагивающие *умственные способности респондента, его самооценку или ценность в собственных глазах*, тогда как социальные качества, внешний вид, этническая / национальная принадлежность и религиозные взгляды отходят на второй план, если вообще могут являться причиной конфликта;
- 6) в ходе проведенного исследования в качестве факторов конфликтогенности студенческого дискурса не было выявлено оскорблений, связанных с национальными, этническими, культурными или религиозными признаками, что, на наш взгляд, является крайне важным для развития моделей поликультурного образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кейдер В. Е. Понятие конфликта и конфликтного дискурса // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 486–488. URL: <https://moluch.ru/archive/262/60483/> (дата обращения: 10.09. 2023).
2. Белоус Н. А., Осолкова Н. В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 4. Ч. II. С. 96-107
3. Крамова О. В. Языковые и прагматические факторы конфликтогенности // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 332–335.
4. Голуб И. Б. Упражнения по стилистике русского языка. М.: Рольф, 2001.
5. Третьякова В. С. Конфликт как феномен языка и речи // Известия Уральского государственного университета. 2003. № 27. URL: http://proceedings.usu.ru/proceedings/N27_03/win/16.ht ш1 (дата обращения 10.09. 2023).

REFERENCES

1. Kejder, V. E. (2019). Ponjatie konflikta i konfliktnogo diskursa = The concept of conflict and conflict discourse. Molodoj uchenyj, 24(262), 486–488. <https://moluch.ru/archive/262/60483/> (date of access: 10.09.2023). (In Russ.)
2. Belous, H. A., Oskolkova, N. V. (2007). Konfliktnyj diskurs vs konfliktnyj tekst = The conflict discourse and the conflict text. Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism, 4(II), 96–107. (In Russ.)
3. Kramkova, O. V. (2011). Jazykovye i pragmaticheskie faktory konfliktogennosti = Language and pragmatic factors of conflictogenity. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 6(2), 332–335. (In Russ.)
4. Golub, I. B. (2001). Uprazhnenija po stilistike russkogo jazyka = Exercises on stylistics of the Russian language. Moscow: Rolf. (In Russ.)
5. Tret'jakova, V. S. (2003). Konflikt kak fenomen jazyka i rechi = Conflict as a phenomenon of the language and speech. Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta, 27. http://proceedings.usu.ru/proceedings/N27_03/win/16.htsh1 (date of access: 10.09.2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Моисеенко Лилия Васильевна

доктор филологических наук, доцент

заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права

Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

Викулина Мария Алексеевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права

Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Moiseenko Lilia Vasilievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in Law

Moscow State Linguistic University

Vikulina Maria Alekseyevna

PhD (Philology)

Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law

Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.11.2023
20.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

О вербальной, пара- и экстравербальной коммуникации (восприятие американского и британского вариантов английского языка носителями русского языка). Часть 1

Р. К. Потапова¹, В. В. Потапов²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, RKpotapova@yandex.ru

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, Volikpotapov@gmail.com

Аннотация. Согласно результатам серии экспериментов по субъективному декодированию на основе перцептивно-слухового и перцептивно-зрительного видов анализа на материале разноязычной коммуникации, базовые знания накапливаются и реализуются в зрительных и слуховых образах, которые дополняют друг друга. Речевая паравербалика является дополнительным источником информации, которая в процессе восприятия иноязычной речи становится базовым знанием о коммуникантах и о коммуникативной ситуации. Полученные результаты подтверждают наличие оценочной констатации перцептивных признаков, соотносящихся с укоренившимися межкультурными особенностями.

Ключевые слова: слуховое восприятие, зрительное восприятие, субъективная оценка, перцептивный образ, межличностная коммуникация, межкультурная коммуникация, речевое поведение, американская, английская и русская лингвокультуры

Для цитирования: Потапова Р. К., Потапов В. В. О вербальной, пара- и экстравербальной коммуникации (восприятие американского и британского вариантов английского языка носителями русского языка). Часть 1 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 80–87.

Original article

On Verbal, Para- and Extraverbal Communication (perception of American English and British English by Russian subjects). Part 1

Rodmonga K. Potapova¹, Vsevolod V. Potapov²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, RKpotapova@yandex.ru

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Volikpotapov@gmail.com

Abstract. According to the results of a series of experiments on subjective decoding based on perceptual-auditory and perceptual-visual types of analysis of multilingual communication, basic knowledge is accumulated and implemented in visual and auditory images that complement each other. Paraverbalics is an additional source of information, which, in the process of the foreign language speech perception, becomes basic knowledge about the communicants and the communicative situation. The results obtained confirm the presence of an evaluative statement of perceptual features correlated with ingrained intercultural characteristics.

Keywords: auditory perception, visual perception, subjective assessment, perceptual image, interpersonal communication, intercultural communication, speech behavior, American, British and Russian linguocultures

For citation: Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2024). On verbal, para- and extraverbal communication (perception of American English and British English by Russian subjects). Part 1. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 80–87.

INTRODUCTION

Nonverbal components of communication not only contribute to the transfer of the meaning of the message, but also help to determine the degree of emotional experience of the speakers, report the state of their inner world, intentions and expectations, the degree of decisiveness, or, conversely, its absence. Through the use of nonverbal means, information is transmitted about the social status of the interlocutors, their relationship, for example, such parameters as dominance – submission, favor – dislike, sympathy – antipathy, etc. By nonverbal means of communication, one can also determine the attitude of the participants to the communication situation itself: whether they are interested in it, whether they feel comfortable in it, etc.¹ People use various modalities (verbal and nonverbal means) in the process of verbal communication in order to express their thoughts, feelings, emotions more fully, more accurately and more clearly. This is common to all cultures, although different sign systems are given different meanings in various cultures. Therefore, in order to communicate with representatives of other cultures, it is necessary to know and understand both verbal and nonverbal forms of communication inherent in this culture.

As shown by our earlier studies (see the works² of Rodmonga K. Potapova and Vsevolod V. Potapov)

¹See, e. g., Andersen P. Nonverbal communication: forms and functions. 2nd ed. Waveland Press, 2007; Bull P. E. Posture and Gesture. Oxford: Pergamon Press, 1987; Burgoon J. K., Guerrero L.K., Floyd K. Nonverbal communication. Boston: Allyn & Bacon, 2011; Ekman P. Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life. New York: Owl Books, 2003; Guerrero L. K., Floyd K. Nonverbal communication in close relationships. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 2006; Haviland W. A., Prins H. E. L., Walrath D., McBride B. Cultural anthropology: The human challenge. Wadsworth Publishing, 2007; Knapp M.L., Hall J. A. Nonverbal communication in human interaction. 5th ed. Wadsworth: Thomas Learning, 2007; Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004; Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. М.: Изд-во «Экзамен», 2002; Pease A., Pease B. The Definitive Book of Body Language. New York: Bantam Books, 2006; Remland M.S. Nonverbal communication in everyday life. Boston: Allyn, 2009; Ottenheimer H.J. The anthropology of language: an introduction to linguistic anthropology. Kansas State: Thomson Wadsworth, 2007; Segerstrale U., Molnar P. (eds.). Nonverbal communication: where nature meets culture. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 1997; Zysk W. Körpersprache – Eine neue Sicht. Doctoral Dissertation. University Duisburg-Essen, 2004, etc.

²See, e. g., Potapova R. K., Potapov V. V. Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln, [etc.]: Böhlau Verlag, 2011; Potapova R., Potapov V. Auditory and visual recognition of emotions behaviour of foreign language subjects (by native and non-native speakers) // Zelezny M., Habernal I., Ronzhin A. (eds.) SPECOM 2013. LNAI. Heidelberg: Springer. Vol. 8113. P. 62–69; Potapova R., Potapov V. Cognitive entropy in the perceptual-auditory evaluation of emotional modal states of foreign language communication partner // Karpov A.,

devoted to the perception of emotional states in the process of mono- and polyethnic communication, a characteristic feature of the perceptual assessment of emotions is cognitive entropy, that is, we can speak not about the absolute, but about the relative degree of congruence of the data obtained, which was confirmed in the course of this study.

In the process of communication, nonverbal means are interconnected with verbal ones and can be in different proportions with them. For example, there are six main types of their interaction³: (1) repetition, when nonverbal communication duplicates verbal or reinforces a verbal message. For example, asking to speak more quietly with your index finger to your lips, or a verbal indication of direction with a hand; (2) contradiction, when nonverbal communication contradicts verbal communication. Nonverbal behavior is spontaneous and unconscious, it is not controlled by consciousness and, therefore, may conflict with the transmitted verbal message. For example, when a person says that he is very glad to see someone, but at the same time he says it coldly and dryly, then his interlocutor subconsciously trusts more these nonverbal signals transmitted through his voice; (3) substitution, when nonverbal behavior replaces verbal behavior (especially if it is blocked by noise, interruption, etc.), for example, if a person puts his finger to the lips to demand silence or bow instead of saying yes. A simple example of this is when a child, instead of saying “I want this toy”, simply points at it; (4) addition, when nonverbal communication somehow modifies, complements the verbal one. At the same time, nonverbal communication components make speech more expressive and clarify it, for example, smiling when meeting a friend, when we say that we are happy to see him, complements our speech message, or a bow that reinforces a positive message; (5) accentuation, in this case nonverbal communication accentuates, emphasizes some parts of the verbal message, for example, a raised index finger indicates that you need to pay special attention to the information that will be said next; (6) regulation, when nonverbal behavior is used in order to regulate the communicative flow

Potapova R., Mporas I. (eds.) SPECOM 2017. LNAI. Cham: Springer. Vol. 10458. P. 253–261; Потапова Р.К., Потапов В.В., Комалова Л.Р. Восприятие мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации. М.: ИНИОН РАН, 2020; Потапова Р. К., Потапов В. В., Лебелева Н. Н., Агибалова Т. В. Поликодовая среда Интернета и проблемы валеологии. М.: ЯСК, 2020; Potapova R., Potapov V., Lebedeva N., Karimova E., Bobrov N. The influence of multimodal polycode Internet content on human brain activity // Karpov A., Potapova R. (eds.) SPECOM 2020. LNAI. Cham: Springer. Vol. 12335. P. 412–423.

³Потапова Р. К. Коннотативная паралингвистика. М.: Триада, 1997; Потапова Р. К. Речь: коммуникация, информация, кибернетика. 4-е изд. М.: Либроком, 2010.

between interacting individuals. By the nod of the head, the tilt of the torso, intonation, the adoption of a certain posture, we can understand that it is our turn to enter the conversation.

Mimic signals perform various functions in social interaction, and have a large informational content. They are largely responsible for expressing and managing the emotional content of the communication situation [Ellgring, 1986; Pease A., Pease B., 2004].

FEATURES OF PERCEPTION WITH THE PARTICIPATION OF THE AUDITORY AND VISUAL CHANNELS

Perception is the result of polymodal activity, which initially has an expanded character and only then becomes collapsed, in which the image of perception arises on the basis of one modality, and other types of modality only help with a more complete display. As is known, the visual analyzer is characterized by the greatest capacity of perception, persistence and durability of the image, which can provide reliable support for the perception and reproduction of speech [Ксенчук, Киянова, 1993; Дерябо, Ясвин, 2004].

Many researchers have proven that the degree of auditory perception increases significantly if the face of the speaking partner is clearly visible in the communication. To explain the visual perception of speech, it is not enough to know the physiological rules of the eye behavior in the process of perception. The organ of vision does not work in isolation, but it works in a complex dynamic system that includes our practice, our thinking and all previous experience [Потапова, Потапов, 2006].

Visual perception is a set of processes for constructing a visual image of the surrounding world. The appeal to the study (analysis and interpretation) of visual documents is not only explained by the increasing number and importance of images. The availability of technical means of photographing and video filming, the possibility of their daily use by most people create a situation of accumulation of visual material that captures ordinary life [Захарова, 2008].

Perception of a video fragment presupposes the viewer's activity associated with his attempts to understand its meaning. According to R. A. Smith [Smith, 1973], the main task of interpretation is to reveal the content of the image. The author also emphasizes that interpretation is often the most important moment in the interaction of the viewer with a fragment.

Where there are differing opinions as to what is being analyzed, the objectives and procedures for interpretation may differ significantly. All this assumes different ideas about a person and the world around him. Conservative approach, however, argues that

differences between different points of view do not prevent finding the truth, since some points of view are more correct and others are less, and that it is always possible to determine which way of interpretation allows the most deep and comprehensive analysis of a fragment. However, this does not at all solve the problem of finding the truth, since the methods of interpretation are connected with their own idea of what it means to understand the fragment most deeply and comprehensively [Armstrong, 1986].

Auditory perception is the next stage of communication: the listener perceives the sound signal transmitted to him by the speaker and interprets it in a certain way. Thus, in the process of perception information is decoded – it is converted from a physical (acoustic) form to a symbolic (mental) one. The activity of the recipient in the communication process is aimed at understanding the speech message [Кодзасов, Кривнова, 2001].

In order to convey the semantic adequacy of a speech utterance, the identification of connotative (additional) meanings, transmitted not only by exclusively verbal (lexico-grammatical), but also by paraverbal (phonation-kinetic, intonation, timbre) means that carry a certain significative load, takes on a primary role.

According to our concept, the nonverbal component in relation to the paraverbal at the suprasegmental level is formed by the following modifications of the speech signal [Потапова, Потапов, 2008]: change in the frequency of the main tone (at the perception level – pitch); change of the intensity level (at the perception level – loudness); change in the speed of realization of the articulation of sounds, sound combinations, syllables (at the perception level – tempo); breaks in phonation and articulation (at the perception level – pause); spectrum (at the perception level – timbre); rhythm (at the perception level – the selection of individual sections of the speech chain).

The difficulty lies in the fact that connotative meanings, in contrast to denotative ones, are usually expressed implicitly, which may be associated with the presence of formal indicators in vocabulary and grammar (in particular, syntax), as well as with the use of paraverbal means in their combination as applied to acoustic and optical communication channels¹.

Particularly difficult is the problem of interaction “person – person” in the presence of such factors as native – non-native languages of communication, belonging to the other ethnic culture, since with the acquisition of a non-native language, a person transfers the nonverbal components of communication of the other ethnic group into his behavior and communication and reproduces them naturally and without hesitation [Потапова, Потапов, 2008].

¹Потапова Р. К. Коннотативная паралингвистика. М.: Триада, 1997.

Some features of identification are known, according to which the quality of identification almost doubles if a person knows the language and, accordingly, body language (gestures), eye and facial expressions in which identification is realized. This idea suggests that the recipient can identify the speaker with a greater degree of probability if he understands the language in which the speech of the identified speaker is realized.

At present, not only audio, but also video recordings are increasingly used in applied research. When analyzing video and audio recordings, especially if an audio recording is accompanied by noise, the video channel provides additional information. In the presence of intense acoustic noise of an audio recording, visual information may be the only information, with the help of which it is more efficient to obtain data about the communicant [Потапова, Потапов, 2006].

Sound images are perceived with a greater emotional reaction than visual ones, however, the amount of information received per unit of time based on sound images is significantly less. Basic knowledge is accumulated and presented in iconic visual images, and is formed and displayed in speech sound images [Галышина, 2003].

V. P. Morozov was of the opinion that the following features are inherent in nonverbal communication [Морозов, 1998]: polysensory nature, i.e. implementation with the participation of different senses (sight, hearing, smell, touch, etc.); independence from language barriers; independence from the semantics of speech utterance; significant spontaneity of expressive means and subconsciousness; features of acoustic coding tools; features of psychophysiological mechanisms of perception (decoding).

EXPERIMENTAL INVESTIGATION¹, METHODS, RESULTS

Experiment No. 1. Features of auditory and visual perception based on the material of American English and British English by native and non-native speakers of the English linguoculture

The identifiable objects were American and British actors. The identification was carried out by native

speakers of Russian – percipients who know English to varying degrees, and percipients who are native speakers of English. In the process of identification, nonverbal parameters (facial expressions and gestures) and paraverbal (intonation and prosodic means) were analyzed.

A group of subjects. The subjects were selected taking into account such characteristics as (see Table 1):

- gender (men and women);
- the age of the participants in the experiment is from 20 to 27 years old;
- place of birth;
- place of long-term residence: subjects – native speakers of the Russian language (Moscow and the nearest Moscow region), subjects – native speakers of American English (USA);
- education (humanitarian / technical);
- specialization in education and profession of parents;
- native language, as well as knowledge of foreign languages (different levels of proficiency);
- presence / absence of musical education.

Stimulus material

Material: ten fragments (see Table 2) of various films (not more than 30 seconds each) in the original language (British and American English), which were selected according to the following criteria:

- the presence of situations of everyday communication (dialogues, polylogues);
- the presence of participants in communicative acts in these fragments was represented by English and American actors;
- the directors of these films also belonged to representatives of two ethnic groups (Americans and British [Швейцер, 1971; Kirkpatrick, 2010; Цалиева, 2013]);
- the video material reflected the situation of the modern world (late XX – early XXI centuries);
- video material released after 2001;
- in the video fragments the emotional mood of the communicants is “well read” (from neutral emotional mood to aggression);

Table 1.

CHARACTERISTICS OF THE GROUP OF SUBJECTS

Encoding	Linguoculture	Gender	Age (years)	Places of birth and long-term residence
Russian women	Russian	3 women	22–25	Russia (Moscow and Moscow region)
Russian men	Russian	3 men	20–23	
American women	American	2 women	22–25	USA
American men	American	2 men	22–27	

Table 2.

CHARACTERISTICS OF THE ANALYZED MATERIAL

No. of fragments	Movie title	Linguoculture	Participants in the situation (actors)	Communication situation
1	Love Actually (2003)	British	Alan Rickman and Emma Thompson	greeting
2	Love Actually (2003)	British	Emma Thompson and Liam Neeson	encouragement, support
3	America's Sweethearts (2001)	American	Julia Roberts and Billy Crystal	request, persuasion
4	The Fighter (2010)	American	Melissa Leo and Jack McGee	quarrel
5	Crash (2004)	British	Sandra Bullock and Matt Dillon	quarrel
6	The Time Traveler's Wife (2008)	American	Eric Bana and Rachel McAdams	everyday communication
7	The Time Traveler's Wife (2008)	American	Eric Bana and Rachel McAdams	quarrel
8	The Ghost Writer (2009)	British	Pierce Brosnan and Ewan McGregor	everyday communication
9	The Ghost Writer (2009)	British	Ewan McGregor and Olivia Williams	everyday communication
10	Tamara Drewe (2010)	British	Tamsin Greig and Roger Allam	quarrel

- availability of a wide range of verbal, paraverbal and nonverbal communication means.

Auditory perception

The subjects had to listen to soundtracks without a visual series and determine: the number of communicants, the emotional coloring of communication, the prosodic components of the communicative act, the ethnicity of the communicants and substantiate their opinion¹. The experiment was carried out in a room convenient for listening and analyzing soundtracks. To fulfill the task, the subjects listened to the experimental material many times.

¹See: Potapova R. K., Potapov V. V. Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich. Köln, [etc.]: Böhlau Verlag, 2011; Потапова Р. К., Потапов В. В., Лебелева Н. Н., Агбалова Т. В. Поликодовая среда Интернета и проблемы валеологии. М.: ЯСК, 2020; Potapova R., Potapov V., Lebedeva N., Karimova E., Bobrov N. The influence of multimodal polycode Internet content on human brain activity // Karpov A., Potapova R. (eds.) SPECOM 2020. LNAI. Cham: Springer. Vol. 12335. P. 412–423.

Experiment No. 1. Results

The results of the subjects' assessment of the perceptual image of the communicants through the auditory canal are characterized by the following data:

- almost all participants, both English-speaking and native speakers of the Russian language, were able to correctly establish the ethnicity of the communicants (USA or Great Britain) in 90% of cases. When substantiating their opinion, the subjects referred to the speakers' accent, which helped them to determine the belonging of the communicants to one ethnic group or another. One participant was unable to give the correct answer (10%). This is due to the low level of knowledge of the English language due to the inability to distinguish between American English and British English;
- the subjects in total with a high degree of accuracy (100%) decoded the thematic specifics of communications (the type of a communicative situation);
- the emotional attitude was also correctly determined with a small margin of error of 20% of the total, that is, 80%;

– the determination of prosodic means caused some difficulties for the native speakers of the Russian language, while the American subjects coped with the task completely, which in total corresponds to 70%. Compared to native speakers of the Russian language, native speakers of English rely more on such prosodic means as the volume and color of the voice, tempo and melody of speech in determining the emotional mood of communication.

Thus, the representatives of the American ethnoses gave more accurate answers regarding the English-speaking informants (actors). Accustomed to more open and loud communication among themselves (as a national feature in general), they easily identified video fragments where only English actors were involved. However, one should not exclude the influence of the English accent on the accuracy of the answers. It should be emphasized that it was the American subjects who paid great attention to prosodic characteristics when filling out the questionnaire. The emerging tendency towards a greater number of errors when decoding material in an unfamiliar language can be explained by errors in understanding caused by insufficient knowledge of a foreign language. An inadequate assessment of the pause may be associated with a lack of semantic information due to the fact that the subjects perceptually decoded a foreign language speech without knowing the analyzed language [Потапова, Потапов, 2008].

Perception through the visual channel

The subjects had to watch video fragments without sound accompaniment and determine: the number of participants, the emotional coloring of the communication, the nonverbal components of the communicative act (head and body movements, hand gestures, facial expressions, gaze, body position in space and in relation to the other interlocutor, iconic body movements, clothing, environment), indicate the ethnicity of the communicants (USA or UK) and

substantiate his/her opinion. The experiment was carried out in a room convenient for viewing and analyzing video files. The task was intended to be completed individually, so the subjects were not allowed to discuss the details of the experiment. During the study, the subjects could watch video clips an unlimited number of times.

CONCLUSIONS

- all subjects decoded with a high degree of accuracy 100% the thematic specifics of communication (the type of a communicative situation);
- the subjects experienced difficulties in determining the ethnicity of the actors (70% of correct answers), even the participants with good knowledge of the English language in some fragments incorrectly identified the communicants;
- the subjects that were native speakers of the Russian language, attributed more active gestures, facial expressions, a fast pace of speech, smiling and openness to the American speakers, while the majority of the subjects perceived the restrained, taciturn, reserved and gloomy participants in the communicative act as Englishmen;
- the general emotional mood was correctly determined by the majority of the subjects (90%), with the exception of one native speaker of Russian;
- It is worth noting that native speakers of American English accurately identified the representatives of the American and British linguocultures, correctly identified the emotional mood and nonverbal means indicating this attitude.

In general, it should be noted that native speakers of English more accurately decoded representatives of American and British linguocultures than representatives of Russian linguoculture. This may be due to their perceptual awareness of the behavior of American and British actors.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ellgring H. Nonverbale Kommunikation. 1986. URL: <https://d-nb.info/1102807664/34>
2. Pease A., Pease B. The Definitive Book of Body Language. New York: Bantam Books, 2006.
3. Ксенчук Е. В., Киянова М. К. Технология успеха. Книга для каждого, кто ставит перед собой цели и стремится к их достижению, взаимодействуя с другими людьми. М.: Дело, 1993.
4. Дерябо С., Ясвин В. Гроссмейстер общения: иллюстрированный самоучитель психологического мастерства. 5-е изд. М.: Смысл, 2004.
5. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006.
6. Захарова Н. Ю. Визуальная социология: Фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 1. С. 147–161.

7. Smith R. A. Teaching aesthetic criticism in the schools // *Journal of Aesthetic Education*. 1973. No. 7. P. 38–49.
8. Armstrong P. B. The multiple existence of a literary work // *Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1986. No. 44. P. 321–329.
9. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. *Общая фонетика*. М.: РГГУ, 2001.
10. Потапова Р. К., Потапов В. В. Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инокультурных коммуникантов // *Фонетика и нефонетика. К 70-летию С. В. Кодзасова*. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 602–616.
11. Галяшина Е. И. *Основы судебного речеведения*. М.: Стэнси, 2003.
12. Морозов В. П. *Невербальная коммуникация в системе речевого общения (психофизические и психоакустические основы)*. М., 1998. URL: http://schoolint24.ru/psy/literature/morozov_v.p-iskusstvo_i_nauka_obshheniya.pdf
13. Швейцер А. Д. *Литературный английский язык в США и Англии*. М.: Высшая школа, 1971.
14. Kirkpatrick A. (ed.) *The Routledge handbook of world Englishes*. London; New York: Routledge, 2010.
15. Цалиева Е. А. Некоторые средства невербалики в акте межличностной коммуникации (применительно к британскому и американскому вариантам английского языка) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2013. Вып. 13 (673). Языкознание. С. 215–223.
16. Леонтович О. А. *Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения*. М.: Гнозис, 2005.

REFERENCES

1. Ellgring, H. (1986). *Nonverbale Kommunikation*. <https://d-nb.info/1102807664/34>
2. Pease, A., Pease, B. (2006). *The Definitive Book of Body Language*. New York: Bantam Books.
3. Ksenchuk, E. V., Kiyanova, M. K. (1993). *Tekhnologiya uspekha. Kniga dlya kazhdogo, kto stavit pered soboy tseli i stremitsya k ikh dostizheniyu, vzaimodeystviyu s drugimi lyud'mi = Success technology. A book for everyone who sets goals and strives to achieve them by interacting with other people*. Moscow: Delo. (In Russ.)
4. Deryabo, S., Yasvin, V. (2004). *Grossmeister obshcheniya: illyustrirovannyi samouchitel' psikhologicheskogo masterstva. 5-ye izdaniye = Grandmaster of Communication: An Illustrated Psychological Tutorial skill. 5th ed.* Moscow: Smysl. (In Russ.)
5. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2006). *Yazyk, rech', lichnost' = Language, speech, personality*. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
6. Zakharova, N. Yu. (2008). *Vizual'naya sotsiologiya: Fotografika kak ob"yekt sotsiologicheskogo analiza = Visual Sociology: Photography as an Object of Sociological Analysis*. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1 (11), 147–161. (In Russ.)
7. Smith, R. A. (1973). Teaching aesthetic criticism in the schools. *Journal of Aesthetic Education*, 7, 38–49.
8. Armstrong, P. B. (1986). The multiple existence of a literary work. *Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 44, 321–329.
9. Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (2001). *Obshchaya fonetika = General phonetics*. Moscow: RGGU. (In Russ.)
10. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2008). *Vospriyatiye emotsional'nogo povedeniya inoyazychnykh i inokul'turnykh kommunikantov = Perception of the emotional behavior of foreign-speaking and foreign-cultural communicants. Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu S. V. Kodzaso*. Moscow: LRC Publishing House, 602–616. (In Russ.)
11. Galyashina, E. I. (2003). *Osnovy sudebnogo rechevedeniya = Fundamentals of judicial speech science*. Moscow: Stensi. (In Russ.)
12. Morozov, V. P. (1998). *Neverbal'naya kommunikatsiya v sisteme rechevogo obshcheniya (psikhofizicheskiye i psikhoakusticheskiye osnovy) = Nonverbal communication in the system of verbal communication (psychophysical and psychoacoustic foundations)*. Moscow. http://schoolint24.ru/psy/literature/morozov_v.p-iskusstvo_i_nauka_obshheniya.pdf (In Russ.)
13. Shveytser, A. D. (1971). *Literaturnyy angliyskiy yazyk v SSHA i Anglii = Literary English in the USA and England*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
14. Kirkpatrick, A. (ed.) (2010). *The Routledge handbook of world Englishes*. London; New York: Routledge.
15. Tsaliyeva, Ye. A. (2013). *Nekotoryye sredstva neverbaliki v akte mezhlichnostnoy kommunikatsii (primeritel'no k britanskomu i amerikanskomu variantam angliyskogo yazyka) = Some means of non-verbalism in the act of interpersonal communication (in relation to the British and American versions of the English language)*. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 13(673), 215–223. (In Russ.)
16. Leontovich, O. A. (2005). *Russkiye i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya = Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапова Родмонга Кондратьевна

доктор филологических наук, профессор
действительный член Международной академии информатизации
директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Потапов Всеволод Викторович

доктор филологических наук
старший научный сотрудник Учебно-научного компьютерного центра
филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Potapova Rodmonga Kondratyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Full Member of the International Informatization Academy
Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics
of Moscow State Linguistic University

Potapov Vsevolod Viktorovich

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Senior Researcher of the Centre of New Technologies for Humanities,
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	21.11.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	19.12.2023	
	22.01.2024	

Научная статья
УДК 811.133

Жесты в документальном и игровом кино на примере кинематографа вишистской Франции

Е. Е. Смирнова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
e.e.smirnova@linguanet.ru

- Аннотация.** В статье проводится разбор жестового поведения героев кинематографических произведений (в сценах из художественного фильма «Ворон», а также документальной хронике) эпохи режима Виши во Франции. Для анализа применяется функционально-коммуникативная типология жестов в рамках концепции А.Ченки, К. Мюллер. В качестве вывода предлагается гипотеза о предпочтительном употреблении прагматических жестов актерами и жестов-самоадаптеров документальными героями.
- Ключевые слова:** дискурс-анализ, кинематографический дискурс, эпоха Виши, мультимодальность, жесты, авторитарный дискурс, самоадаптеры, прагматические жесты, рекуррентные жесты, полимодальность
- Для цитирования:** Смирнова Е. Е. Жесты в документальном и игровом кино на примере кинематографа вишистской Франции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 88–92.

Original article

Gestures in Documentary and Fictional Film in Cinema of Vichy France

Evgenia E. Smirnova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
e.e.smirnova@linguanet.ru

- Abstract.** The present article examines gestures of speakers in pieces of screen (scenes from the fiction film “Courbeau” and also from documentary material) produced during the Vichy period in France. The analysis is conducted in accordance with the functional and communicative approach to gestures within the theory of A. Cienki and C. Müller. The main hypothesis put forward lies in the following: professional actors tend to prefer pragmatic gestures whereas documentary characters use mainly self-adapters.
- Keywords:** discourse analysis, film discourse, Vichy period, multimodality, gestures, authoritarian discourse, self-adapters, pragmatic gestures, recurrent gestures, multimodality
- For citation:** Smirnova, E. E. (2024). Gestures in documentary and fictional film in cinema of Vichy France. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 88–92.

ВВЕДЕНИЕ

Период существования коллаборационистского режима во Франции в 1940–1945 годах считается темной страницей в истории страны. Но темной не только по причине трагических событий того времени, но еще и потому что информации об этом периоде не так много; по свидетельствам исследователей, французам до сих пор сложно дать оценку этому неоднозначному времени.

Еще меньше информации о кино, выходившем тогда на экраны той части Франции, которая находилась под формальным руководством маршала Петена. По словам Жака Сиклие, автора книги «La France de Pétain et son cinéma» [Siclier, 1999], непосредственного свидетеля событий минувших дней, а также большого синефила, будучи подростком в вишистской Франции, он никогда не слышал выражения «кино Виши»; для него кино того времени было логическим продолжением кино предыдущей эпохи.

Однако всё же это представляется не совсем справедливым, поскольку произведения того времени не могли не отражать настроения в обществе, а также идеологическую составляющую режима – причем даже двух режимов (вишистского и нацистского), – в котором существовали и цензура, и другие ограничения. Ведь тоталитарные и авторитарные системы используют кино как основной инструмент для распространения своих идей¹.

В статье «Заметки о жесте» итальянский философ Джорджо Агамбен пишет: «Политика есть сфера чистых средств, то есть абсолютной и интегральной человеческой жестуальности» [Агамбен, 2015]. Именно жесты являются одним из самых экспрессивных элементов кинематографа, «сущностный признак кинематографа – жест, а не образ» [Агамбен, 2015]. В этом утверждении прослеживается противопоставление «жест – образ» («gesture – image»), которое упоминалось в статье М. И. Киосе [Киосе, 2021]. Исследователь подчеркивает разницу в эстетическом и полимодальном подходе при анализе жестов в кино. Эстетический подход, согласно Киосе, предполагает оценку важности каждого из двух элементов, в то время как полимодальный рассматривает их с одинаковой степенью важности. В этой статье, следуя полимодальной логике, мы будем придерживаться второго подхода – (жесты и изображения рассматриваются как отдельные полимодальные единства).

Так как во Франции периода Второй мировой войны политика и связанные с ней традиции

риторики, в том числе и жестикюляции, довольно тесно переплетены с искусством, представляется интересным с исторической, культурологической, а также лингвистической точек зрения провести анализ жестов актеров художественных фильмов, снятых с 1940 по 1945 год и сравнить их с жестами героев в документальной пропагандистской хронике того времени.

Для анализа были отобраны отрывки монологической речи героев художественных фильмов и монологические выступления политических лидеров и рассмотрены в сопоставлении, так как именно монологи более всего обращены к зрителям. Для анализа жестов была применена их функционально-коммуникативная типология (в рамках концепции А. Ченки, К. Мюллер), так как для данного типа дискурса важной представляется именно коммуникативная составляющая.

Основная гипотеза состоит в том, что актеры художественных фильмов, будучи профессионалами, гораздо чаще, чем герои документальных фильмов, неактеры, прибегают к прагматическим и презентующим жестам. В то время как неактеры чаще используют жесты-самоадаптеры и предметные адаптеры. Причина подобного положения вещей, как представляется, заключается в неподготовленном характере их речи и отсутствии продуманных телодвижений, а также в незнании различных техник эмоциональной выразительности, которым обучают актеров.

АНАЛИЗ

Рассмотрим несколько примеров из конкретных кинопроизведений и хроники. Первый фрагмент представляет собой знаменитую сцену из фильма Анри-Жоржа Клузо «Ворон» («Courbeau»), снятого в 1943 году на финансируемой Третьим рейхом студии «Континенталь» («Continental»). Весьма примечательным фактом является то, что фильм был плохо принят как немецкими властями, так и позже после Освобождения, новым французским правительством. Как пишет российский киновед и кинокритик Алексей Гусев: «Клузо не собирался снимать антифранцузский фильм. Но не снимал он и анти-немецкий фильм»². В этом и состоит его ценность – в попытке показать действительное положение вещей, которое не устраивает ни одну сторону.

В рассматриваемой сцене во время траурной процессии на похоронах Франсуа, ракового больного с койки № 13, полицейский произносит речь, адресованную анонимному убийце и автору доносов, который понесет неминуемое наказание

¹По поводу идеологии и общей культурной ситуации см. Welch D. Propaganda and the German Cinema, 1933–1945 (Cinema and Society). London: I. B. Tauris, 2001.

²Гусев А. Человек со знаком минус // Сеанс. 2009, 7 января. URL: <https://seance.ru/articles/chelovek-so-znakom-minus/>

Рис. 1. Прагматический жест полицейского из фильма «Ворон»

Рис. 3. Объектный самоадаптер

Рис. 2. Жест-самоадаптер

Рис. 4. Жест-самоадаптер

рано или поздно. Речь очень эмоциональная. Полицейский апеллирует к собравшимся жителям города, но также и к зрителям. Функция жеста, который актер делает правой рукой, мы определяем как прагматическую с модусом выражения отношения и оценки. Жест ритмичный, можно даже наблюдать биты, так как есть совпадение с темпом речи.

На контрасте с первым примером из художественного фильма следует рассмотреть отрывок из документальной хроники: видеообращения генерала Лоранси по случаю приезда маршала Петена в Париж. Здесь наблюдается большое число жестов-адаптеров: сначала самоадаптеров, когда генерал перебирает свои пальцы, успокаивая себя; потом объектных адаптеров, когда он дотрагивается до стола, и в конце видео снова появляются самоадаптеры, когда генерал дотрагивается до своей одежды.

Считается, что в спонтанной речи преобладают именно адаптеры, они «поддерживают самоконтроль в процессе продуцирования речи» [Леонтьева, Агафонова, 2023]. Перевес в сторону адаптеров говорит о повышенной когнитивной нагрузке выступающего (см. рис. 2–4).

Это сопоставление на примере двух жанровых фрагментов подтверждает, что жесты-адаптеры в документальном материале действительно можно встретить чаще, чем в игровом.

Следующие два примера также показывают контраст между присутствием прагматических жестов в речи актеров и адаптеров в речи документальных персонажей. Первый отрывок представляет собой снова фрагмент из фильма «Ворон». Директор психиатрической лечебницы доктор Ворзе объясняет собравшимся жителям города необходимость участия в многочасовом диктанте для выявления преступника, рассылающего анонимные письма. Доктор сопровождает свою речь прагматическими жестами различного модуса: эмфатическими, дискурсивно-структурирующими, оценочными. Показательно употребление прагматических жестов, а не репрезентативных. Ведь именно прагматические жесты относятся к так называемым *рекуррентным* жестам [Bressemer, Müller, 2014], которые, чаще всего внутри определенной культуры, повторяются с одним и тем же значением, следовательно, не являются окказиональными и могут воспроизводиться актерами для более убедительной и естественной подачи речи героев. Рассмотрим конкретные примеры (табл. 1).

Таблица 1

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ФИЛЬМА А.-Ж. КЛУЗО «ВОРОН» (1943)

Кадр				
Текст	Он может скрывать почерк час-два...	Но! Устав...	Вот почему...	Он вернется к своему настоящему почерку
Жест	оценочный	эмфатический	дискурсивно структурирующий	дискурсивно структурирующий
Значение	сомнение, неуверенность, предположение	противопоставление; подчеркивается дополнительно с помощью интонации	экспликативное, аргументативное	подведение итога, завершение мысли

Жест в первом кадре (см. табл. 1) мы относим к *оценочным*. Доктор выражает свое отношение к произносимым словам, а именно размышляет вместе с реципиентами на тему возможности сокрытия почерка преступником. Жест раскрытых ладоней и разведенных в стороны рук он сопровождает легким пожатием плеч, что подкрепляет значение неуверенности в отношении произносимого.

Второй из представленных жестов *эмфатический*. Рука доктора поднята вверх, пальцы согнуты, жест совпадает с началом фразы, в частности, противительным союзом *но*.

Третий жест мы относим к *дискурсивно-структурирующим*, также как и четвертый. Хотя они и разные по форме (третий жест представляет собой разведение рук в сторону в то время, как четвертый – поднятие вверх одной руки с движением в сторону говорящего, но при этом не служит для выстраивания с ним контакта), но имеют одну и ту же функцию, так как способствуют выстраиванию логики высказывания (*Вот почему...*, *Он вернется...*).

Во втором фрагменте хроники, в котором запечатлен маршал Петен, поздравляющий французов с Рождеством 1943 года, мы также наблюдаем жесты-адаптеры, в том числе объектные адаптеры, когда оратор дотрагивается до стола (см. рис. 5). Жестовое поведение генерала почти полностью совпадает с поведением маршала Петена. Для большей схожести коммуникативной ситуации нами сознательно были выбраны отрывки, где оба политика располагаются за столом во время собственной речи.

Приведенные выше примеры не единственные. Та же специфика обнаруживается в большинстве сцен из фильма «Ворон», а также в других

художественных фильмах («Незнакомцы в доме» (1942), «Вечное возвращение» (1943), «Дети райка» (1945), «Дамы Булонского леса (1945) и др.) и документальной хронике периода вишистского режима во Франции, находящейся в открытом доступе на сайте французского Национального института аудиовизуальной продукции (ina.fr).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и предполагалось, актеры действительно сопровождают свою речь меньшим количеством жестов-самоадаптеров, отдавая предпочтение прагматическим жестам. В то время как неактеры, в данном случае политики вишистского режима, обходятся в основном исключительно самоадаптерами. Это связано не только с непроизвольным характером жестов. В работе, где осуществлялся анализ речи актеров кинофильмов и интервью

Рис. 5. Жесты-самоадаптеры в речи маршала Петена

с ними же, большого различия, подобного тому, что наблюдается между речью актеров и политиков, не было отмечено [Киосе, Леонтьева, Агафонова, 2022]. Из чего можно сделать вывод о решающем факторе профессионализма (актерского мастерства) для употребления тех или иных жестов, сопровождающих речь, спонтанную или срежиссированную. Актеры и в жизни отдают предпочтение заранее отрепетированным жестам, что уже составляет часть их идентичности. Документальные герои, не обученные актерским техникам,

ведут себя иным образом: их жесты выражают неуверенность и переживания.

Анализ жестового поведения актеров кинофильмов и героев кинохроники играет важную роль для любого комплексного полимодального исследования аудиовизуальных произведений. В дальнейшем планируется рассмотреть тот же материал (снятый во времена вишистского режима) уже со стороны вербальных языковых проявлений, а также специфических кинематографических приемов и технических средств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Siclier J. La France de Pétain et son cinéma. Paris: Ramsay, 1999.
2. Агамбен Д. Заметки о жесте // Сеанс. 17.03.2015. URL: <https://seance.ru/articles/agamben/>
3. Киосе М. И. Оркестры речи и жеста в кинокадре. Аргументативный и описательный дискурс // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 4 (47). С. 255–270.
4. Леонтьева А. В., Агафонова О. В. Проявление когнитивной нагрузки при синхронном переводе с использованием жестов-адаптеров (на материале немецкого языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 94–100.
5. Bressemer J., Müller C. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions // Body – Language – Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. 2014. Vol. 2. С. 1575–1591.
6. Киосе М. И., Леонтьева А. В., Агафонова О. В. Эстетика слова и жеста в аргументативно-описательных монологах актеров // «Слово и жест». Научная конференция, посвященная памяти Е. А. Гришиной («Гришинские чтения»): сборник материалов научной конференции. 2022. С. 29–33.

REFERENCES

1. Siclier, J. (1999). La France de Pétain et son cinéma. Paris: Ramsay.
2. Agamben, G. (2015, March 17). Zаметki o zhestе = Notes on gesture. In Seance. <https://seance.ru/articles/agamben/> (In Russ.)
3. Kiose, M. I. (2021). Orchestrations of speech and gesture in cinematic shots. Discourse of argumentation and description. Cognitive studies of language, 4(47), 255–270. (In Russ.)
4. Leontieva, A. V., Agafonova, O. V. (2023). Manifestation of cognitive load in simultaneous interpreting using adapters (based on the German language). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 94–100. (In Russ.)
5. Bressemer, J., Müller, C. (2014). A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions. In Body – Language – Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction (vol. 2, pp. 1575–1591).
6. Kiose, M. I., Leontieva A. V., Agafonova, O. V. (2022). Esthetics of gestures in argumentative-descriptive monologues of actors. In Word and gesture (pp. 29–33): Scientific conference, dedicated to the memory of E. A. Grishina: digest of the scientific conference. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Евгения Евгеньевна

младший научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnova Evgenia Evgenievna

Junior research scientist, Center of Socio-Cognitive Discourse Studies
at Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.11.2023
19.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Семантико-синтаксические особенности предложений со сравнительным маркером *like* в современном английском языке

Л. А. Смирнова

Казахский национальный исследовательский технический университет им. К. И. Сатпаева, Алма-Ата, Казахстан
smirnovalyudmila@hotmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты семантического и синтаксического анализа предложений со сравнительной конструкцией, оформленной маркером *like*. Было установлено, что рассматриваемая конструкция выполняет функции предикатива, обстоятельства образа действия, обстоятельства сравнения и определения и характеризуется синкретизмом значений. В статье описаны факторы, которые помогают разграничить обстоятельство образа действия и обстоятельство сравнения.

Ключевые слова: сравнительный маркер, субъект сравнения, объект сравнения, основание сравнения, синкретизм значений, синтаксическая функция

Для цитирования: Смирнова Л. А. Семантико-синтаксические особенности предложений со сравнительным маркером *like* в современном английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 93–100.

Original article

Semantic and Syntactic Peculiarities of Sentences with the Comparative Marker *Like* in Modern English

Lyudmila A. Smirnova

Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satbayev, Almaty, Kazakhstan
smirnovalyudmila@hotmail.com

Abstract. The article presents the results of the semantic and syntactic analysis of the comparative construction with the marker *like*. It has been found out that this construction can perform the functions of the predicative, adverbial modifier of manner, adverbial modifier of comparison and attribute, and is characterized by the syncretism of meanings. The author describes the factors that help differentiate the adverbial modifier of manner and the adverbial modifier of comparison.

Keywords: comparative marker, subject of comparison, object of comparison, basis for comparison, syncretism of meanings, syntactic function

For citation: Smirnova, L. A. (2024). Semantic and syntactic peculiarities of sentences with the comparative marker *like* in modern English. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 93–100.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из маркеров сравнительных отношений в английском языке является служебное слово *like*. В лингвистической литературе оно называется оператором сравнения [Чиглинцева, 2021], модификатором сравнения [Буглак, 2012], знаком-индексом, указывающим на способ мыслительной и образно-эмоциональной категоризации сравниваемых лиц, предметов и явлений [Хрисонопуло, 2011], компаративной связкой, имеющей конструирующую роль [Размахнина, 1983], лексической единицей, номинирующей отношение сходства [Варшавская, 1984].

Традиционно маркер *like* попадает в одну группу с союзами *as if* и *as though* в качестве их неформального синонима, который в основном встречается в американском английском. Однако результаты недавних исследований показывают, что с 1990-х *like* начинает широко использоваться в составе сложного именного сказуемого в американском и канадском английском. Более того, его употребление выходит за рамки неформальности и перестает подвергаться осуждению [Lopez-Couso, Mendez-Naya, 2012].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Исследователи анализируют особенности функционирования маркера *like* в сравнительных конструкциях [Разманихина, 1983], его когнитивно-семантические характеристики [Гукетлова, 2018], детально описывают его комбинаторные возможности [Hanks, 2005], сравнивают с союзом *as* [Хрисонопуло, 2011], выявляют основные тенденции его использования в разных вариантах английского языка [Lopez-Couso, Mendez-Naya, 2012]. В последнее время в фокус внимания ученых попадают дискурсивные свойства слова *like*, которое на текстовом уровне может заполнять хезитационную паузу, вводить оговорки, примеры, прямую речь, новую информацию, выражать примерное количество [Мурашковская, 2014; Anderson, 1998].

Одной из отличительных черт маркера *like* является функциональная вариативность, усложняющая определение его грамматического статуса. По мнению некоторых исследователей, *like* совмещает функции сравнительного предлога и союза [Хлебникова, 2005], другие отмечают, что служебное слово *like* может употребляться в качестве предлога, союза и частицы [Чиглинцева, Викулова, 2017] или предлога, союза и наречия [Чиглинцева, 2021]. Представляется логичным считать сравнительный маркер *like* предлогом, если он сочетается с существительным, местоимением или герундиальным оборотом, и союзом, если он оформляет придаточное предложение.

ЦЕЛЬ, МЕТОДЫ, МАТЕРИАЛ И ПАРАМЕТРЫ АНАЛИЗА

Цель настоящей статьи – проанализировать семантические и структурно-синтаксические особенности предложений со сравнительным маркером *like*. Кроме этого, в статье определяются факторы, позволяющие разграничить обстоятельство образа действия и обстоятельство сравнения, оформленные словом *like*. В качестве методов исследования использовались компонентный, контекстуальный и трансформационный анализ. Материалом для анализа послужили около 500 примеров из произведений современных англоязычных авторов.

Общеизвестно, что сравнение имеет трехчленную структуру, включающую предмет сравнения, объект (образ, эталон) сравнения и основание сравнения, которое выражается эксплицитно или имплицитно. Субъект и объект сравнения могут находиться в отношениях сходства или подобия, тождества и различия. Особую роль в выражении сравнения играет сравнительный маркер, так как именно он определяет семантику предложения.

Часть предложения, оформленная маркером *like*, всегда является объектом сравнения и в данной статье называется сравнительной конструкцией. Предложения с маркером *like* анализировались по следующим параметрам: функция сравнительной конструкции и ее семантика, способ выражения элементов сравнения и их позиция по отношению к друг к другу.

Было установлено, что сравнительные конструкции рассматриваемого типа могут употребляться в функциях предикатива в составе именного сказуемого, обстоятельства и определения.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТИВА

В функции предикатива сравнительные конструкции следуют за глаголами бытия *to be*, чувственного восприятия *to look*, *to feel*, *to sound*, *to smell* и глаголом *to seem*. Основанием для сравнения в таких предложениях является сходство или различие по внешнему виду, ощущениям, звукам, запахам, представлениям, что обусловлено семантикой самих глаголов. Зачастую оно детализируется посредством одного или нескольких определений. В следующем предложении субъектом сравнения является говорящий, объектом – заключенный, основанием для сравнения – ощущения говорящего, связанные с ярко выраженной

клаустрофобией. Другими словами, основание для сравнения выражается глаголом чувственного восприятия и конкретизируется причастным оборотом.

I felt like a prisoner, suffering a temporal claustrophobia so pronounced it made my skin itch (*S. Grafton. L is for Lawless*).

Предложения со сравнительной конструкцией в функции предикатива характеризуются фиксированным порядком элементов сравнения: предмет сравнения – основание для сравнения – объект сравнения. Предметом сравнения, как правило, является подлежащее, представленное существительным, собственным или нарицательным, личным или неопределенным местоимением, в редких случаях герундиальным оборотом.

Jean never looked like she had anything in common with the rest (*S. Grafton. F is for Fugitive*).

I felt like a dog left in the backyard during a sudden rain (*S. Grafton. L is for Lawless*).

Combing his hair sounded like someone walking on gravel (*S. Grafton. L is for Lawless*).

Встречаются предложения, в которых предметом сравнения служит дополнение.

I needed a heavy Hungarian dinner, a glass of white wine, and someone to fuss at me like a mother (*S. Grafton. E is for Evidence*).

Интересно, что в сочетании с глаголами *to look* и *to feel* в качестве предмета сравнения преобладают имена собственные и личные местоимения *I, he, she, they*, в то время как глаголы *to sound, to smell* и *to seem* чаще сочетаются с подлежащим, выраженным неодушевленным существительным или местоимением *it*.

В качестве объекта сравнения могут использоваться одушевленные и неодушевленные существительные, за которыми следует определение, представленное именной группой, причастным оборотом или придаточным предложением. Особую группу образуют часто встречающиеся существительные широкой семантики *a man, a woman, a guy, a fellow*, а также существительные, обозначающие животных. Иногда объект сравнения представлен придаточным предложением или неопределенными местоимениями *somebody, someone, something*, которые, также как и существительные, конкретизируются определениями.

The shoulder bag made me feel like I was dragging an anchor, but I couldn't part with it (*S. Grafton. L is for Lawless*).

...it sounds like something you could handle yourself (*S. Grafton. B for Burglar*).

Как правило, предмет и объект сравнения обозначают разные денотаты и находятся в отношениях сходства или подобия. Предложения, в которых между предметом и объектом сравнения устанавливаются отношения тождества, встречаются реже. Так, в следующем предложении габардиновые брюки, брошенные на сиденье, являются и субъектом и объектом сравнения.

The gabardine pants looked like the same ones he'd had on two days ago, bunched up in the seat, pleated with wrinkles across the lap (*S. Grafton. F is for Fugitive*).

Семантический анализ рассматриваемых конструкций свидетельствует о том, что, являясь предикативом, они передают значения сходства и образа действия, что обусловлено наличием в семантической структуре служебного слова *like* соответствующих сем:

Like = similar in some way to smth else; as if; in the same way as¹.

Like = a) similar to smth, resembling smth; b) in the manner².

Очевидно, что семантика слова *like* делает сравнение и способ действия основными значениями сравнительных конструкций, о чем свидетельствует возможность двоякой трансформации следующего предложения.

The engines sounded like lawn mowers (*S. Grafton. E is for Evidence*).

- The engines sounded the way lawn mowers did (образ действия)
- The engines sounded similar to lawn mowers (сходство)

Следует, однако, отметить, что в разных контекстах эти значения проявляются по-разному. Более того, встречаются случаи, когда в предложениях с *like* могут появляться дополнительные оттенки значения.

¹Longman Advanced American Dictionary. Pearson Education Limited, 2001.

²Oxford Advanced Learner's Dictionary. Fifth edition. Oxford University Press, 1998.

Языковой материал показал, что на семантику сравнительной конструкции влияет способ выражения элементов сравнения. Если конструкция используется после глагола бытия *to be*, основным становится значение сходства. Глагол *to be* утверждает наличие определенной манеры поведения, присущей лицу, выраженному подлежащим, уподобляя предмет и объект сравнения. Являясь широкозначным, он не конкретизирует основание для сравнения, которое представлено имплицитно: мелкие терьеры звонко лают и иногда покусывают окружающих. Так же ведет себя и героиня, особенно когда дело касается правды.

I'm like a little terrier when it comes to the truth
(*S. Grafton. L is for Lawless*).

Поскольку значение сходства базируется на субъективных ощущениях, в приведенном выше предложении появляется дополнительное модальное значение предположения. Это значение присутствует и в предложениях с глаголами чувственного восприятия наряду с основными значениями сходства и образа действия, что подтверждается следующими словарными дефинициями:

- **to look like** – to suggest by appearance;
- **to feel like** – to give a sensation or an impression that;
- **to sound like** – to give the impression that¹.

Дополнительное значение предположения становится основным, если подлежащее выражено формальным *it*. Основанием для предположения в таких случаях являются предыдущие знания, опыт или представления говорящего.

It looked like she spent half her time in detention
(*S. Grafton. F is for Fugitive*).

It felt like a lifetime (*A. Tyler. A Patchwork Planet*).

Достоверность предположения может варьироваться. В первом из приведенных ниже предложений чей-то голос похож на голос Анны. С достаточно высокой степенью вероятности можно предположить, что говорящая и есть Анна. Во втором предложении степень вероятности уже не такая высокая, поскольку возможно, что человек покинул город, но также возможно, что его уже нет в живых. В третьем предложении предположение противоречит реальности. Героиня описывает реальную физическую

потребность, хотя окружающие скорее всего воспримут ее поведение как хитрость.

"Be right out", someone called. It sounded like Ann
(*S. Grafton. F is for Fugitive*).

Anyway, it looks like he's left town unless he's been murdered, too (*S. Grafton. E is for Evidence*).

I really needed to pee, but it sounded like a ploy
(*S. Grafton. E is for Evidence*).

Маркер *like* может сочетаться с наречиями *more*, *almost*, *even vaguely*, которые сообщают дополнительную информацию об объекте сравнения.

It was almost like a lost soul shrieking for surcease, she thought uneasily (*M. H. Clark. Before I say Good-Bye*).

Wettig was probably in his late forties, looking more like a lounge singer than a uniformed patrolman
(*S. Grafton. L is for Lawless*).

В последнем примере наречие *more* употребляется в сочетании с союзом *than*, в результате в предложении представлены два объекта сравнения: *a lounge singer* и *a uniformed patrolman*. Между субъектом и первым объектом устанавливаются отношения сходства, в то время как субъект и второй объект тождественны. Веттиг был больше похож на человека, поющего для отдыхающих, чем на полицейского, коим он на самом деле являлся.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ФУНКЦИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

В грамматиках отмечается, что служебное слово *like* может оформлять обстоятельство образа действия и обстоятельство сравнения. Следует сразу оговориться, что разграничить эти обстоятельства зачастую достаточно сложно. В лингвистической литературе встречаются указания на то, что способ совершения действия может характеризоваться через сравнение [Семкина, 2018], значение образа действия обычно переплетается со значением сравнения [Khaimovich, Rogovskaya, 1967], а в придаточных образа действия часто имплицитно присутствует идея сравнения [Каушанская, 1973]. Это объясняется тем, что, как было отмечено выше, в семантической структуре маркера *like* присутствуют семы сравнения и образа действия, что позволяет говорить о синкретизме

¹Oxford Advanced Learner's Dictionary. Fifth edition. Oxford University Press, 1998.

передаваемых им значений. Вместе с тем определенные лексико-синтаксические факторы делают одну из этих сем доминирующей. Рассмотрим два предложения.

- (1) Ray avoided my gaze like a dog that's done potty on the good rug (*S. Grafton. L is for Lawless*).
- (2) Like a fly on the wall, I kept myself quite, listening to Ray and his mother chat while she put supper together (*S. Grafton. L is for Lawless*).

Первое предложение характеризуется логичным порядком следования элементов сравнения – объект сравнения следует за субъектом, и типичной для обстоятельства образа действия позицией после сказуемого. В нем сопоставляются не столько предмет и объект сравнения, сколько действия, совершаемые разными денотатами: люди и животные имеют обыкновение отводить взгляд, когда чувствуют себя виноватыми. Другими словами, доминирующей становится значенность способа действия, что позволяет трактовать сравнительную конструкцию как обстоятельство образа действия. Сравнительная конструкция выполняет функцию обстоятельства образа действия и в предложениях с глаголами *act, behave, treat, shape*, поскольку эти глаголы синсемантические, т.е. информативно недостаточны, и для того, чтобы действие было завершённым, обязательно наличие обстоятельства, характеризующего способ его совершения.

Look, Ray. You don't need to treat me like a nincompoop (*S. Grafton. L is for Lawless*).

I had to do something soon, but I didn't want to be foolhardy ... acting like a heroine when it might put us in a worse situation that we were already in (*S. Grafton. L is for Lawless*).

Во втором (2) из приведенных выше предложений объект сравнения предшествует субъекту, сравнительная конструкция предшествует подлежащему и сказуемому и отделяется от них запятой. Внимание акцентируется в большей степени на сравнении двух разных денотатов, а не на самом действии. Героиня сравнивает себя с мухой на стене потому, что, будучи детективом, предпочитает оставаться незамеченной, не участвовать в разговоре, а внимательно слушать то, что говорят другие, и делать соответствующие выводы.

Объект сравнения может следовать за субъектом, но предшествовать основанию сравнения, как в приведенном ниже примере.

Dead leaves, like scraps of brown paper, choked the house gutters and littered the walks (*S. Grafton. L is for Lawless*).

Пунктуация и нетипичное положение обстоятельства делают связь между обстоятельством и сказуемым менее тесной, чем у обстоятельства образа действия, которое выражает внутренние качественные признаки действия, что дает основание считать конструкцию с *like* обстоятельством сравнения.

Еще одним признаком обстоятельства сравнения является наличие после сказуемого других членов предложения, что также ослабляет связь между глаголом и обстоятельством. В следующем предложении движение чемодана на колесиках характеризуется обстоятельством образа действия, выраженным наречием *reluctantly*. А в конструкции с *like* чемодан, который неохотно тащился за человеком, сравнивается с собакой, которую ведут к ветеринару.

A man passed with a rolling suitcase that trailed after him reluctantly, like a dog on its way to the vet (*S. Grafton. E is for Evidence*).

Это предложение можно легко трансформировать в *A man passed with a rolling suitcase that trailed after him as reluctantly as a dog on its way to the vet*, где парный союз *as ... as* является эксплицитным показателем сравнительных отношений.

Таким образом, определенный порядок следования элементов сравнения, нетипичная позиция обстоятельства, фокус на действии или предмете и объекте сравнения, пунктуация и наличие других членов предложения, а также глаголов *act, behave, treat, shape* помогают в определении синтаксической функции конструкции с *like*. Важно, однако, подчеркнуть, что конструкция с *like* сохраняет синкретизм значений независимо от своей функции. Разница лишь в том, что в функции обстоятельства сравнения у маркера *like* сема сравнения является основной, а сема способа действия дополнительной, в то время как в функции обстоятельства образа действия, основной становится сема способа действия.

Способы выражения предмета и объекта сравнения в предложениях, в которых конструкция с *like* используется в функции обстоятельства и предикатива, ничем не отличаются. Основание для сравнения, как правило, выражено сказуемым и конкретизируется зависимыми от него членами предложения. Служебное слово *like* может употребляться с наречиями *more* и *almost*, которые усиливают или уточняют значение сравнительной конструкции.

She felt detached, almost like an outsider observing the ceremony (*M. H. Clark. Before I say Good-Bye*).

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ В ФУНКЦИИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Проанализированный материал показал, что маркер *like* способен оформлять не только предикатив и обстоятельства, но, в редких случаях, и определение, что подтверждается трансформацией подстановки союза *that* и глагола *to be*.

She tried to speak, but nothing came out at first except a wheezing sound like someone stepping on a rubber duck (*S. Grafton. B for Burglar*). ⇒ She tried to speak, but nothing came out at first except a wheezing sound that was like someone stepping on a rubber duck.

That faceless nightmare of steel and concrete full of hundreds of little rooms like dog kennels has replaced a lovely old baroque house ... (*A. J. Cronin. The Judas Tree*). ⇒ That faceless nightmare of steel and concrete full of hundreds of little rooms that were like dog kennels has replaced a lovely old baroque house.

After the night boat I heard a splash – like a springing fish (*A. J. Cronin. The Judas Tree*). ⇒ After the night boat I heard a splash that was like a springing fish.

Эти предложения отличаются тем, что в них сравнительная конструкция синтаксически связана не с глаголом, а непосредственно с существительным – субъектом сравнения, значение которого она поясняет посредством сравнения. Соответственно сема сравнения становится основной, а сема образа действия практически нивелируется. Объект

сравнения в таких предложениях представлен герундиальной предикативной конструкцией или существительным с зависимыми словами. Основанием для сравнения, которое выражено имплицитно, является сходство по издаваемым звукам или внешнему виду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сравнительные конструкции с *like*, который вводит объект сравнения, характеризуются достаточным структурным, синтаксическим и семантическим разнообразием. Структурно они могут быть представлены сочетанием маркера *like* с существительным, значение которого уточняется определением, выраженным именной группой, причастным оборотом или придаточным предложением. Реже объект сравнения представлен неопределенным местоимением со следующим за ним определением или придаточным предложением. Семантически рассматриваемые конструкции отличаются синкретизмом значений, что обусловлено наличием сем сходства и образа действия в семантической структуре маркера *like*. В зависимости от лексико-грамматического типа глагола-сказуемого и способа выражения элементов сравнения одна из сем становится доминирующей, что помогает конкретизировать семантику сравнительных конструкций. В некоторых случаях у сравнительной конструкции появляется дополнительное значение предположения. В предложении сравнительные конструкции выполняют функции предикатива, обстоятельства образа действия, обстоятельства сравнения и определения. Пунктуация, нетипичная позиция обстоятельства, использование других членов предложения после сказуемого, а также наличие определенных глаголов помогают разграничить обстоятельства образа действия и сравнения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чиглинцева Е. С. Категориальные семантические комплексы компаративности (на материале английских служебных слов *as* и *like*) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2021. Том 18, № 3. С. 81–87.
2. Буглак С. И. Предложения с нереальным сравнением в современном английском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Том 2, № 2. С. 60–63.
3. Хрисонопуло Е. Ю. Служебное слово как знак мыслительной категоризации в поэтическом тексте сонетов У. Шекспира. // Пушкинские чтения. 2011. № XVI. С. 394–403.
4. Размахнина Н. К. Особенности функционирования служебного слова *like* в сравнительных конструкциях современного английского языка // Сочетаемость и речевая репрезентация языковых единиц. Новосибирск: Наука, 1983. С. 55–64.
5. Варшавская А. И. Смысловые отношения в структуре языка. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1984.

6. Lopez-Couso M.J., Mendez-Naya B. On the Use of As If, As Though, and Like in Present-Day English Complementation Structures // *Journal of English Linguistics*. 2012. № 40 (2). С. 172–195.
7. Гукетлова А. Х. Когнитивно-семантическое описание компаративных кластеров в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2018.
8. Hanks P. Similes and Sets: The English preposition like // *Languages and Linguistics: Festschrift for Professor Fr. Cermak*. Prague, 2005. P. 1–15.
9. Мурашковская Е. М. Дискурсивный маркер like в молодежном онлайн-дискурсе // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. Чебоксары. 2014. № 2 (82). С. 116–121.
10. Andersen G. The Pragmatic Marker like from a Relevance-theoretic Perspective // *Discourse Markers: Descriptions and Theory* / ed. by A. H. Jucker, Y. Ziv. Amsterdam: John Benjamins, 1998. P. 147–170.
11. Хлебникова М. В. Сравнительные конструкции и их синонимика в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005.
12. Чиглинтсева Е. С., Викулова Е. А. Служебные и дискурсивные функции английского слова like // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2017. Том 19. № 2(163). С. 156–167.
13. Семкина Г. Г. Члены предложения в английском языке. Учебное пособие. Ставрополь: Логос, 2018.
14. Khaimovich B. S., Rogovskasya B. I. *A Course in English Grammar*. М.: Высшая школа, 1967.
15. Каушанская В. Л. и др. *A Grammar of the English Language*. М.: Просвещение, 1973.

REFERENCES

1. Chiglintseva, E. S. (2021). Comparative categorial semantic complexes (with reference to the English words as and like). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 18(3), 81–87. (In Russ.)
2. Buglak, S. I. (2012). Predlozheniya s nereal'nym sravneniem v sovremennom anglijskom yazyke = Sentences with unreal condition in Modern English. *Cherepovets State University Bulletin*, 2(2), 60–63. (In Russ.)
3. Hrisonopulo, E. Yu. (2011). Sluzhebnoe slovo kak znak myslitel'noj kategorizacii v poeticheskom tekste sonetov U. Shekspira = Function word as a signal of cognitive categorization in poetic texts of W. Shakespeare sonnets. In *Pushkinskie chteniya* (vol. XVI, pp. 394–403). (In Russ.)
4. Razmahina, N. K. (1983). Osobennosti funkcionirovaniya sluzhebnogo slova like v sravnitel'nykh konstrukciyakh sovremennogo anglijskogo yazyka = Peculiarities of functioning of the function word like in comparative constructions of the English language. In *Sochetaemost' i rechevaya reprezentaciya yazykovykh edinic* (pp. 55–64). Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
5. Varshavskaya, A. I. (1984). Smyslovye otnosheniya v strukture yazyka = Semantic relations in the language structure. Leningrad: Izdatelstvo Leningradskogo universiteta. (In Russ.)
6. Lopez-Couso, M. J., Mendez-Naya, B. (2012). On the Use of As If, As Though, and Like in Present-Day English Complementation Structures. *Journal of English Linguistics*, 40(2), 172–195.
7. Guketlova, A. H. (2018). Kognitivno-semanticheskoe opisanie komparativnykh klasterov v anglijskom yazyke = Cognitive and semantic description of the comparative clusters in the English language: PhD in Philology. Pyatigorsk. (In Russ.)
8. Hanks, P. (2005). Similes and Sets: The English preposition like. *Languages and Linguistics* (pp. 1–15): Festschrift for Professor Fr. Cermak. Prague.
9. Murashkovskaya, E. M. (2014). Diskursivnyj marker like v molodezhnom onlajn diskurse = Discursive marker like in the youth online discourse. *Bulletin of the Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. Cheboksary*, 2(82), 116–121. (In Russ.)
10. Andersen, G. (1998). The Pragmatic Marker like from a Relevance-theoretic Perspective. In Jucker, A. H., Ziv, Y. (eds.), *Discourse Markers: Descriptions and Theory* (pp. 147–170).
11. Hlebnikova, M. V. (2005). Sravnitel'nye konstrukcii i ih sinonimika v russkom i anglijskom yazykah = Comparative constructions and their synonymy in the Russian and English languages: abstract of PhD in Philology. Rostov-na-Donu. (In Russ.)
12. Chiglintseva, E. S., Vikulova, E. A. (2017). Formal and discursive functions of the English word like. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 19(2), 163, 156–167. (In Russ.)
13. Semkina, G. G. (2018). Chleny predlozheniya v anglijskom yazyke = Parts of the sentence in the English language. Textbook. Stavropol: Logos. (In Russ.)
14. Khaimovich, B. S., Rogovskasya, B. I. (1967). *A Course in English Grammar*. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Kaushanskaya, V. L. et al. (1973). *A Grammar of the English Language*. Moscow: Prosveshchenie.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Людмила Арсеньевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков Института управления проектами

Казахского национального исследовательского технического университета им. К. И. Сатпаева

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnova Lyudmila Arsenyevna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of Foreign Languages

Project Management Institute, Kazakh National Research Technical University named after K. I. Satbayev

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.11.2023
15.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Фонологические особенности нижненемецкого диалекта Plattdeutsch

Г. А. Соколова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ga.sokolova@mail.ru

Аннотация. В центре внимания исследования находится нижненемецкий диалект Plattdeutsch – наречия и диалекты, распространенные на севере Германии. В статье рассматривается географическая область распространения и употребления нижненемецкого, анализируются фонологические особенности системы гласных звуков и системы согласных звуков, дается фонологическая характеристика и приводятся примеры из систем вокализма и консонантизма. Использование метода сравнительного анализа и метода лингвистического анализа позволяет установить сходные черты и различия между нижненемецким и германским стандартом.

Ключевые слова: нижненемецкий, германский стандарт, диалект, вокализм, консонантизм

Для цитирования: Соколова Г. А. Фонологические особенности нижненемецкого диалекта Plattdeutsch // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 101–106.

Original article

Phonological Features of Plattdeutsch

Galina A. Sokolova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ga.sokolova@mail.ru

Abstract. The article focuses on Plattdeutsch, the so-called Low German, which includes dialects that are spread in the north of Germany. The article considers the geographical area of distribution and use of Low German, analyzes phonological features of the vocal system and consonant system, it gives phonological characteristics and provides examples from the systems of vocalism and consonantism. Using the method of comparative analysis and the method of linguistic analysis allows to establish some similarities and differences between Low German and the German pronunciation standard.

Keywords: Low German, the German pronunciation standard, dialect, vocalism, consonantism

For citation: Sokolova, G. A. (2024). Phonological features of Plattdeutsch. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 101–106.

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, Plattdeutsch включает в себя распространённые на территории Северной Германии наречия и диалекты. В фонетическом аспекте их объединяет отсутствие второго передвижения согласных звуков (так называемого верхненемецкого передвижения звуков *die 2. Lautverschiebung*). Plattdeutsch сохранил глухие смычно-взрывные звуки /p/, /t/, /k/, а также звонкие смычно-взрывные звуки /b/, /d/, /g/, которые не подверглись фонетической трансформации. «Niederdeutsch» (известный так же как «Nederdüütsch») стал обозначаться в письменных немецких источниках как Plattdeutsch (известный так же как «Plattdüütsch», «Plattdütsk», «Plautdietsch») приблизительно с конца XVII века. «Plattdeutsch» переводится на русский язык как «нижненемецкий» [Genzmer, 2017].

С одной стороны, понятие «Plattdeutsch» подразумевает «гладкий, ровный, плоский», обозначая географическую местность распространения и употребления языка. С другой стороны, «Plattdeutsch» означает «ясный, понятный, доступный каждому для понимания». Здесь подразумевается отсутствие второго передвижения согласных звуков, вследствие которого произошли существенные звуковые трансформации, что создало, в свою очередь, ряд препятствий и помех для общения. В некоторых источниках можно обнаружить отрицательную коннотацию понятия «Plattdeutsch» «низкий, простонародный». Как считают зарубежные лингвисты, это не совсем верно [Schlobinski, 2014].

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

В средние века линия Бенрата (так называемая *die Benrather Linie*), обозначаемая так же как линия Дортмунд – Магдебург – Франкфурт-на-Одере (названия немецких городов помогают проследить начало и конец этой линии), разделила в языковом плане нижненемецкие земли от верхненемецких [Schmid, 2010].

Такая географическая область распространения Plattdeutsch сохранилась на сегодняшний день. На Plattdeutsch говорят в Шлезвиг-Гольштейне, Бремене, Гамбурге, Мекленбург-Северной Померании, Нижней Саксонии, Северной Рейн-Вестфалии, Саксонии-Ангальт. Plattdeutsch понимают на востоке Нидерландов.

Нижненемецкий используется в качестве средства речевого общения в небольших населённых пунктах, на нем говорят в основном пожилые люди. По данным на 1997 год, на нижненемецком говорили 10 млн человек, в 2007 – 2,6 млн.

Нижненемецкий относится к группе региональных языков [Goltz, 2009].

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ

В лингвистическом аспекте нижненемецкие наречия относятся к континентальным западногерманским наречиям, так как произошли от саксонского. Как следствие, Plattdeutsch обнаруживает сходства с английским и фризским языками. Нижненемецкий включает группу северонемецких диалектов и имеет существенные отличия от средненемецких и южнонемецких диалектов. К нижненемецкому приравняются нижнесаксонский и восточнонижненемецкий.

Как отмечалось выше, в V веке н. э. в алеманнском и баварском регионах стали отчетливо проявляться изменения в системе согласных звуков, которые распространились севернее до Саксонии. Данная звуковая трансформация вошла в историю под названием второго передвижения согласных звуков, по которой глухие смычно-взрывные согласные звуки /p/, /t/, /k/ превращались после согласного звука или в начальной позиции в слове в аффрикаты /pf/, /ts/, /kx/, после гласного звука в середине слова они становились удвоенными щелевыми согласными звуками /ff/, /zz/ или /ss/, /hh/, после гласного звука в конце слова они трансформировались в щелевые согласные звуки /f/, /s/, /x/.

Такое передвижение согласных звуков создало языковой барьер между нижненемецким и верхненемецким, а также средненемецким.

В диахроническом аспекте в развитии нижненемецкого можно выделить:

- 1) древнижненемецкий, или древнижнесаксонский, период с 750 по 1150 год,
- 2) среднижненемецкий период с 1150 по 1600 год,
- 3) новнижненемецкий период с 1600 год. [Möller, 2008].

Следует отметить, что Plattdeutsch использовался купцами Ганзейского союза с XIII по XVI век. Он являлся основным языковым средством делового общения как в письменной коммуникации, так и при проведении переговоров.

На сегодняшний день нижненемецкое языковое пространство охватывает одну треть языкового региона Германии. Нижненемецкий можно разделить на две диалектальные группы – западнонижненемецкий и восточнонижненемецкий.

Граница между двумя диалектальными группами проходит по реке Эльбе от Мерзебурга до Бардовика, который расположен севернее Люнебурга, затем поворачивает на север и следует по прямой до Киля. Дифференциальным признаком между двумя группами диалектов служит

образование глагольных форм во множественном числе, которые в западных регионах оканчиваются на *-et*, в восточных регионах – на *-en*. Данная граница стала обозначаться как *n/t-линия* (*n/t-Linie*) [Roelcke, 2009].

Западнонижненемецкий, в свою очередь, состоит из трех диалектальных подгрупп:

- 1) северонижнесаксонский,
- 2) вестфальский,
- 3) восточнофалийский.

К восточнонижненемецкому относятся:

- 1) мекленбургско-нижнепомеранский,
- 2) бранденбургский,
- 3) среднепомеранский,
- 4) восточнопомеранский,
- 5) нижнепруссский.

Следует заметить, что между диалектальными подгруппами нельзя провести четких границ в языковом употреблении [Wiesinger, 1983].

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

В нижненемецком сохранились узкие долгие гласные звуки /u:/, /y:/, /i:/, например, *Huus* – дом (*Haus*), *goon* – идти (*gehen*). В нижненемецком варианте наблюдается отсутствие дифтонгизации монофтонгов, например, *hüt* – сегодня (*heute*), *lütt* – маленький (*klein*), *strieken* – гладить (*streichen*), *up* – на (*auf*). Таблица 1 наглядно иллюстрирует данную тенденцию.

Отсутствие дифтонгизации монофтонгов расценивается современными зарубежными лингвистами как основное отличие нижненемецкого варианта от германского стандарта в системе вокализма [Stellmacher, 1996].

С другой стороны, происходит обратный процесс. В нижненемецком наблюдается дифтонгизация долгих монофтонгов /e:/, /ø:/, например, в слове *See* – озеро, море реализуется дифтонг /ei/, слово звучит как [zei], в слове *schön* – красивый реализуется дифтонг /øy/, слово звучит как [jøyn].

Звучание некоторых дифтонгов нижненемецкого показывает его близость с английским языком. Так дифтонг /ei/ произносится как /ei/, а не как в германском стандарте /æ/, например: *mein* – мой читается как [mein], *Flame* – искра произносится как [fleim].

Для нижненемецкого характерна долгая реализация гласных звуков в отличие от германского стандарта, в котором произносятся краткие гласные звуки, например: *ma^hken* (делать) – *ma^hchen*.

Достаточно часто в позиционно-закрытых слогах произносится краткий гласный звук, например, *Rad* – колесо, *Glas* – стакан, *Gras* – трава, *Tag* – день, *Bad* – ванна, *Zug* – поезд. В германском стандарте в указанной позиции и в приведенных примерах реализуется долгий гласный звук [Krech, 2009].

В нижненемецком предпочтение отдается долговому закрытому гласному звуку /e:/ в тех позициях, в которых в германском стандарте реализуется долгий открытый гласный звук /ε:/.

Краткие гласные звуки в ударной позиции перед согласным звуком /r/ произносятся долго и напряженно. Исключения составляют краткий ненапряженный гласный звук /a/ и долгий напряженный гласный звук /ɑ:/. При этом согласный звук /r/ вокализуется и реализуется как неслоговой звук /æ:/.

Краткий гласный звук /a/ в сочетании с согласным звуком /r/ удлинняется, а согласный звук /r/ выпадает.

Конечные слоги *-er*, *-ern*, *-ert* реализуются с вокализованным звуком /r/, который звучит как звук /æ:/.

Произношение долгого гласного звука /ɑ:/ характеризуется темным оттенком и похоже по звучанию на гласный звук /o:/, например, это прослеживается в слове *Vater* – отец, которое произносится как [fo:də]. В германском стандарте это слово звучит как [fa:te].

В многосложных словах иностранного происхождения краткий гласный звук /a/ и краткий гласный звук /e/ централизуются и превращаются в звук /ə/, например, это прослеживается в словах *Medizin* – медицина, *Therapie* – терапия [Stellmacher, 1996].

Таблица 1

СОПОСТАВЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО СТАНДАРТА И НИЖНЕНЕМЕЦКОГО ВАРИАНТА В СИСТЕМЕ ВОКАЛИЗМА

Германский стандарт	Нижненемецкий вариант	Перевод на русский язык
M[ao̯]s	M[u:]s	мышь
L[ɔ̯œ̯]te	L[y:]	люди
m[ae̯]n	m[i:]n	мой
[ae̯]ns	[e:]n	один
zw[ae̯]	tw[e:]	два

Таблица 2

БУКВЕННО-ЗВУКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В НИЖНЕНЕМЕЦКОМ ВАРИАНТЕ

Краткие гласные звуки				Долгие гласные звуки			
Буква	Звук	Нижненемецкий	Германский стандарт	Буква	Звук	Нижненемецкий	Германский стандарт
i	[ɪ]	<i>fis</i>	Fisch	ii	[i:]	<i>riik</i>	reich
e	[ɛ]	<i>helpn</i>	helfen	ää	[æ]	<i>fäär</i>	vier
ä	[æ]	<i>rächt</i>	richtig	üü	[y:]	<i>lüü</i>	Leute
a	[a]	<i>gat</i>	Loch	uu	[u:]	<i>uut</i>	aus
ü	[y]	<i>lücht</i>	Licht	å	[ɔ]	<i>fååðə</i>	Vater
ö	[œ]	<i>för</i>	für				
u	[ʊ]	<i>hunt</i>	Hund				

Употребление долгих гласных звуков в нижненемецком варианте в отличие от германского стандарта, в котором долгие монофтонги в результате процесса дифтонгизации превратились в дифтонги, является одной из важных фонологических особенностей нижненемецкого [Stellmacher, 1996].

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ

Основной особенностью консонантизма является отсутствие второго (так называемого верхне-немецкого) передвижения согласных звуков. Это видно на примере следующих слов: *Appel* – яблоко (*Apfel*), *Water* – вода (*Wasser*), *deer* – глубокий (*tief*), *dag* – день (*Tag*), *taken* – делать (*machen*), *ik* – я (*ich*), *Tiet* – время (*Zeit*), *Pott* – горшок (*Topf*), *Tun* – забор (*Zaun*), *Koken* – нурог (*Kuchen*), *wat* – что (*was*), *natt* – сырой (*nass*), *Bedd* – кровать (*Bett*), *heit* – горячий (*heiß*).

Однако в современном нижненемецком звук /g/ подвергается фрикатизации в некоторых позициях. Он может быть реализован в качестве двух комплементарных алофонов. После гласных звуков переднего ряда и звука /l/ используется средняяязычный алофон /ç/, например, в словах *Berg* /ç/ – гора, *Mecklenburg* /ç/ – Мекленбург, *gelegt* /ç/ – уложенный, поставленный. После гласных звуков заднего ряда используется задняяязычный алофон /x/, например, в словах *Tag* /x/ – день, *gesagt* /x/ – сказанный.

Кроме того, сохранилось различие между звонкими (слабыми) и глухими (сильными) согласными звуками, которое утратилось со временем в центральных областях Германии.

В начальной позиции в слове буква *s* в таких сочетаниях, как *sp*, *st*, произносится как звук /s/ в отличие от стандартного немецкого звуко сочетания /ʃp/, /ʃt/. Это прослеживается на примере таких слов, как *Swester* – сестра (*Schwester*), *Steen* – камень (*Stein*), *Sne* – снег (*Schnee*).

Аффрикаты /pf/ и /ts/ реализуются во многих случаях без начальных компонентов, например, в словах

Таблица 3

СОПОСТАВЛЕНИЕ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ В ГЕРМАНСКОМ СТАНДАРТЕ И НИЖНЕНЕМЕЦКОМ ВАРИАНТЕ

Германский стандарт	Нижненемецкий вариант	Перевод на русский язык
[pf]ei[f]en	[p]ie[p]en	свистеть
A[pf]el	A[p]el	яблоко
lau[f]en	lo[p]en	бегать
[ts]eit	[t]iet	время
Her[ts]	Har[t]	сердце
Wa[s]er	Wa[t]er	вода
da[s]	da[t]	это
i[ç]	i[k]	я
ma[x]en	ma[k]en	делать

Pfeife – свисток, *schimpfen* – ругать вместо звука /pf/ произносится звук /f/, а в словах *Zucker* – сахар, *zuerst* – сперва, *zurück* – обратно, *zwei* – два, *Zeitung* – газета вместо аффрикаты /ts/ произносится звук /s/.

В диалектальных группах Рейдерланда также прослеживается отсутствие второго передвижения согласных звуков, что находит отражение в произношении некоторых звуков. Так, глухие взрывные согласные звуки /p/, /t/, /k/ не превратились в аффрикаты или глухие щелевые согласные звуки, а сохранили свои первоначальные фонологические характеристики. Это можно проследить на примере следующих слов, представленных в таблице:

Приведенные выше примеры наглядно иллюстрируют различия в произношении слов в германском стандарте и нижненемецком языке, когда в последнем в начале и в середине слова глухие взрывные согласные звуки не изменяются и не превращаются в смычно-щелевые или щелевые звуки [Bußmann, 2008].

Одной из фонологических характеристик нижненемецкого языка является следующая: к произношению звука /ŋ/ в конце слова добавляется глухой смычно-взрывной согласный звук, например, в словах *lang* /ŋk/ – долгий, длинный, *jung* /ŋk/ – молодой. При изменении словоформы или добавлении к словоформам окончаний используется произношение звука, которое соответствует германскому стандарту, например, в словах *lange* /ŋ/ – долгая, длинная, *bange* /ŋ/ – робкая.

В нижненемецком языке прослеживается выпадение смычно-проходных согласных звуков перед щелевыми согласными звуками, при этом удлиняется гласный звук, например, *fif* – пять (*fünf*).

Как и для многих немецких диалектов, использование переднеязычного вибранта /r/ в начале слога или слова характерно также для нижненемецкого языка. Следует отметить, что после кратких гласных звуков согласный звук /r/ выпадает во многих позициях, при этом гласный звук удлиняется, подвергается качественным и количественным изменениям. В конце слога наблюдается вокализация согласного звука /r/, он приобретает светлый оттенок звучания, например, в слове *Ohr* [ʔo:æ] – ухо.

В словах иностранного происхождения в суффиксе *-tion* аффриката /ts/ произносится как звук /ʃ/.

Звук /j/ реализуется в начале слова как альвеолярный щелевой звук /ʒ/.

В нижненемецком языке наблюдается полная ассимиляция по месту образования звука /d/ после предшествующего смычно-проходного звука /n/ в сочетании /nd/, при этом наблюдается удлинённая реализация носового звука.

Ассимиляции по месту образования подвергается альвеолярный звук /n/ в сочетании /nf/, например, в словах *Senf* – горчица, *konfirmieren* – конфирмовать, *fünfzig* – пятьдесят переднеязычный согласный звук /n/ реализуется как двугубный согласный звук /m/.

Латеральный согласный звук /l/ произносится приглушенно /ɫ/ из-за сближения задней спинки языка с мягким небом.

Во многих словах глухой щелевой согласный звук /s/ ленизируется и произносится звонко.

Звонкий щелевой согласный звук /v/ произносится после глухого щелевого согласного звука /s/ как двугубный щелевой согласный звук /β/.

Звонкий смычно-взрывной согласный звук /b/ подвергается в середине слова фрикатизации и произносится как щелевой согласный звук /β/.

Глухие смычно-взрывные согласные звуки /p/, /t/, /k/ ленизируются в начале слова и произносятся как звонкие или полувзвонкие согласные звуки /b/, /d/, /g/.

В нижненемецком языке достаточно часто происходит выпадение глухого смычно-взрывного согласного звука /t/ в конце слога или слова, например, в словах *jetzt* – сейчас, *nicht* – нет, *sonst* – иначе, *und* – и конечный согласный звук /t/ не реализуется.

В конечной позиции в слове также происходит выпадение сонорных согласных звуков /n/ и /l/, например, в словах *nun* – теперь, сейчас, *mal* – как, то, *allmählich* – постепенно конечные согласные звуки /n/ и /l/ не произносятся [Trenschel, 2000].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С точки зрения лингвистического аспекта Plattdeutsch или нижненемецкий язык принадлежит к западногерманской группе языков, обнаруживает сходные черты с английским и фризским языками.

Plattdeutsch включает в себя диалектальные группы: западнонижненемецкий и восточнонижненемецкий, которые в свою очередь состоят из многочисленных диалектальных подсистем. В системах вокализма и консонантизма диалектальных групп нижненемецкого языка обнаруживаются общие фонологические характеристики.

В системе гласных звуков нижненемецкого языка основной отличительной фонологической характеристикой является отсутствие процесса дифтонгизации долгих монофтонгов.

В системе согласных звуков основным фонологическим отличием нижненемецкого языка от германского стандарта является отсутствие второго передвижения согласных звуков, что отражается в произношении многих слов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Genzmer H. Deutsche Sprache: Ursprünge; Entwicklung und Wandel. Wiesbaden: Marixverlag, 2017.
2. Schlobinski P. Grundfragen der Sprachwissenschaft. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG, 2014.
3. Schmid H.J. Die 101 wichtigsten Fragen. Deutsche Sprache. München: C. H. Beck, 2010.
4. Goltz R. Niederdeutsch im Bildungswesen in den norddeutschen Bundesländern – ein Vergleich. Aurich: Verlag der ostfriesischen Landschaft, 2014.
5. Möller F. Plattdeutsch im 21. Jahrhundert. Leer: Verlag Schuster, 2008.
6. Roelcke Th. Geschichte der deutschen Sprache. München: Verlag C. H. Beck, 2009.
7. Wiesinger P. Die Einteilung der deutschen Dialekte. Berlin: Walter de Gruyter Verlag, 1983.
8. Stellmacher D. Niederdeutsch. Tübingen: Narr Verlag, 1996.
9. Krech E.-M. Deutsches Aussprachewörterbuch. Berlin: Walter de Gruyter Verlag, 2009.
10. Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 2008.
11. Trenchel W. Standardausprache und Bühnenausprache in ihrer nord- und niederdeutschen Prägung. Rostock: Hinstorff Verlag, 2000.

REFERENCES

1. Genzmer H. (2017) Deutsche Sprache: Ursprünge; Entwicklung und Wandel. Wiesbaden: Marixverlag.
2. Schlobinski P. (2014) Grundfragen der Sprachwissenschaft. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht GmbH & Co. KG.
3. Schmid H.J. (2010) Die 101 wichtigsten Fragen. Deutsche Sprache. München: C. H. Beck.
4. Goltz R. (2014) Niederdeutsch im Bildungswesen in den norddeutschen Bundesländern – ein Vergleich. Aurich: Verlag der ostfriesischen Landschaft. (In Germ.)
5. Möller F. (2008) Plattdeutsch im 21. Jahrhundert. Leer: Verlag Schuster.
6. Roelcke Th. (2009) Geschichte der deutschen Sprache. München: Verlag C. H. Beck.
7. Wiesinger P. (1983) Die Einteilung der deutschen Dialekte. Berlin: Walter de Gruyter Verlag.
8. Stellmacher D. (1996) Niederdeutsch. Tübingen: Narr Verlag.
9. Krech E.-M. (2009) Deutsches Aussprachewörterbuch. Berlin: Walter de Gruyter Verlag.
10. Bußmann H. (2008) Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag.
11. Trenchel W. (2000) Standardausprache und Bühnenausprache in ihrer nord- und niederdeutschen Prägung. Rostock: Hinstorff Verlag.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Галина Александровна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры фонетики немецкого языка факультета немецкого языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokolova Galina Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of German Phonetics,

Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.11.2023
22.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Просодические параметры англоязычного и немецкоязычного политического дискурса в аспекте воздействия на аудиторию

Т. В. Сокорева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
t.v.sokoreva@linguanet.ru

Аннотация. В работе анализируются просодические параметры речи четырех британских и четырех немецких политических деятелей во время их публичных выступлений, исследуется роль просодии в вербальном воздействии на оппонентов и аудиторию. Результаты слухового, электронно-акустического и статистического анализов выявили специфику мелодического, темпорального и просодического оформления речи участников англоязычного и немецкоязычного политического дискурса и его роль в воздействии на слушающего.

Ключевые слова: политический дискурс, просодия, скорость говорения, ЧОТ (частота основного тона), интенсивность, английский язык, немецкий язык

Для цитирования: Сокорева Т. В. Просодические параметры англоязычного и немецкоязычного политического дискурса в аспекте воздействия на аудиторию // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 107–113.

Original article

Prosodic Characteristics in English and German Political Discourse as a Means of Influencing the Audience

Tatiana V. Sokoreva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
t.v.sokoreva@linguanet.ru

Abstract. The paper analyzes the prosodic characteristics in the speech of four British and four German politicians in course of public speaking, it also examines the role of prosody in verbal interaction with opponents and the audience. The results of auditory, acoustic and statistical analyses revealed the melodic, temporal and prosodic features of speech in English and German political discourse and their role in influencing the listener.

Keywords: political discourse, prosody, speech rate, F0 (fundamental frequency), intensity, English, German

For citation: Sokoreva, T. V. (2024). Prosodic characteristics in English and German political discourse as a means of influencing the audience. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 107–113.

ВВЕДЕНИЕ

Давно известно, что при условии надлежащего лексического, грамматического, интонационно-го и просодического оформления звучащий текст обладает большей силой воздействия на слушающего, чем письменный.

Роль просодической организации речи в процессе речевого воздействия неоспорима. В ходе коммуникации впечатления от голоса говорящего оказываются наиболее важными: от речи индивида зависит взаимопонимание между собеседниками, общее впечатление о говорящем, мнение о его компетентности, степень доверия к информации и к человеку, ее озвучивающему [Gelinac-Chebat, Chebat, Vaninsky, 1996]. Таким образом, возникает вопрос – какие просодические характеристики речи и свойства просодической организации высказывания придают голосу силу воздействия, а также является ли просодия высказывания фактором изменения индивидуальной системы значений у слушающего, если да, то какое воздействие (тип коммуникативного воздействия) способно оказывать то или иное просодическое средство [Надеина, 2003].

В процессе речевого общения говорящий решает следующие задачи:

- 1) привлечение и удержание внимания слушающего;
- 2) ориентирование собеседника или аудитории в ситуации общения;
- 3) формирование определенной установки восприятия [Тарасов, 1990].

Во время реализации всех вышеупомянутых этапов коммуникации говорящий использует такие просодические характеристики речи, как мелодика, паузация, темп, громкость, акцентное выделение, ритм и тембр голоса.

Согласно результатам многочисленных фонетических исследований, характеристики речи, обладающие силой воздействия на аудиторию, представляют собой комплекс просодических средств, включая акцентуацию, мелодику, темп и паузацию [Потапова, 1990]. На степень убеждения также влияют общий уровень тона (регистр), характер мелодических изменений и интенсивность речи.

Роль акцентуации как одного из параметров, выполняющих функцию речевого воздействия, подчеркивается в работе Т. М. Николаевой [Николаева, 1982]. С помощью акцентного выделения говорящий способен сфокусировать внимание аудитории на важных ключевых моментах сообщения, облегчая таким образом восприятие информации в целом.

Мелодическая организация речи с использованием определенных мелодических контуров и конфигураций способствует созданию общего образа

сообщения, которое несет в себе не только фактическую информацию, но и отражает отношение говорящего к тому, что он сообщает, т. е. выполняет эмоционально-модальную функцию [Шевченко, 2011, с. 148; Буряя, Галочкина, 2020; O'Connor, Arnold, 1973].

На результат смысловой интерпретации звучащего текста большое влияние оказывают не только акцентуация, но и паузация и темп говорения. Согласно результатам исследования, быстрый темп речи и большое количество пауз в сообщении затрудняют его понимание и делают его содержание менее выразительным, менее актуальным и не интересным для слушающего [Надеина, 2003].

Целенаправленное речевое воздействие на аудиторию особенно важно и актуально в медийном дискурсе. Так, требования к англоязычным дикторам телевидения и радио достаточно высоки: их речь должна обладать широким диапазоном, сверхакцентуацией и быстрым темпом, который достигается сокращением длительности пауз [Шевченко, 2016]. Всё это необходимо для создания убедительности, достоверности и обоснованности преподносимой информации.

Изучая особенности невербального оформления речи в судебном дискурсе, авторы исследования обнаружили специфические просодические (а именно мелодические) характеристики речи, направленные на убеждение коллегии присяжных и способствующие созданию в высшей степени убедительных высказываний главных участников судебного процесса [Leonteva, Sokoreva, 2022].

Особенно актуальной задачей речевого воздействия на аудиторию является для политических деятелей. Способы влияния на мнение слушателя, зрителя и воздействия на аудиторию связаны со стратегиями и тактиками публичной речи, владение которыми обеспечивает успешную коммуникацию и долгую политическую карьеру [Сокорева, Шевченко, 2023].

Существует целый ряд исследований, которые сфокусированы на изучении лингвистических и нелингвистических средств убеждения, где основное внимание уделяется риторическим стратегиям говорящих, с помощью которых они пытаются донести свою точку зрения и достичь своих целей как политические ораторы. Напористость и решительность в речи являются фундаментальными качествами, необходимыми для аргументации и убеждения в политических дебатах. Кроме выбора определенной лексики и риторических приемов, очень важным для передачи мнения в политическом дискурсе является использование специальных просодических стратегий в речи: вариации и манипуляции мелодического оформления, ритма,

темпа, акцентного выделения и громкости речи могут иметь решающее значение при представлении своего мнения и взглядов в политическом контексте [Braga, Marques, 2004].

Цель настоящего исследования состоит в определении специфики фонетического оформления речи участников политического дискурса, а именно, установлении просодических характеристик в речи англоязычных и немецкоязычных политических деятелей, направленной на убеждение своих оппонентов и более широкой аудитории слушателей.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве материала исследования автором были отобраны восемь видеофрагментов выступлений четырех британских политиков (двое мужчин и две женщины) в палате парламента и четырех немецких политиков (двое мужчин и две женщины) в Бундестаге.

Для фонетического анализа были выбраны речи следующих политических деятелей: Лиз Трасс (БЖ1), Тереза Мэй (БЖ2), Борис Джонсон (БМ1), Риши Сунак (БМ2), Ангела Меркель (НЖ1), Анналена Бербок (НЖ2), Даниэль Ринкерт (НМ1), Маркус Фронмайер (НМ2). Все вышеупомянутые политики имеют большой опыт публичных выступлений, играют важную роль в правительствах своих стран, а также принадлежат средней возрастной группе.

Длительность каждого отобранного речевого образца составляет примерно две минуты, общий объем проанализированного материала – 16 минут.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование специфики фонетического оформления речи английских и немецких политических деятелей состояло из нескольких этапов. В ходе электронно-акустического анализа, проведенного с помощью компьютерной программы PRAAT¹, были установлены темпоральные, мелодические и просодические особенности речи, характерные для британского и немецкого политических дискурсов.

После подбора и записи необходимого материала из интернет-источников и добавление текста к каждому речевому образцу, автором были определены количество слогов и общее время звучания, что позволило вычислить скорость говорения для каждого информанта (количество слогов / общее время звучания в секундах). При определении

времени говорения паузы длиной в одну секунду и более были исключены из расчетов, паузы короче одной секунды были включены в общее время говорения, таким образом, исследуя темпоральные характеристики речи информантов, мы устанавливали скорость говорения (а не скорость артикуляции).

Следующий этап анализа включал в себя интонирование фрагментов речи с определением границ интонационных групп, а также количества и конфигурации терминальных тонов, включающих в себя нисходящие (fall), восходящие (rise), нисходяще-восходящие (fall-rise) и ровные (level) терминальные тоны. Под терминальным тоном мы понимаем изменение (повышение, понижение, относительное изменение) высоты тона голоса, реализуемое на коммуникативном центре интонационной группы. Необходимо отметить, что в группу нисходящих тонов вошли все вариации конфигураций нисходящих тонов, включая восходяще-нисходящий тон. Группа восходящих тонов тем не менее рассматривалась отдельно от нисходяще-восходящих тонов.

Просодический анализ заключался в установлении значений максимальной ЧОТ (Гц) и максимальной интенсивности (дБ) на каждом из установленных терминальных тонов во всех речевых образцах. Данные параметры были определены с помощью компьютерной программы PRAAT и представлены в виде медианных значений для каждого говорящего, чтобы впоследствии выявить сходства / различия по данным показателям между двумя гендерными (женщины / мужчины) и национальными (британцы / немцы) группами информантов. Кроме того, установленные для анализируемых речевых образцов значения ЧОТ были сопоставлены со среднестатистическими значениями данного показателя для мужских и женских голосов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Скорость говорения

Вычисление скорости говорения британских и немецких политиков показало следующие результаты: несмотря на видимую схожесть значений данного параметра у всех информантов (см. рис. 1), британские политики-мужчины говорят немного быстрее, чем британские политики-женщины (4,7; 3,6 и 3,2; 3,3 слога в секунду соответственно). Что касается немецких политиков, согласно результатам, более высокой скоростью говорения обладают Ангела Меркель (4,2 слог/сек) и Даниэль Ринкерт (4,3 слог/сек), таким образом гендерные различия по данному показателю не зафиксированы.

¹Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.2.03, retrieved 05 December 2021 from <http://www.praat.org>

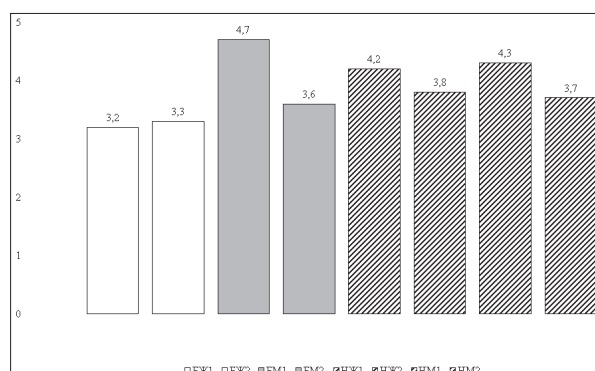

Рис. 1. Скорость говорения информантов (слоги в секунду)

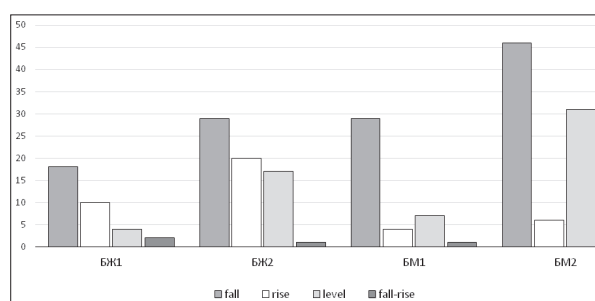

Рис. 2. Типы тонов в речи британских политиков

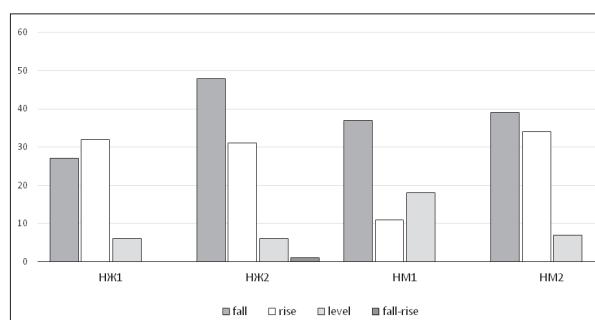

Рис. 3. Типы тонов в речи немецких политиков

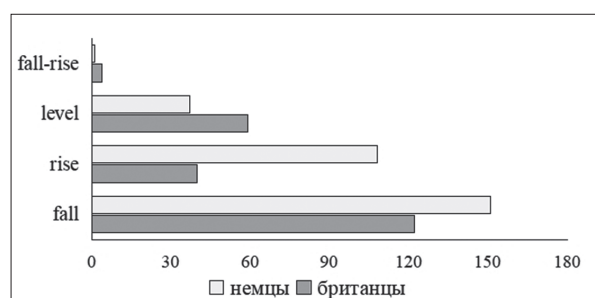

Рис. 4. Типы тонов в речи немецких и британских политиков

Сравнивая параметры двух национальных групп между собой, можно отметить, что в среднем темп речи немецких политиков чуть быстрее (4 слог/сек), чем скорость говорения у британцев (3,7 слог/сек), хотя самый быстрый из всех оказался Борис Джонсон (4,7 слог/сек).

Мелодика

Специфика конфигураций и количество произнесенных информантами терминальных тонов представлены на рисунке 2 (для британских политиков) и 3 (для немецких политиков).

Согласно результатам, доминирующее количество тонов в речи британских политиков составляют нисходящие тоны (73 % нисходящих тонов от общего количества тонов в речи Б. Джонсона, 56 % в речи Л. Трасс, 55 % у Р. Сунака и 44 % у Т. Мэй). Второе место по частотности занимают восходящие тоны в речи британских политиков-женщин и ровные тоны в речи британских политиков-мужчин.

Преимущество нисходящих тонов над остальными можно наблюдать и в речевых образцах трех немецких политиков (см. рис. 3): 56 % у А. Бербок, 56 % у Д. Ринкерта, 49 % у М. Фронмайера. По сравнению с остальными информантами, в речи Ангелы Меркель было обнаружено превосходство восходящих тонов (49 %), в то время как нисходящие тоны составляют лишь 42 % от общего количества тонов в проанализированном образце.

В большом количестве восходящие тоны представлены в выступлениях А. Бербок (36 % от общего количества тонов) и М. Фронмайера (42,5 %). Речь Д. Ринкерта характеризуют только 17% нисходящих тонов и 27 % ровных тонов.

Сравнивая использование разных тонов британскими и немецкими политиками (см. рис. 4), можно отметить, что большинство терминальных тонов в речи британских политиков обладает нисходящей конфигурацией (55 % от общего количества тонов в речи), на втором месте по частотности находятся ровные тоны (27 %), наименьшее число представляют восходящие тоны (18 %). Распределение тонов в речи немецких политиков немного отличается от показателей представителей британской политической элиты (см. рис. 4). На первом месте по частотности всё также находятся нисходящие тоны, составляющие больше половины (51 %) от общего количества использованных мелодических конфигураций. Однако на втором месте по частоте употребления расположились восходящие тоны (36 %). И лишь в 13 % случаев немецкие спикеры прибегают к использованию ровных тонов в своих речах.

Количество нисходяще-восходящих тонов, обнаруженных в ходе анализа, оказалось очень незначительным, поэтому данный тон не был включен в общий анализ.

Таким образом, согласно результатам исследования мелодических контуров, и британские, и немецкие политические деятели (кроме Ангелы Меркель) предпочитают использовать нисходящую интонацию, которая помогает политикам звучать серьезно, уверенно, категорично и убедительно, что крайне необходимо при выступлениях перед широкой аудиторией и в рамках дебатов со своими оппонентами. Разница между представителями двух стран заключается в предпочтительном употреблении ровных тонов англоговорящими политиками и восходящих тонов немецкоговорящими.

Показатель ЧОТ

На рисунке 5 отражены медианные значения максимальной ЧОТ (Гц), посчитанные по всем установленным терминальным тонам в анализируемых образцах. На рисунке также представлены среднестатистические границы диапазона ЧОТ мужских (M max – M min) и женских (F max – F min) голосов для обычной повседневной речи. Согласно данным *NCBI Library of Medicine*, среднестатистический диапазон мужского голоса составляет 60–180 Гц (по другим источникам 85–155 Гц), женского голоса 160–300 Гц (по другим источникам 165–255 Гц).

На графике видно, что показатели ЧОТ женщин выше значений ЧОТ мужских голосов, что объясняется биологическими и физиологическими различиями голосового тракта и структуры гортани у мужчин и женщин (см. рис. 5). Средние показатели ЧОТ в речи Л. Трасс (БЖ1) и А. Бербок (НЖ2) превышают верхнюю границу среднестатистической ЧОТ для женских голосов, показатели двух других информантов-женщин находятся в пределах данного диапазона.

Средние показатели ЧОТ в речи всех политиков-мужчин превышают верхнюю границу среднестатистической ЧОТ для мужских голосов, что, возможно, свидетельствует об увеличении экспрессивности их речи за счет данного показателя по сравнению с говорением в обычной обстановке.

Таким образом, в результате анализа параметра ЧОТ, было установлено, что в речи британских и немецких политиков (за исключением Т. Мэй и А. Меркель) наблюдается увеличение значений показателя максимальной ЧОТ по отношению к среднему уровню.

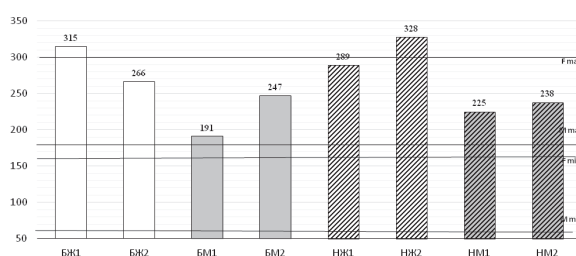

Рис. 5. Медиана показателя максимальной ЧОТ в речи информантов (Hz)

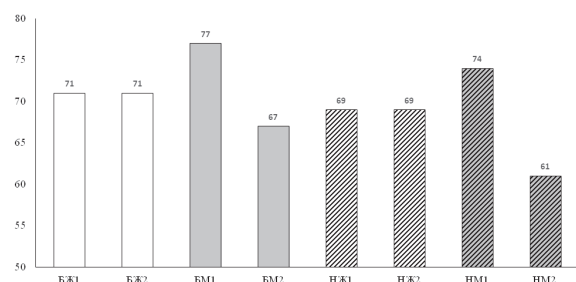

Рис. 6. Медиана показателя максимальной интенсивности в речи информантов (dB)

Показатель интенсивности

На рисунке 6 представлены медианные значения показателя максимальной интенсивности в речи британских и немецких политических деятелей.

Несмотря на отсутствие статистически значимых различий по показателю максимальной интенсивности между представителями двух стран, а также между мужчинами и женщинами, можно наблюдать ряд тенденций: показатели интенсивности у британских и немецких политиков-женщин полностью совпадают внутри каждой из языковых групп, в то время как речь политиков-мужчин в отношении вышеупомянутого параметра обладает большей вариативностью внутри языковых групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования фонетических характеристик речи британских и немецких политиков показали, что временные характеристики речи, а именно скорость говорения во время выступления, сопоставимы в обеих группах информантов с небольшой разницей в пользу более быстрого темпа речи у немцев.

Что касается использования определенных мелодических моделей, а именно особых конфигураций терминальных тонов в высказываниях, то как

носители британского, так и носители немецкого языка преимущественно используют нисходящие тоны в своей речи, что указывает на намерение спикеров звучать уверенно, серьезно, определенно и достоверно, чтобы убедить собеседников или аудиторию и в определенной степени повлиять на их мнение и убеждения. Вторыми по частоте употребления в речи британских политиков являются ровные тоны, а в речи немецких политиков – восходящие интонационные контуры. Ровный тон, по сравнению с восходящим, звучит более нейтрально и не несет в себе значения неопределенности, незавершенности и некатегоричности в той мере, в какой эти характеристики присущи восходящему терминальному тону.

Характеристики частоты основного тона также сопоставимы в речи британских и немецких политиков: акцентирование ключевых слов в высказываниях путем увеличения ЧОТ до уровня,

превышающего верхнюю среднестатистическую границу диапазона высоты голоса, способствует большей выразительности, значимости и убедительности речи, направленной на убеждение или переубеждение собеседников конкурентов или завоевания доверия более широкой аудитории слушателей.

Значения параметра максимальной интенсивности также оказались сходными в речи обеих групп информантов. Интересным фактом стало абсолютное совпадение этой характеристики у британок и немцев. Однако при исследовании показателя интенсивности нужно учитывать тот факт, что существуют определенные ограничения: для получения объективных и сопоставимых результатов необходимо, чтобы записи речевых образцов были сделаны в абсолютно одинаковых условиях (уровень шума, расстояние до микрофона и т. д.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gelinas-Chebat C., Chebat J. C., Vaninsky A. Voice and advertising: Effect of intonation and intensity of voice on source credibility: Attitudes toward the advertised service and the intend to buy // *Perceptual and motor skills*. 1996. Vol. 83. P. 243–262.
2. Надеина Т. М. Фразовая просодия как фактор речевого воздействия. М.: Институт языкознания РАН, 2003.
3. Тарасов Е. Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения // *Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации*. М.: Наука, 1990. С. 3–14.
4. Потапова Р. К. Фонетические средства оптимизации речевого воздействия // *Оптимизация речевого воздействия*. М.: Наука, 1990. С. 199–210.
5. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М.: Наука, 1982.
6. Шевченко Т. И. Фонетика и фонология английского языка: Курс теоретической фонетики английского языка для бакалавров. Дубна: Феникс+, 2011.
7. Бурая Е. А., Галочкина И. Е. Английская речевая интонация: функциональный и социокультурный аспекты: учебное пособие для студентов I и II курсов факультета английского языка. Книга для студента. Изд. 5-е, стереотип. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020.
8. O'Connor J. D., Arnold G. F. *Intonation of colloquial English*. Longman Group Ltd., Bristol, UK, 1973.
9. Шевченко Т. И. Социофонетика: национальная и социальная идентичность в английском произношении. Изд. 2-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2016.
10. Leonteva A., Sokoreva T. Nonverbal Constituents of Argumentative Discourse: Gesture and Prosody Interaction. In S. R. M. Prasanna et al. (Eds.): *SPECOM 2022, LNAI*, vol. 13721. Switzerland: Springer Nature Switzerland AG, 2022. P. 416425.
11. Сокорева Т. В., Шевченко Т. И. Социофонетические вопросы англоязычного полимодального дискурса // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. Вып. 6 (874). С. 124–130. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_6_874_124
12. Braga D., Marques M. A. The Pragmatics of Prosodic Features in the Political Debate // *Speech Prosody*. 2004. URL: <https://www.researchgate.net/publication/228792706>

REFERENCES

1. Gelinas-Chebat, C., Chebat, J. C., Vaninsky, A. (1996). Voice and advertising: Effect of intonation and intensity of voice on source credibility: Attitudes toward the advertised service and the intend to buy. *Perceptual and motor skills*, 83, 243–262.

2. Nadeina, T. M. (2003). Frazovaya prosodiya kak faktor rechevogo vozdejstviya = Phrasal prosody as a factor of speech influence. Moscow: Institute of Linguistics RAS. (In Russ.)
3. Tarasov, E. F. (1990). Rechevoe vozdejstvie kak problema rechevogo obshcheniya = Speech impact as a problem of speech communication. In Speech impact in the field of mass communication (pp. 3–14). Moscow: Nauka. (In Russ.)
4. Potapova, R. K. (1990). Foneticheskie sredstva optimizacii rechevogo vozdejstviya = Phonetic means of optimizing speech effects. In Optimization of speech effects (pp. 199–210). Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Nikolaeva, T. M. (1982). Semantika akcentnogo vydeleniya = Semantics of accentuation. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Shevchenko, T. I. (2011). Fonetika i fonologiya anglijskogo yazyka: Kurs teoreticheskoy fonetiki anglijskogo yazyka dlya bakalavrov = Phonetics and phonology of the English language: A course of theoretical phonetics of the English language for bachelors. Dubna: Fenix+. (In Russ.)
7. Buraya, E. A., Galochkina, I. E. (2020). Anglijskaya rechevaya intonaciya: funkcional'nyj i sociokul'turnyj aspekty: uchebnoe posobie dlya studentov I i II kursov fakul'teta anglijskogo yazyka. Kniga dlya studenta = English speech intonation: functional and socio-cultural aspects: a textbook for students of the first and second courses of the Faculty of English. Student's book. Moscow: FGBOU VO MSLU. (In Russ.)
8. O'Connor, J. D., Arnold, G. F. (1973). Intonation of colloquial English. Bristol: Longman Group Ltd.
9. Shevchenko, T. I. (2016). Sociofonetika: nacional'naya i social'naya identichnost' v anglijskom proiznoshenii = Sociophonetics: National and Social Identity in English pronunciation. Moscow: Lenand. (In Russ.)
10. Leonteva, A., Sokoreva, T. (2022). Nonverbal Constituents of Argumentative Discourse: Gesture and Prosody Interaction. In S. R. M. Prasanna et al. (Eds.), SPECOM 2022, LNAI (vol. 13721, pp. 416–425). Springer Nature Switzerland AG.
11. Sokoreva, T. V., Shevchenko, T. I. (2023). Sociophonetic issues of English-language polymodal discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 124–130. 10.52070/2542-2197_2023_6_874_124 (In Russ.)
12. Braga, D., Marques, M. A. (2004). The Pragmatics of Prosodic Features in the Political Debate. In Speech Prosody. <https://www.researchgate.net/publication/228792706>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сокорева Татьяна Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sokoreva Tatiana Viktorovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Phonetics,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.11.2023
18.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Роль гендерного фактора в корреляции просодических и невербальных средств в английском политическом дискурсе

Н. Б. Цибуля¹, Т. О. Яковлева²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

¹cybnb@mail.ru

²tb2710@mail.ru

Аннотация. На материале политического дискурса рассматривается роль гендерного фактора в корреляции просодических характеристик с акцентирующими жестами в речи членов Палаты общин парламента Великобритании. Результаты анализа выявляют гендерную специфику исследуемого соотношения. Мужчины-политики используют невербальные средства для акцентуации слов чаще, чем женщины. Наиболее распространенными как для мужчин, так и для женщин являются корреляции акцентирующих жестов с просодическими моделями «частота основного тона + интенсивность» и «частота основного тона + интенсивность + среднеслоговая длительность».

Ключевые слова: просодия, невербальные средства, акцентирующие жесты, гендер, политический дискурс

Для цитирования: Цибуля Н. Б., Яковлева Т. О. Роль гендерного фактора в корреляции просодических и невербальных средств в английском политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 114–119.

Original article

Correlation between Prosodic and Nonverbal Means of Communication in Political Discourse (gender study)

Nadezhda B. Tsibulya¹, Tatiana O. Iakovleva²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

¹cybnb@mail.ru

²tb2710@mail.ru

Abstract. The article examines the role of the gender factor in the correlation between prosodic means and accentuating gestures in political discourse. The results of the study reveal the gendered nature of the interconnection. Men-politicians use nonverbal means to accentuate words more often than women. Correlation between gestures and such prosodic models as “fundamental frequency + intensity” and “fundamental frequency + intensity + duration” is common for both male and female politicians.

Keywords: prosody, nonverbal means, accentuating gestures, gender, political discourse

For citation: Tsibulya, N. B., Iakovleva, T. O. (2024). Correlation between prosodic and nonverbal means of communication in political discourse (gender study). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 114–119.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема коммуникативного поведения политиков, мужчин и женщин, разрабатывается в трудах многих ученых, например, таких как Е. С. Гриценко (2009), Н. А. Цыбина (2019), J. A. Hall (1978), S. Scherer (2012), J. Everitt, L. A. Best, D. Gaudet (2016), D. Kilgo, T. A. Boulter, R. Coleman (2018), T. Grebelsky-Lichtman, R. Katz (2020) и др. Тем не менее роль гендерного фактора в корреляции просодических и невербальных средств в данном виде дискурса остается неизученной.

В настоящее время рассмотрение гендерного фактора в различных видах дискурса является востребованным, поэтому данное исследование представляется *актуальным*. Оно позволяет расширить и уточнить имеющиеся представления о вербальном и невербальном поведении политиков. *Новизна* данной работы определяется изучением гендерного фактора в рамках корреляции просодии и невербалики в политическом дискурсе.

Цель данного исследования – выявить и сравнить особенности корреляции просодических и невербальных характеристик речи членов Палаты общин британского парламента в зависимости от их гендерной принадлежности. Для достижения поставленной цели было проведено экспериментально-фонетическое исследование показателей частоты основного тона (ЧОТ), интенсивности звукового сигнала (ИЗС) и среднеслоговой длительности (ССД), с одной стороны, и акцентирующих жестов, – с другой. *Материал* исследования представлен выступлениями членов парламента Великобритании на заседании Палаты общин 23 сентября 2022 года.

Конкретными *задачами* эксперимента являются:

- 1) определение показателей ЧОТ, ИЗС и ССД;
- 2) установление частотности использования кинесических единиц в соответствии с гендерной принадлежностью спикера;
- 3) сопоставление особенностей вербальной и невербальной коммуникации политиков – женщин и мужчин;
- 4) исследование гендерного аспекта корреляции просодических и невербальных средств общения.

РОЛЬ ГЕНДЕРНОГО ФАКТОРА В НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Вслед за Г. Е. Крейдлиным, мы понимаем *гендер* как «пол, рассматриваемый под определенным углом зрения, а именно как общественное или культурное явление» [Крейдлин, 2005, с. 9].

Роль гендерного фактора в невербальной коммуникации изучается рядом исследователей, таких как Г. Р. Уэнрайт, Дж. Эверит, Л. Бест, Д. Годэ, Т. Гребельский-Лихтман, Р. Кац [Wainwright, 1985; Everitt, Best, Gaudet, 2016; Grebelsky-Lichtman, Katz, 2020], при этом они подчеркивают важность данного аспекта в контексте политической коммуникации.

Группой канадских исследователей было проанализировано влияние невербального поведения политиков Канады, женщин и мужчин, на их рейтинг среди избирателей. В результате эксперимента на материале теледебатов было установлено, что использование агонических (agonic) мануальных жестов (вертикальных рубящих движений или движений вверх-вниз) ослабляет популярность женщин-политиков, в то же время улучшая показатели рейтинга мужчин-политиков.

Гендер информантов, которые анализировали видеодисбаты, также оказал влияние на результаты эксперимента. Так, по сравнению с женщинами, мужчины высоко оценили женщин-политиков, которые демонстрировали спокойный стиль общения. Вместе с тем мужчины-политики, для которых был характерен уверенный или агрессивный стиль общения, получили равную поддержку от информантов, как мужчин, так и женщин [Everitt, Best, Gaudet, 2016].

Обобщая результаты ряда исследований, изучающих роль гендера в невербальной коммуникации, можно говорить о существовании *женского (фемининного)* и *мужского (маскулинного)* типов коммуникативного поведения, каждый из которых характеризуется определенным набором признаков [Koppensteiner, Grammer, 2011].

В фемининном стиле обычно выделяются следующие признаки:

- коммуникативная чувствительность и сверхэмоциональность;
- коллективистский коммуникативный настрой;
- эмпатия
- лучшая способность декодировать невербальное поведение собеседника.

С маскулинным коммуникативным стилем ассоциируются такие черты, как:

- самоуверенность,
- независимость и доминирование;
- опора на когнитивные процессы;
- определенная степень коммуникативной агрессивности [Mead, 1949; Hall, 1978; Крейдлин, 2005; Генделев, 2023; Петрова, 2023].

Исследуя невербальные аспекты женского и мужского стилей поведения, группа зарубежных ученых определяет следующие особенности маскулинного и фемининного коммуникативных стилей [Grebelsky-Lichtman, Katz, 2020]:

Таблица 1

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ И ПРОСОДИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОММУНИКАТИВНЫХ СТИЛЕЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Маскулинный стиль	Фемининный стиль
– отсутствие улыбки – сердитое выражение лица – резкие движения – широкая амплитуда жестов – монотонная интонация	– улыбка – удивленное выражение лица – плавные движения – небольшая амплитуда жестов – вариативная интонация

Таким образом, можно говорить о наличии особенностей женского и мужского коммуникативного поведения как на просодическом, так и на невербальном уровнях [Цибуля, 2020].

ЭКСПЕРИМЕНТ

Материалом исследования является речь членов Палаты общин парламента Великобритании. Были проанализированы выступления 10 женщин и 10 мужчин. Широкий корпус исследования составил 190 минут, узкий корпус – 7 минут 16 секунд.

В процессе эксперимента использовались следующие методы: аудитивный, акустический, визуальный и комплексный сопоставительный анализ, направленный на выявление корреляции просодических и невербальных характеристик.

Для цифровой обработки речевого сигнала применялись такие компьютерные программы, как Praat (версия 6.2.03), Microsoft Photos (версия 2022.31060.30005.0), Sound Forge (версия 9.0) и VLC media player (версия 3.0.8).

КОРРЕЛЯЦИЯ ПРОСОДИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Анализ материала выявил корреляцию между просодическими показателями и невербальными средствами общения в речи британских политиков. Рассмотрим примеры:

1. Представитель консерваторов Дж. Фриман в своем обращении к канцлеру казначейства говорит о необходимом росте экономики:

...we need growth that drives levelling up, | strengthens the union, | that drives innovation for higher productivity, | and that science, technology and innovation are fundamental to it. ||

Такие слова, как *levelling up*, *strengthens*, *science*, *technology* и *drives*, выделены в речи спикера с

помощью ИЗС, и при их произнесении говорящий совершает отрывистые и быстрые движения руками сверху-вниз или снизу-вверх. Слова *innovation* и *fundamental* выделяются ЧОТ и ИЗС. На невербальном уровне данные лексические единицы акцентируются жестами рук, телодвижениями и движениями головы.

2. Теневой министр образования и член Лейбористской партии Кэтрин Маккиннелл обращается к канцлеру казначейства с вопросом о финансовой поддержке населения:

So can the Chancellor explain | how giving these tax cuts | to the most wealthy | will put food on the table of children | living below the poverty line | in Newcastle | this winter? ||

Слова *can*, *giving*, *tax*, *poverty*, *Newcastle*, *this* и *winter* выделены ЧОТ и ИЗС, а слова *explain*, *most* и *food* – ЧОТ, ИЗС и ССД. Они также акцентируются движениями головы и бровей. Наряду с этим слова *this* и *winter*, находящиеся в финальной синтагме фразы, также выделяются мануальным жестом, что еще больше подчеркивает значимость идеи спикера действовать быстро и финансово поддержать население уже этой зимой.

3. Член парламента от лейбористской партии Джон Трикетт вносит следующее предложение по улучшению экономического состояния в стране:

And if the Chancellor really wants to | cut through the cycle | of low pay, | poor productivity, | and low economic growth, | shouldn't he actually be | abandoning his ideological commitment | to trickle down the economics | and finally announce | a massive public programme of investment | in England and Britain's | regions and nations. ||

В данной фразе просодически выделяются слова *really*, *productivity*, *trickle* (ЧОТ), *Chancellor*, *wants*, *pay*, *actually*, *down*, *economics*, *announce*, *programme*, *investment* (ИЗС), *cut*, *low*, *poor*, *shouldn't*, *abandoning*, *ideological*, *finally*, *Britain's*, *regions* (ЧОТ + ИЗС), *cycle*,

nations (ИЗС + ССД), *massive* (ЧОТ + ИЗС + ССД). Наиболее частотным средством акцентуации данных лексических единиц является жест руки.

4. Лидер партии зеленых Кэролайн Лукас предлагает членам парламента обратить внимание на отсутствие информации о развитии энергетической эффективности:

Tucked away in the growth report | on page fourteen, | there is a tiny reference | to some investment in energy efficiency. ||

Слова *growth*, *report*, *page*, *fourteen* и *reference* выделены в речи спикера с помощью ИЗС, *tucked* и *away* – посредством ЧОТ + ИЗС, а *some* и *tiny* – с помощью ЧОТ + ИЗС + ССД. Все эти лексические единицы сопровождаются движением головы, при этом слова *tucked*, *away*, *some* и *tiny* акцентируются еще и мануальным жестом.

КОРРЕЛЯЦИЯ ПРОСОДИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ГЕНДЕРНОМ АСПЕКТЕ

Наиболее частотными просодическими моделями, коррелирующими с невербальными средствами, являются ЧОТ + ИЗС и ЧОТ + ИЗС + ССД, 36 % и 31 % в речи мужчин и 31 % и 26 % в речи женщин соответственно.

Следующими по частотности оказались такие модели, как ИЗС (21 % в речи мужчин и 17 % в речи женщин), ЧОТ (21 % в речи мужчин) и ИЗС + ССД (14 % в речи женщин). Наименее частотные корреляты

представлены моделями ИЗС + ССД у мужчин (6 %), ЧОТ у женщин (11 %) и ЧОТ + ССД (8 % и 2 % в речи мужчин и женщин соответственно).

Следует подчеркнуть тот факт, что акцентирующие жесты встречаются чаще в речи мужчин-политиков, чем женщин в среднем на 6 % (см. рис. 1).

Обобщая результаты анализа, можно сделать вывод, что слова, выделенные просодически, также акцентируются на невербальном уровне в речи как мужчин, так и женщин.

КИНЕСИЧЕСКИЕ ПРОФИЛИ БРИТАНСКИХ ПОЛИТИКОВ – МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

В соответствии с задачами, обозначенными во введении, был проведен анализ невербального поведения политиков для определения их кинесических профилей. Данные профили отражают частотность использования таких кинем, как жест руки, головы, телодвижение, смена позы и движение бровей.

Кинесический профиль мужчины-политика характеризуется использованием жестов рук более чем в половине (57 %) случаев выделенных слов.

Жесты головы, движения бровей, а также телодвижения используются в меньшей степени и сопровождают 26 %, 20 % и 18 % просодически выделенных слов соответственно (см. рис. 2).

Кинесический профиль женщины-политика

В отличие от мужчин, для которых наиболее характерно использование жестов рук, в речи женщин-политиков наиболее частотны движения

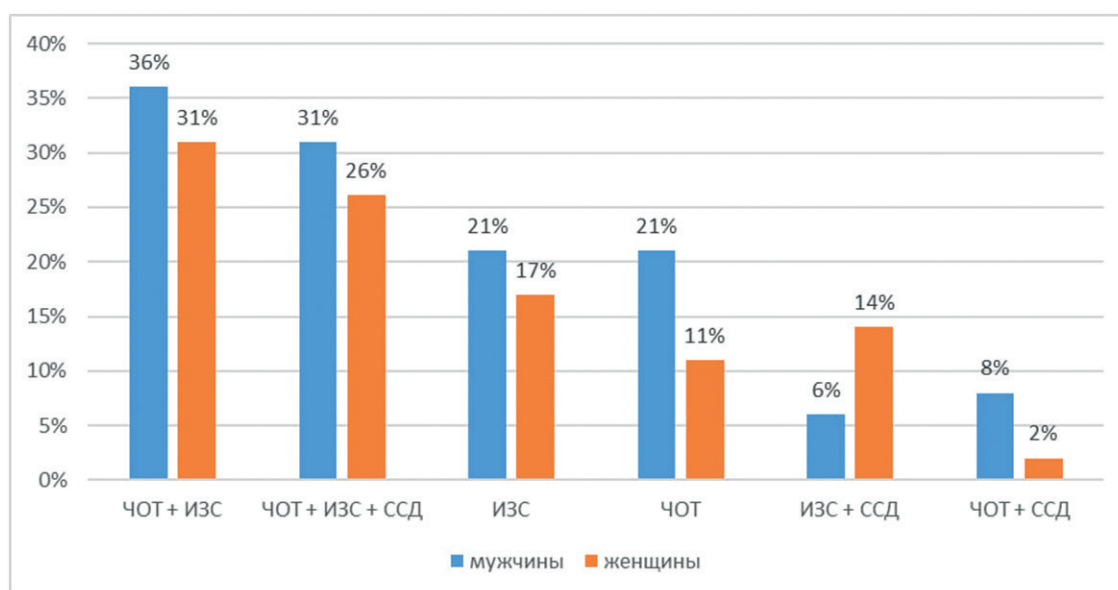

Рис. 1. Корреляция просодических показателей и невербальных средств в гендерном аспекте

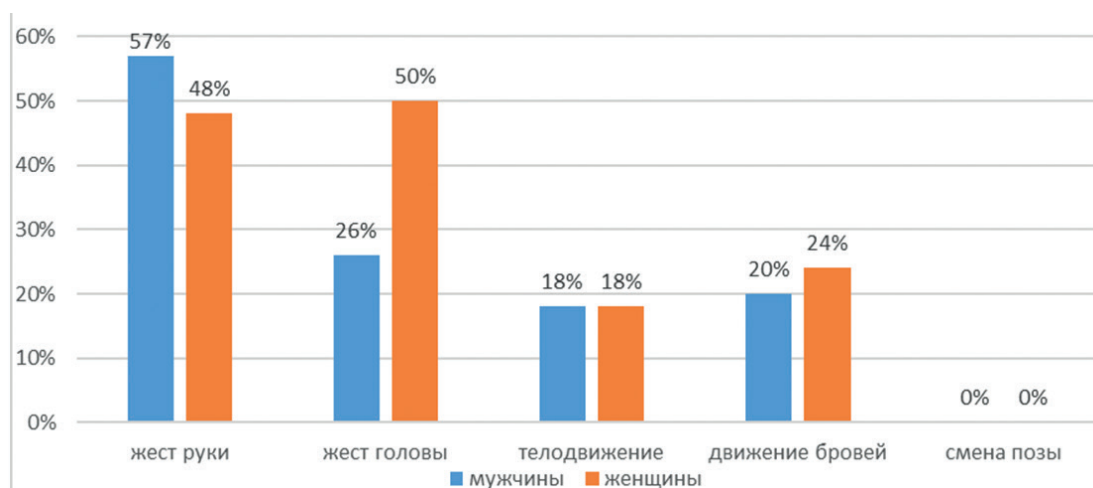

Рис. 2. Гендерные различия в частотности использования кинесических единиц

головы (50 %) и рук (48 %). Кинема *поднятые брови* как способ выражения удивления или недовольства чаще встречается в речи женщин, чем мужчин (24 % и 20 %).

Следует отметить, что смена позы нехарактерна как для мужчин, так и для женщин. Данную особенность можно объяснить тем, что смена позы – достаточно объемное и привлекающее внимание движение, которое может отвлечь аудиторию от сути высказывания.

На рисунке 2 наглядно представлены особенности маскулинного и фемининного кинесических профилей политиков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты эксперимента позволяют сделать выводы о гендерной специфике корреляции просодических и невербальных характеристик речи членов парламента Великобритании.

1. Наиболее распространенными моделями, коррелирующими с невербальными средствами, в речи как мужчин, так и женщин являются ЧОТ + ИЗС и ЧОТ + ИЗС + ССД (36 % и 31 % в речи мужчин и 31 % и 26 % в речи женщин соответственно).

2. Наименее частотной оказалась модель ЧОТ + ССД: она встречается в 8% случаев в речи мужчин и в 2% случаев в речи женщин.

3. Мужчины используют невербальные средства в среднем на 6 % чаще по сравнению с женщинами.

4. Мужской кинесический профиль характеризуется в основном такой кинемой, как *жест руки*: она сопровождает 57 % просодически выделенных слов в речи мужчин. Менее частотными невербальными средствами являются *жест головы*, *движение бровей* и *телодвижение* (26 %, 20 % и 18 % соответственно).

5. Для женского кинесического профиля характерны в первую очередь такие кинемы, как *жест головы* и *жест руки*: с их помощью акцентируются 50 % и 48 % просодически выделенных слов. При этом профиль также включает в себя кинемы *движение бровей* (24 %) и *телодвижение* (18 %).

6. Гендерная специфика кинесического поведения говорящих заключается в различной частотности использования мануальных жестов и движений головы в речи женщин и мужчин – членов парламента Великобритании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005.
2. Wainwright G. R. Body Language. London: Hodder Education, 1985.
3. Everitt J., Best L. A., Gaudet D. Candidate Gender, Behavioral Style, and Willingness to Vote: Support for Female Candidates Depends on Conformity to Gender Norms // American Behavioral Scientist. 2016. Vol. 60 (14). P. 1737–1755.
4. Grebelsky-Lichtman T., Katz R. Gender Effect on Political Leaders' Nonverbal Communicative Structure during the COVID-19 Crisis // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. 17 (7789). P. 1–14.
5. Koppensteiner M., Grammer K. Body Movements of Male and Female Speakers and Their Influence on Perceptions of Personality // Personality and Individual Differences, 51, 2011. P. 743–747. М.: Языки славянской культуры, 2005.

6. Mead M. Male and Female: a Study of the Sexes in the Changing World. New York: W. Morrow, 1949.
7. Hall J. A. Gender Effects in Decoding Nonverbal Cues // Psychological Bulletin, 85 (4), 1978. P. 845–857.
8. Генделев И. Д. Гендерный аспект корреляции просодических и невербальных средств в страноведческом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 6 (874). С. 49–55.
9. Петрова Р. Г. Гендерология и феминология: учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023.
10. Цибуля Н. Б. Области исследования невербальных средств общения: монография / Научное издание. М.: Гнозис, 2020.

REFERENCES

1. Krejdlin, G. E. (2005). Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noj kommunikacii = Men and women in non-verbal communication. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
2. Wainwright, G. R. (1985). Body language. London: Hodder Education.
3. Everitt, J., Best, L. A., Gaudet, D. (2016). Candidate Gender, Behavioral Style, and Willingness to Vote: Support for Female Candidates Depends on Conformity to Gender Norms. American Behavioral Scientist, 60(14), 1737–1755.
4. Grebelsky-Lichtman, T., Katz, R. (2020). Gender Effect on Political Leaders' Nonverbal Communicative Structure during the COVID-19 Crisis. International Journal of Environmental Research and Public Health, 17(7789), 1–14.
5. Koppensteiner, M., Grammer, K. (2011). Body Movements of Male and Female Speakers and Their Influence on Perceptions of Personality. Personality and Individual Differences, 51, 743–747.
6. Hall, J. A. (1978). Gender Effects in Decoding Nonverbal Cues. Psychological Bulletin, 85(4), 845–857.
7. Mead, M. (1949). Male and Female: a Study of the Sexes in the Changing World. New York: W. Morrow.
8. Gendeleev, I. D. (2023). Correlation between Prosodic Means and Accentuating Gestures in Cross-cultural Discourse (gender study). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(874), 49–55. (In Russ.)
9. Petrova, R. G. (2023). Genderologiya i feminologiya. 7th edition. Moscow: Urait. (In Russ.)
10. Tsibulya, N. B. (2020). Oblasti issledovaniya neverbal'nyh sredstv obshcheniya = Research on nonverbal means of communication: monograph. Moscow: Gnosis. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цибуля Надежда Борисовна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
Заслуженный профессор Московского государственного лингвистического университета

Яковлева Татьяна Олеговна

аспирант кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
преподаватель кафедры иностранных языков
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tsibulya Nadezhda Borisovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Phonetics, Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University
Professor Emeritus of Moscow State Linguistic University

Iakovleva Tatiana Olegovna

Postgraduate student of the Department of English Phonetics
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University
Lecturer at the Department of Foreign Languages
Russian Academy of National Economy and Public Administration

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

24.11.2023
22.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'34

Специфика британской молодежной диалектной мелодики (эксперимент «Задание по карте» в г. Глазго)

Т. И. Шевченко¹, М. А. Чубарова²

^{1,2} *Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*

¹*tatashevchenko@mail.ru,*

²*maryglazunova@yandex.ru*

Аннотация. В центре внимания исследования особенности мелодических образцов молодых носителей шотландского варианта английского языка в эксперименте «Задание по карте». Специфика диалектной молодежной мелодики состоит в повышенной частотности восходящих, восходяще-нисходящих и ровных тонов в сравнении с южноанглийским стандартом. Факторы взаимодействия собеседников и новизны информации оказывают влияние на мелодическую форму повторов. Исключительно узкий диапазон тонов способствует увеличению частотности ровного тона как модели, ранее не отмеченной в работах британских авторов.

Ключевые слова: британский английский, молодежь, диалект, мелодика, диапазон

Для цитирования: Шевченко Т. И., Чубарова М. А. Специфика британской молодежной диалектной мелодики (эксперимент «Задание по карте» в г. Глазго) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 120–125.

Original article

Specific Features of British Young Speakers' Dialectal Pitch Patterns ('Map-task' experiment in Glasgow)

Tatayana I. Shevchenko¹, Mariya A. Chubarova²

^{1,2} *Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*

¹*maryglazunova@yandex.ru*

²*tatashevchenko@mail.ru*

Abstract. The study is focused on specific features of young Scottish English speakers' pitch patterns in the 'map task' experiment. Specific features of dialectal young speakers' pitch patterns are frequent rises, rise-falls and levels compared to the southern standard. Factors of talk-in-interaction and newness of information affect the pitch form of repeated words. An exceptionally narrow pitch range of tones facilitates the increase of the level tone frequency as a pattern which was not mentioned previously by British authors.

Keywords: British English, young people, dialect, pitch patterns, pitch range

For citation: Shevchenko, T. I., Chubarova, M. A. (2024). Specific features of British young speakers' dialectal pitch patterns ('Map-task' experiment in Glasgow). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 120–125.

ДИАЛЕКТНАЯ МЕЛОДИКА

Данная работа посвящена специфике британской диалектной речи, которая проявилась в эксперименте «Задание по карте», которое выполняли молодые жители города Глазго [Anderson et al., 1991]. Цель эксперимента состояла в выявлении модификаций тонов в зависимости от двух факторов: новизны информации и взаимодействия собеседников, т. е. интеракции.

Мелодические особенности английской диалектной речи упоминались в работах британских интонологов в отношении частотности одной конфигурации, необычной с точки зрения универсальных функций базовых моделей: если утверждение ассоциируется в большинстве языков с нисходящим тоном, то вопрос – с восходящим, в то время как в северных диалектах Англии в утверждениях, напротив, звучит восходящий тон [Cruttenden, 2001]. В дальнейшем те же авторы разъясняли, чем восходящий тон традиционных диалектов отличается от современной тенденции повышения тона в нарративе (uptalk), отмеченного в определенных социальных слоях речевого сообщества в Австралии и в США [Cruttenden, 2007; Bolinger, 1978; Wells, 2006; Shevchenko et al., 2017]. Функционально, как считают образованные лингвисты-носители языка, uptalk в нарративе сочетает в себе значение сообщения с запросом обратной связи («ты меня слушаешь?») [Bolinger, 1978], в отличие от частотного восходящего тона, например, в Северной Ирландии, который подобной коннотации не содержит.

К сказанному надо добавить, что корпусное исследование чтения определенного списка синтаксически различающихся предложений (повествовательное, общий вопрос, специальный вопрос и т. д.), начитанных подростками-старшеклассниками в девяти городах Англии, Уэльса и Северной Ирландии, обнаружил такое разнообразие в тонах, что авторы усомнились в успешности коммуникации молодых жителей Британских островов. Особой спецификой были отмечены носители североирландского произношения, в номенклатуре которых было больше всего восходящих тонов [Grabe, Post, Nolan, 2001].

В описаниях британских авторов, таким образом, главной темой оказывалась частотность восходящих тонов, которая воспринималась как произнесение вопроса вместо утверждения. Однако разнообразие тонов, которое характеризует такие регионы Великобритании, как Юг, Север, Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия, не ограничивается только восходящим тоном, что было доказано в работах исследователей кафедры английской фонетики МГЛУ. Такими специфическими тонами можно считать и восходяще-нисходящий тон,

и ровный тон, практически не упоминаемый в британских отчетах [Shechenko et al., 2017; Chubarova, Shevchenko, 2022]. По мнению российских авторов, наиболее общей характеристикой диалектной речи была названа выровненность всего мелодического контура, связанная с узким диапазоном, что отличает речь северян от южноанглийского стандарта [Скуланова, 1987; Скопинцева, 1995]. Британский исследователь Л. Милрой отмечает, что в Великобритании идеология произносительного стандарта связана с социальной элитой и противопоставлена рабочему классу Севера Англии [Milroy, Milroy, 2012], и эта особенность, как мы полагаем, проявляется в мелодике речи, причем особенно заметно в речи молодежи.

ИНФОРМАЦИЯ И ИНТЕРАКЦИЯ

Как известно, мелодическая структура английской фразы или синтагмы как речевой единицы тесно связана с ее информационной структурой, а также с семантико-синтаксическими категориями слов и прагматическим заданием всего высказывания. Новизна информации, как ее оценивает говорящий, способствует более ярким высотно-мелодическим характеристикам речи, а ее потеря в случае повторов, превращающих те же слова в «старую» информацию, отражается на понижении высотно-мелодических и других количественных показателей. Так, например, как было установлено ранее, самые важные слова в монологах убеждающей речи выделялись именно при первом упоминании, а затем неизменно снижали показатели при первом повторе, но могли частично восстановить свой уровень при последующих повторах [Шевченко, Садовникова, Сибилева, 2012].

В данном исследовании при взаимодействии в диалоге, в отличие от монолога, повторы слов или словосочетаний могут появиться в речи другого участника, и они становятся повторами-подхватами, просодическую форму которых на материале молодежной диалектной речи ранее не рассматривали.

Можно предположить, что в случае согласованности собеседников повторы-подхваты могут повторять форму первоначального произнесения слова, включая характер тона и его высотный диапазон, но этим взаимодействие не ограничивается, если появляется сомнение или непонимание, которое провоцирует переспрос или возражение.

МАТЕРИАЛ И МЕТОД

Изучение влияния факторов информационного и интерактивного взаимодействия на мелодику молодежной речи мы выполнили на материале

эксперимента в г. Глазго, где были записаны четыре диалога эксперимента «Задание по карте» [Anderson et al., 1990]. Эксперимент был задуман и успешно применялся лингвистами в ряде стран для выявления связи просодических форм и информационной новизны слова [Baumann, Schumacher, 2020]. Условия эксперимента не давали возможности участникам в каждой паре видеть друг друга, они общались только дистанционно. При этом один участник – «ведущий» – инструктировал другого – «ведомого» – как следует двигаться по маршруту с помощью карты на экране монитора. Слова, названные инструктором, обозначали ориентиры на карте или направление движения. Эти слова повторялись как повтор-подхват ведомым и как самоповтор ведущим. Таким образом, первое упоминание слова в инструкции представляло, безусловно, новую информацию. В дальнейшем при повторах оно теряло эту новизну, что должно было отражаться в просодической форме его произнесения. При повторах-подхватах включался фактор взаимодействия с собеседником. Изменение информационного статуса слова продолжалось благодаря самоповтору участника, который инициировал введение данной лексемы в текст диалога.

В связи с изложенным подходом контекстный анализ состоял в следующем: выбор лексем (слов или словосочетаний), которые представляли собой инструкцию первого собеседника, повторенную вторым собеседником и самим первым собеседником. Были получены три группы лексем, всего 315 единиц:

- а) первое упоминание,
- б) повтор-подхват,
- в) самоповтор.

Комплексный метод фонетического анализа включал следующие этапы:

- 1) перцептивно-слуховой (разметка пауз, ударений и тонов);
- 2) электронно-акустический (измерения ЧОТ макс, ЧОТ мин, диапазон ЧОТ ядерных тонов);
- 3) статистический;
- 4) сопоставительный, включая лингвистическую интерпретацию данных.

На этапе аудиторского анализа были выделены 107 ядерных тонов, и 102 из них подлежали дальнейшему акустическому анализу. Среднее время продолжительности диалога: 2 минуты, а полная продолжительность записей: 8 минут.

Акустический анализ должен был определить акустическую структуру ядерных тонов. С помощью программы Praat (6.1.13) были определены мелодические и темпоральные компоненты ядерных тонов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Частотность тонов

Первое наблюдение относительно частотности ядерных тонов относится к показателям процентного соотношения различных конфигураций в диалектной речи молодых носителей шотландского варианта английского языка, жителей г. Глазго: в отличие от стандартного южноанглийского произношения, описанного Д. Кристалом по совместной работе с Д. Дейви [Crystal, Davy, 1969]: уменьшается доля нисходящих тонов в первой же реплике: 22% vs 58,9%. Это происходит за счет возрастания следующих конфигураций, представленных в сопоставлении с южноанглийским стандартом:

- восходящих тонов 27 % vs 16,3 %
- восходящих-нисходящих тонов 16 % vs 4,2 %
- ровных тонов 30 % vs 8 %.

Таким образом, специфика молодежной диалектной речи состоит, как мы отмечали ранее, в возрастании не только восходящих тонов, а и типичных кельтских восходяще-нисходящих тонов (циркумфлекс); однако в наибольшей степени эта специфика проявляется в доминирующей доле ровных тонов (30 %), столь редких в стандартном произношении (см. табл. 1).

Следующие наблюдения относятся к частотности тонов в динамике, относительно трех позиций, соответствующих изменению информационного статуса слов в контексте диалога. При этом вторая позиция, где звучит повтор-подхват, в большей мере подвержена влиянию фактора интеракции, когда реплики двух собеседников следуют непосредственно друг за другом и фактически представляют собой последовательность типа «стимул – реакция». Второй собеседник вступает в разговор, потому что он слышит обращенную к нему инструкцию.

Таблица 1

ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ
РАЗНЫХ ТИПОВ ЯДЕРНЫХ ТОНОВ
В СИНТАГМАХ ПЕРВОГО УПОМИНАНИЯ

Тип тона	Доля использованных тонов в синтагмах первого упоминания (%)
восходящий	27
нисходящий	22
ровный	30
нисходяще-восходящий	5
восходяще-нисходящий	16

Варианты его повтора-подхвата имеют следующие прагматические типы: согласие выполнять инструкцию, т. е. следовать в указанном направлении, тогда звучит повтор-эхо; подхват-переспрос – это уточняющий вопрос, запрос дополнительной информации; и, наконец, отмечается редкий случай сомнения и несогласия, когда вопрос произносится с удивлением. Во всех случаях второй собеседник проявляет заинтересованность во взаимодействии с инструктором, что обеспечивает высокий уровень частотных модуляций и наличие восходящих либо нисходящих тонов. Ровный тон в таком оживленном взаимодействии неуместен, его частотность резко падает (вторая позиция обозначена оранжевым цветом на рис. 1).

Позиция слова в самоповторе, напротив, может иметь рутинный характер, поскольку инструктор только закрепляет, подтверждает первоначальную инструкцию в такой же мере для себя, как и для исполнителя его команд. Эта «старая» информация оформляется ровным тоном (третья колонка серого цвета на рис. 1).

Частотность ядерных тонов в трех позициях

Характерно, что в повторах-подхватах доля ровных тонов уменьшается втрое с 30% до 11%, а в самоповторах, напротив, проявляется тенденция к их полному доминированию (43%) (рис. 1). Очевидно, что подобные изменения конфигураций тонов высотного характера затрагивают и высотный диапазон тонов.

Высотный диапазон

Сопоставляя медианные высотно-диапазональные показатели двух основных конфигураций тонов, восходящих и нисходящих, мы обнаружили:

- во всех позициях нисходящие тоны имеют более широкий диапазон, чем восходящие;
- диапазон восходящих тонов относительно стабилен при переходе от позиции к позиции, в то время как диапазон нисходящих тонов вариативен (рис. 2).

Эта особенность реализации восходящих и нисходящих тонов в сравнении дает повод предположить, что восходящие тоны столь же рутинны и маловыразительны, как и ровные тоны, в то время как все заинтересованные, утверждающие новую информацию нисходящие тоны расширяют свой диапазон под влиянием фактора взаимодействия, требующего оживленной реакции на стимул (см. рис. 2).

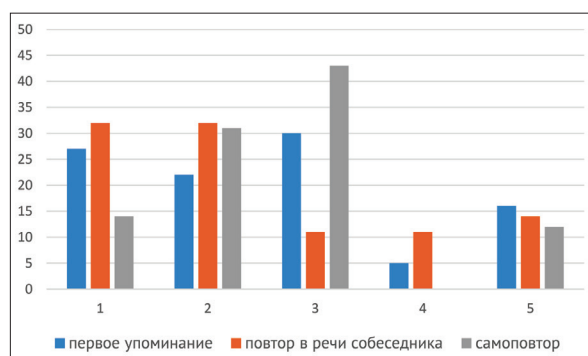

Рис. 1. Частотность ядерных тонов в синтагмах с разным информационным статусом :
1 – восходящие тоны; 2 – нисходящие тоны;
3 – ровные тоны; 4 – нисходяще-восходящие тоны;
5 – восходяще-нисходящие тоны (в %)

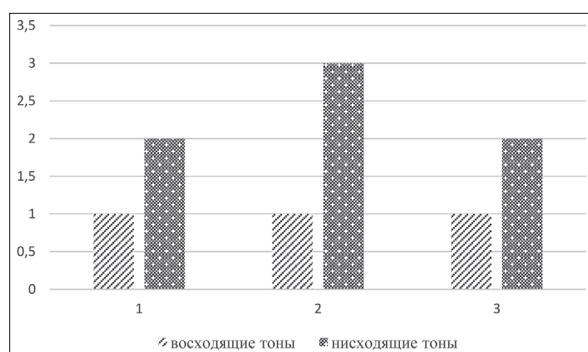

Рис. 2. Средние медианные значения диапазона ядерных тонов в синтагмах с разным информационным статусом: 1 – первое упоминание; 2 – повтор в речи собеседника; 3 – самоповтор (в Пт)

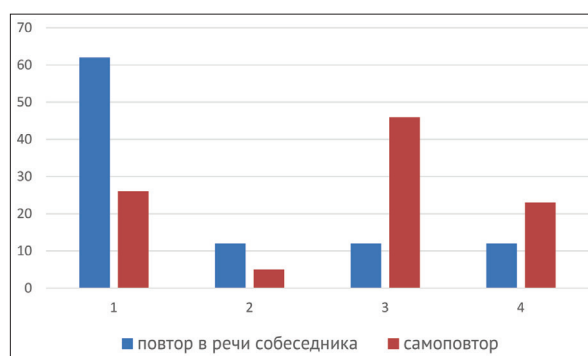

Рис. 3. Изменения диапазона ядерных тонов в синтагмах повтора и самоповтора относительно синтагмы первого упоминания: 1 – диапазон расширяется;
2 – диапазон сужается; 3 – переход к ровным тонам;
4 – нет изменений в диапазоне тона (в %)

Диапазон ядерных тонов в трех позициях (медианы)

Рассмотрим последовательность модификаций высотного диапазона в трех позициях по направлению с учетом его возможных тенденций изменения:

- диапазон расширяется,
- диапазон сужается,
- переход к ровным тонам,
- диапазон не меняется.

Как правило, в повторах-подхватах отмечается расширение диапазона тонов (62,5 %), а в самоповторах – тенденция обратного порядка, т. е. сужение диапазона. Однако наши данные показали, что в молодежной речи сужение диапазона столь критично в самоповторах, что мы получили в результате иную категорию тонов: переход в ровные тоны достиг 46 % (рис. 3).

ВЫВОДЫ И ДИСКУССИЯ

Представленные в данном анализе результаты дают основание утверждать, что эксперимент «Задание по карте» имеет большое преимущество перед записью свободной дружеской беседы, поскольку вариативность мелодики ограничена условиями взаимодействия собеседников, при которых исключено взаимодействие посредством визуального канала, ограничена тематика заданий и установлен порядок выполнения инструкций,

создающий четкую последовательность в интеракции, определяющей выбор тона и высотно-мелодических характеристик диапазона.

Специфика молодежной диалектной мелодики состоит в следующем:

- большая частотность ровных, восходящих и восходяще-нисходящих тонов в утверждениях и командах по сравнению с южно-английским стандартом;
- узкий высотно-мелодический диапазон, который приводит к замене восходящих и нисходящих тонов ровным тоном при изменении статуса информации, т. е. замене «новой» информации на «старую» при самоповторе;
- относительно более широкий диапазон нисходящих тонов по сравнению с восходящими, что обеспечивает использование первых при оживленном взаимодействии с собеседником; восходящий тон в силу своей малой выразительности носит рутинный характер, подобно ровному тону.

Теоретически важно для описания функций мелодических конфигураций установленная связь с изменением высотного диапазона в трех позициях, соответствующих разной степени влияния интерактивного и информационного факторов. Ровный тон как зауженный вариант прежде всего восходящего тона выступает его функциональным аналогом, используемым не столько для вопроса, сколько для передачи рутинных сообщений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Anderson A. [et al.]. The HCRC Map Task Corpus / A. Anderson, M. Bader, E. Bard, E. Boyle, G. M. Doherty, S. Garrod, S. Isard, J. Kowtko, J. McAllister, J. Miller, C. Sotillo, H.S. Thompson, R. Weinert – Human Communication research center. University of Edinburgh. HCRC Map Task Corpus. URL: ed.ac.uk
2. Cruttenden A. Gimson's Pronunciation of English. London: Edward Arnold. 2001.
3. Cruttenden A. Intonational diglossia: A case study of Glasgow // Journal of the International Phonetic Association. 2007. Vol. 37(03). P. 257–274.
4. Bolinger D. Intonation across languages // Universals of Human Language 2: Phonology / J. H. Greenberg (ed.). Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 471–524.
5. Wells J. English Intonation: an Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
6. Shevchenko T. [et al.]. Moscow: Welsh English intonation and social identity / T. Shevchenko, E. Buraya, M. Fedotova, N. Sadovnikova. Sociolinguistic Studies. 2017. Vol. 11(1). P. 153–174.
7. Grabe E., Post B., Nolan F. Modelling intonational Variation in English. The IViE system. In Puppel, S. and Demenko, G. (eds). Proceedings of Prosody 2000. Poznan: Adam Mickiewicz University, 2001. P. 311–338.
8. Chubarova M., Shevchenko T. Celtic English Continuum in Pitch Patterns of Spontaneous Talk: Evidence of Long-Term Contacts // Prasanna S.R.M., Karpov A., Samudravijaya K., Agrawal S. S. (eds), Speech and Computer. SPECOM 2022. Lecture Notes in Computer Science. 2022. Vol. 13721.
9. Скуланова Г. М. Региональная вариативность интонации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1987.
10. Скопинцева Т. С. Территориальная вариативность английской интонации на Британских островах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
11. Milroy J., Milroy L. Authority in Language. New York: Routledge. 2012.
12. Шевченко Т. И., Садовникова Н. А., Сибилева Л. Н. Ритм и смысл просодии дискурса: когнитивный подход и статистика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 1 (634). С. 175–187.

13. Baumann S., Schumacher P.: The incremental processing of focus, givenness and prosodic prominence // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2020. Vol. 5(1). DOI: <https://doi.org/10.5334/gjgl.914>.
14. Crystal D., Davy D. *Investigating English style*. Bloomington : Indiana University Press, 1969.

REFERENCES

1. Anderson, A. [et al.]. (1991). The HCRC Map Task Corpus / A. Anderson, M. Bader, E. Bard, E. Boyle, G. M. Doherty, S. Garrod, S. Isard, J. Kowtko, J. McAllister, J. Miller, C. Sotillo, H. S. Thompson, R. Weinert – Human Communication research center. University of Edinburgh. URL: [HCRC Map Task Corpus. ed.ac.uk](http://HCRC.Map.Task.Corpus.ed.ac.uk)
2. Cruttenden, A. (2001). *Gimson's Pronunciation of English*. London: Edward Arnold.
3. Cruttenden, A. (2007). Intonational diglossia: A case study of Glasgow. *Journal of the International Phonetic Association*, 37(03), 257–274.
4. Bolinger, D. (1978). Intonation across languages. In Greenberg, J. H. (ed.), *Universals of Human Language 2: Phonology* (pp. 471–524). Stanford: Stanford University Press.
5. Wells, J. (2006). *English Intonation: an Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Shevchenko T., Buraya, M., Fedotova, M., Sadovnikova, N. (2017). Welsh English intonation and social identity. *Sociolinguistic Studies*, 11(1), 153–174.
7. Grabe, E., Post, B., Nolan, F. (2001). Modelling intonational Variation in English. The IViE system. In Puppel, S. and Demenko, G. (eds). *Proceedings of Prosody 2000* (pp. 311–338). Poznan: Adam Mickiewicz University.
8. Chubarova, M., Shevchenko, T. (2022). Celtic English Continuum in Pitch Patterns of Spontaneous Talk: Evidence of Long-Term Contacts. In Prasanna, S.R.M., Karpov, A., Samudravijaya, K., Agrawal, S.S. (eds.), *Speech and Computer. SPECOM 2022. Lecture Notes in Computer Science* (vol. 13721).
9. Skulanova, G. M. (1987). Regional'naya variativnost' intonacii = Regional variation of intonation: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Skopinceva, T. (1995). Territorial'naya variativnost' anglijskoj intonacii na Britanskij ostrovah = Regional variation of the English intonation on the British Islands: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
11. Milroy, J., Milroy, L. (2012). *Authority in Language*. New York: Routledge.
12. Shevchenko, T. I., Sadovnikova, N. A., Sibileva, L. N. (2012). Ritm i smysl prosodii diskursa: kognitivnyj podhod i statistika = Rhythm and the meaning of discourse prosody: cognitive approach and statistics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 1(634), 175–187. (In Russ.)
13. Baumann, S., Schumacher, P. (2020). The incremental processing of focus, givenness and prosodic prominence. *Glossa: a journal of general linguistics*, 5(1). <https://doi.org/10.5334/gjgl.914>.
14. Crystal, D., Davy, D. (1969). *Investigating English style*. Bloomington: Indiana University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Татьяна Ивановна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Чубарова Мария Андреевна

преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shevchenko Tatyana Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of English Phonetics, Faculty of the English language
Moscow State Linguistic University

Chubarova Mariya Andreyevna

Lecturer at the Department of English Phonetics
Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.11.2023
21.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.111:34

Виды латинских заимствований в юридической лексике английского языка

Ю. В. Юсева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
juliafokina@mail.ru

Аннотация. Во всем мире представители юридической профессии пользуются английским юридическим языком в различных областях правового поля. Однако английский юридический язык в процессе исторического развития испытал огромное влияние латинского языка. В статье рассматривается влияние латинского языка на развитие английского языка в юридической сфере, предлагается классификация латинских заимствований, их функции, анализируются типы дискурса, в которых регулярно употребляются латинизмы.

Ключевые слова: английский юридический дискурс, юридическая лексика, латинские заимствования, типы заимствований

Для цитирования: Юсева Ю. В. Виды латинских заимствований в юридической лексике английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 126–132.

Original article

Types of Latin Loanwords and Expressions in the Legal Vocabulary of the English Language

Yulia V. Yuseva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
juliafokina@mail.ru

Abstract. Legal professionals of the whole world make use of the English legal language in different situations of the legal field. However, it is important to understand that during the process of historic development the English language experienced a significant influence of the Latin language. The article describes the influence of the Latin language on the development of the English legal vocabulary, classifies Latin borrowings on the basis of various criteria, analyses types of discourse where Latinisms are typically used as well as focuses on their functions in the modern English legal language.

Keywords: English legal language, legal vocabulary, Latin loanwords, types of Latinisms

For citation: Yuseva, Y. V. (2024). Types of Latin loanwords and expressions in the legal vocabulary of the English language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 126–132.

ВВЕДЕНИЕ

В научных работах, посвященных юридическому языку, так или иначе описываются особенности профессиональной лексики и, как следствие, затрагивается вопрос исторического влияния языков друг на друга в процессе культурных контактов.

В данной работе изучается влияние латинского языка на английский юридический язык, анализируются типы латинских заимствований, сфера их употребления и их роль и функции в некоторых типах современного английского юридического дискурса.

Юридический язык может быть определен как особая система, обладающая собственными закономерностями, которые формируются детерминацией со стороны действующего законодательства, как некий код, декодирование которого требует специальных знаний и культуры мышления, сформированной многими поколениями юристов [Голев, 2004].

Попробуем определить, что такое юридический дискурс, отталкиваясь от мнения Арутюновой: «Связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания»¹. Таким образом, юридический дискурс можно определить как всю совокупность высказываний на юридическом языке, совокупность устных и письменных юридических текстов, оперирующих специальными понятиями, применяемыми в пределах профессиональной сферы.

Не подвергается сомнению также влияние латинского и французского языков на формирование английского юридического языка и особенности составления юридических текстов, что объясняется ходом исторического развития британского государства и его взаимодействием с другими культурами.

В ходе данной статьи обозначим основные вехи взаимодействия населения Британских островов с другими народами и языками, подтвердим значительное влияние римских правовых традиций и латинского языка. Рассмотрим возможную классификацию латинских заимствований в современном английском юридическом языке; проанализировав выборочные типы современного устного и письменного юридического дискурса, сделаем некоторые выводы о сфере употребления латинизмов и их функциях.

¹Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ И КУЛЬТУРАМИ

Общеизвестен тот факт, что Британские острова на протяжении I–V веков были римской провинцией. Близким сосуществованием культур объясняется тот факт, что и после периода римской зависимости, на протяжении большей части средневекового периода, латынь служила на британских островах главным административным языком, языком Церкви и образования, а также языком письменного общения. Начиная примерно с 1050 года при разработке местных законов использовались нормы римского кодекса Юстиниана, известные также под названием «*corpus juris*», что также объясняет значительное влияние латыни на юридический английский.

Следует отметить, что английские правовые термины, существовавшие в языке до описываемого периода, в основном обозначали обычаи и традиции, в то время как при помощи латинских слов и выражений в английский юридический язык стали входить новые правила, которые уже являлись законами в современном смысле этого слова, т. е. обязательными для исполнения всеми членами общества.

Другой важный исторический и общественно-политический фактор развития языковой ситуации в Англии, в частности формирования корпуса юридической лексики, – Норманнское завоевание, которое внесло изменения в англосаксонское право, а вместе с этим и в язык, который обслуживал эту сферу. Англосаксонский постепенно был вытеснен языком новых завоевателей, древнефранцузским. В языке появились французские аналоги для англосаксонских юридических терминов.

Таким образом, французский язык также стал проводником латинских заимствований, но в опосредованной форме. Важно отметить, что правовые понятия, выраженные этими опосредованными заимствованиями, переосмысливались в свете новых правовых традиций, которые привнесла правовая культура норманнов. Впоследствии на этом базисе была построена английская система прецедентного права, и многие из этих заимствований стали обозначать его понятия: *accuse, appeal, felony, heritage, justice, jury, plead, prison*.

В XIV веке, после того как английский монарх Эдуард III издал указ о присвоении английскому языку статуса государственного и о ведении судебных дел на английском языке, все правовые документы постепенно начали переводить с латыни на английский. Это рассматривается как

причина значительного количества калькированных выражений в английском языке. Примерами могут служить выражения: *facts of crime* (*corpus delicti*) – *состав преступления*, *beyond powers* (*ultra vires*) – *за пределами полномочий*, *lawsuit* (*lis*) – *судебное дело*, *full bench* (*en bane*) – *полный состав суда* и др. [Коларькова, Ипатова, Савина 2018].

ТИПЫ ЛАТИНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Существуют разные подходы к классификации латинских заимствований в зависимости от сферы и целей исследования. В данной работе предпримем попытку осмыслить сферу использования и функции выборочной совокупности латинских заимствований в юридическом дискурсе английского языка и предложить вариант их классификации на основе ряда критериев.

В зависимости от **способа заимствования** их можно подразделить на *прямые* и *косвенные* (также распространены термины *непосредственные* и *опосредованные*). Под прямыми заимствованиями понимаются те заимствования, которые вошли в язык при первичном контакте культур в период римской колонизации и остались в английском языке в неизменной форме. Опосредованными, или косвенными, заимствованиями из латинского языка можно назвать слова, пришедшие из древнефранцузского после завоевания норманнов [Коларькова, Ипатова, Савина 2018].

Примерами прямых заимствований в юридической лексике являются такие слова и выражения, как *actus reus*, *mens rea*, *doli capax*, *versus*, *et cetera* и др. Среди опосредованных заимствований латинской этимологии (позднее адаптированных к местному произношению) можно назвать *accuse*, *adjourn*, *appeal*, *cause*, *chattel*, *court*, *estate*, *evidence*, *felony*, *inquiry*, *irregularity*, *judge*, *jury*, *lease*, *marriage*, *petition*, *plead*, *prison*, *prosecutor*, *supreme*, *suspect*, *tenant*, *trespass* и др.

По степени ассимиляции (соответствию нормам современного языка) латинские лексические заимствования можно подразделить на *полностью ассимилированные*, *частично ассимилированные* и *не ассимилированные* (иностранные вкрапления) [Кабанова, 2013]. Основная масса заимствований латинского языка полностью ассимилировалась в системе английского языка и используется носителями наряду с исконными элементами.

В зависимости от формы и значения, латинизмы можно условно делить на следующие группы:

а) латинские фразы / обороты, дошедшие до нашего времени полностью, в их изначальной форме. В правовом поле подобные фразы чаще всего

описывают базовые правовые принципы, регулирующие разрешение того или иного типа судебных дел. Примерами являются:

Lex posterior derogate priori. – Последующий закон отменяет предыдущий.

Nullum crimen, nulla poene sine lege. – Нет преступления, нет наказания без указания на то в законе.

Caveat emptor. – Да будет осмотрителен покупатель.

б) юридические термины, состоящие из двух, реже одного слова:

- *alibi* – алиби
- *actus reus* – виновное действие
- *mens rea* – виновный ум, воля
- *corpus delicti* – состав преступления
- *compos mentis* – вменяемый
- *habeas corpus* – судебный приказ о передаче арестованного в суд
- *novus actus interveniens* – нарушение причинно-следственной связи между виновным действием или негативным последствием

в) комбинированные термины, одна часть которых является заимствованием из латыни, а вторая – английским термином:

- *pro forma invoice*
- *ad valorem tax / duty*
- *writ of habeas corpus*
- *per year*

г) так называемые коннекторы, а также вводные слова, выполняющие в тексте связующую, структурирующую, уточняющую функции:

- *vice versa* – наоборот
- *et cetera* – так далее
- *inter alia* – между прочим
- *alias* – другими словами
- *eo ipso* – тем самым

д) морфемы (суффиксы и префиксы) латинского происхождения, имеющие высокую словообразовательную активность. Префиксами иноязычного происхождения являются *de-* (*denunciation*), *dis-* (*disinheritance*), *extra-* (*extraterritorial*), *cor-*, *con-*, *co-*, *col-*; *re-* и др. Суффиксами латинского происхождения являются *-or* / *-er*, *-ity*, *-ion* и его разновидности *-tion* / *-sion* (*prosecutor*, *admission*, *conviction* и др.). Суффикс *-ify* образует глаголы, которые используются в юридической терминологии: *identify*, *verify*, *clarify* и т. д.

ЛАТИНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Анализ текстов и документов юридической тематики или семантически близких текстов позволяет сделать некоторые выводы о тех типах устного и письменного юридического дискурса, для которых характерно употребление тех или иных видов заимствований, а также о функциях их употребления. Приведем несколько наблюдений такого характера.

Можно заметить, что дошедшие до нашего времени в изначальном виде латинские фразы и обороты часто обозначают правовые принципы и встречаются в формулировках судебных решений, в юридических заключениях, а также в речах адвокатов: *lex specialis derogate lex generalis* (специальный закон отменяет общий), *non bis in idem* (не дважды за одно и то же), *venire contra factum proprium* (никто не может противоречить собственному предыдущему поведению), *non reformation in preiud* (положение стороны, подавшей жалобу, не должно ухудшиться в сравнении с обжалуемым решением) и др.

При формулировке судебных решений и в текстах юридических заключений также часто встречается ряд латинских выражений, имеющих отношение к судебной практике. Например:

The Government has not shown that there is a credible threat of harm to competition during the time between the denial of this preliminary injunction and the final adjudication of the merits because it has not established its *prima facie* case (*prima facie* – наличие достаточно серьезных доказательств для возбуждения дела)¹.

The rendering of services without giving the defendant an opportunity to decline does not generally constitute acceptance under the theory of *quantum meruit* (*quantum meruit* – справедливое вознаграждение)².

The person pleading *non est factum* must belong to a class of persons, who through no fault of their own, are unable to have any understanding of the purpose of the particular document because of blindness, illiteracy or some other disability (*non est factum* – «нет документа», утверждение стороны, что данный документ не является документом, ею выданным, несмотря на наличие печати или подписи. Из заключения суда по делу *Saunders v Anglia Building Society*, 1971)³.

Юридические термины, состоящие из одного или двух слов, обозначающие на латыни базовые правовые понятия / профильные термины, часто используются в оригинале в следующих видах дискурса:

- в СМИ в статьях юридической и, реже, общей тематики. В качестве примера можно привести несколько предложений с сайта американо-британской юридической фирмы Hogan Lovells.

The CFA also observed that as a serious criminal offence, the *mens rea* (“guilty mind”) element is significant and the standard applied by the Court of Appeal was inappropriately low given the context of an indictable offence.⁴

Any action falling outside the ambit of these empowering sections is illegal because the instruction exceeds the powers of PloM (in common law referred to as being *ultra vires*).⁵

Our politicians have no desire to change the *status quo* for they would be out of the job and all its benefits⁶.

- в юридической документации, включая документы, относящиеся к разработке нормативно-правовых актов, например:

An *affidavit* is not considered legal or official until it has been notarized or witnessed by a legal official.⁷

- при составлении договоров, например:

The proportion of the confiscated proceeds of crime and property to be shared shall be determined by the Parties on a *quantum meruit* basis («столько, сколько заслуживает», справедливое вознаграждение) or on any other reasonable basis agreed upon by the Parties.⁸

- в ходе судебных разбирательств в устных выступлениях в судах общего права при рассмотрении уголовных, гражданских, контрактных споров: *affidavit*, *bona fide*, *mens rea*, *actus reus*, *prima facie*, *status quo*, *subpoena*, *veto* и т. д.

⁴URL: hoganlovells.com

⁵URL: hoganlovells.com

⁶URL: hoganlovells.com

⁷URL: hoganlovells.com

⁸URL: context.reverso.net

¹URL: hoganlovells.com

²URL: hoganlovells.com

³URL: https://www.wordhippo.com/

Приведем несколько примеров такого употребления латинизмов из материалов электронного ресурса Wordhippo.com:

My point is that the *mens rea* convention exists in order to ensure that unintended consequences of normal human behavior are not criminal¹.

Your Honours will see at paragraph 157 where he set out the basis of the contention that it was not *bona fide*².

There is insufficient evidence before us that one ingredient of the section 5 offence was established to constitute a *prima facie* case.³

- в тексте протоколов судебных заседаний, в кратких содержаниях / дайджестах судебных дел:

The court noted, *in obiter dictum*, that the arbitrator's determination that there existed an arbitration agreement was entitled to deference (*obiter dictum* – неофициальное мнение судьи).⁴

- в учебниках, обучающих пособиях, обучающих материалах и ресурсах для юристов.

The injury caused without *mens rea* might be grounds for civil liability but typically for not criminal.⁵

A *novus actus* is not confined to either factual or legal causation only, and can interrupt the causal chain at either point.⁶

In a case of incomplete work, the theory of *quantum meruit* is used to determine whether payment is due, in what amount payment should be made, and which party should be paid.⁷

A claim of *non est factum* means that the signature on the contract was signed by mistake, without knowledge of its meaning.⁸

A successful plea would make the contract void *ab initio*.⁹

¹URL: <https://www.wordhippo.com/>

²URL: <https://www.wordhippo.com/>

³URL: <https://www.wordhippo.com/>

⁴URL: context.reverso.net

⁵URL: Encyclopedia of crime & justice by Joshua Dressler | Open Library

⁶URL: hoganlovells.com

⁷URL: <https://legaldictionary.net/>

⁸URL: <https://legaldictionary.net/>

⁹URL: <https://legaldictionary.net/>

Латинские слова-коннекторы (связки) в англоязычных текстах имеют широкое употребление, выходящее за рамки юридической тематики, например, их можно встретить

- в текстах юридической направленности или юридических дайджестах:

The instruction was premised on the basis that there had been an unacceptably high level of accidents that, in his view, were caused by, *inter alia*, poor supervision.¹⁰

- в научных статьях разной тематики:

The experiments showed, *inter alia*, that pyritization can occur within cellulose cell walls.¹¹

Against this it must be stated that every somnambulism is not *eo ipso* hysterical.¹²

- в языке СМИ:

Job-seekers find that employers are seeking them rather than *vice versa*.¹³

- в повседневной речи:

Use things and love people, not *vice versa*.¹⁴

Our country leaders admit they are corrupted, *etcetera*.¹⁵

Нужно заметить, что с течением времени происходили и происходят изменения в семантике лексических заимствований, а также появляются дополнительные значения в различных областях права или ситуациях правового поля. Примерами подобных изменений в области уголовного права являются такие слова и выражения, как *subroepa* (лат. *под страхом наказания*, позже – *повестка в суд*), *obiter dictum* (лат. *попутное замечание*, позже – *частное мнение судьи*), *qui(d) pro quo* (лат. *нечто за нечто, услуга за услугу*, позже – *недоразумение, основанное на принятии одной вещи / лица / понятие за нечто другое*, также в контрактном праве – *встречное удовлетворение*) и др.

Уже функционирующие элементы продолжают развивать свои грамматические парадигмы. Например, выражение *ad valorem* (лат. *к стоимости*)

¹⁰URL: hoganlovells.com

¹¹URL: <https://www.wordhippo.com/>

¹²URL: <https://archive.org/>

¹³URL: context.reverso.net

¹⁴URL: <https://www.wordhippo.com/>

¹⁵URL: <https://www.wordhippo.com/>

в современном языке всё чаще выступает в синтаксической роли прилагательного: *ad valorem (tax) rate, ad valorem freight, ad valorem equivalents*. То же относится к выражению *ad hoc* (лат. к случаю), которое приобрело значение «специальный, устроенный для конкретной цели», например, *ad hoc committee, ad hoc service, ad hoc arrangement, ad hoc control regime, ad hoc review*. Выражение *pro bono (publico)* (для общественного блага) стало повсеместно употребляться как определение со значением бесплатный: *In the past year, 30 percent of the cases brought had enjoyed the pro bono services of lawyers.*¹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, несмотря на то, что латынь является мертвым языком, она продолжает сохранять определенный статус и престиж в правовой сфере и смежных областях. Почему же латинские заимствования тематической направленности, так называемые дискурсивные латинизмы, сохраняют свое применение в юридическом языке, а также применение латыни в качестве общего языка права может быть до сих пор эффективным? Среди причин можно назвать несколько факторов.

Латинский язык имеет прочную историческую связь с развитием европейского права, основная часть юридической литературы была написана на латыни. Можно сказать, что латинские термины и фразы создают базу для правового дискурса, частично устраняя различия между правовыми и культурными системами и способствуя эффективной

коммуникации между специалистами правовой сферы разных стран. Таким образом, сегодня латынь можно рассматривать как некий универсальный код в правовом коммуникативном пространстве, она используется в той или иной мере носителями всех европейских и других языков.

В некоторых профессиональных областях использование прямых или опосредованных латинских языковых элементов приобрело функцию социальных символов, с их помощью происходит маркирование принадлежности лица к определенной профессии или сфере.

Латынь является в высшей степени лаконичным языком, значительно упрощает ссылку на определенные правовые принципы и правила, а также содержит в себе полный и тщательно разработанный блок терминологии в целом ряде специализированных областей.

Несмотря на то, что в сфере терминологии, а также в юридических переводах распространена синонимия, и одно и то же понятие может быть выражено как заимствованным словом с латинским корнем, так и словом, появившемся в английском языке позже, например *delictum – delict – tort* (гражданское правонарушение) [Галахова, 2015], понимание и использование латинских терминов, безусловно, способствует совершенствованию знаний юридического языка и профессии. Изучение и анализ эволюции значений латинских заимствований, контекстов их употребления способствует повышению профессиональной юридической компетенции. Использование латинских слов и фраз может косвенным образом указывать на степень компетенции юриста / специалиста, его теоретическую подготовку.

¹URL: context.reverso.net

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Голев Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного русского языка и ее юридического функционирования // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2004. С. 44.
2. Коларькова О. Г., Ипатова И. С., Савина А. А. Латинизмы в английской юридической терминологии // Baltic humanitarian journal. № 1(22). 2018. С. 89-92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/latinizmy-v-angliyskoy-yuridicheskoy-terminologii>
3. Кабанова И. Н. Основы лексикологии английского языка для студентов V курса заочного отделения. Изд. 2-е, доп. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2013. URL: <https://www.studmed.ru/kabanova-i-n-osnovy-leksikologii-angliyskogo-yazyka>
4. Галахова А. А. Латинские заимствования в английском языке права // Современная филология: материалы IV Международной научной конференции. Уфа: Лето, 2015. С. 107–109. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/137/7525>

REFERENCES

1. Golev, N. D. (2004). O spetsifike yazyka prava v sisteme obshchenarodnogo russkogo yazyka i ego yuridicheskogo funktsionirovaniya = About the specifics of the legal language in the system of Russian national language and its

legal functioning // Yurislingvistika-5: legal aspects of language and linguistic aspects of law, 44. Barnaul: Altai State University. (In Russ.)

2. Kolar'kova, O. G., Ipatova I. S., Savina A. A. (2018). Latinizmy v angliyskoy yuridicheskoy terminologii = Latinisms in the English legal terminology // Baltic humanitarian journal, № 1(22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/latinizmy-v-angliyskoy-yuridicheskoy-terminologii> (In Russ.)
3. Kabanova, I. N. (2013). Osnovy leksikologii angliyskogo yazyka dlya studentov V kursa zaochnogo otdeleniya = The basics of the lexicology of the English language for 5 year students. Ed. 2. N. Novgorod: FGBOU VPO "NGLU". URL: <https://www.studmed.ru/kabanova-i-n-osnovy-leksikologii-angliyskogo-yazyka> (In Russ.)
4. Galahova, A. A. (2015). Latinskie zaimstvovaniya v angliyskom yazyke prava = Latin borrowings in legal English// Sovremennaya filologiya: data of IV International scientific conference, 107–109. Ufa: Leto. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/137/7525> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юсева Юлия Владленовна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области права

Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuseva Yulia Vladlenovna

PhD (Philology),

Assistant Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Law

Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

17.11.2023
18.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Советская рецепция западного неоавангарда: «новый роман» и «Группа 63» в советской прессе

А. В. Голубцова

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва, Россия
ana1294@yandex.ru

- Аннотация.** В статье рассматривается советская рецепция западного неоавангарда – ряда экспериментальных течений в литературе 1950–1970-х гг. Анализируются статьи о неоавангарде в советской периодической печати («Литературная газета», журналы «Новый мир», «Иностранная литература», «Вопросы литературы») и идеологический контекст этих публикаций. На примере французского «нового романа» и итальянской «Группы 63» показывается, как менялось отношение советских критиков к экспериментальной литературе на протяжении десятилетий.
- Ключевые слова:** неоавангард, «новый роман», «Группа 63», рецепция, идеология, пресса, «Новый мир», «Иностранная литература», «Вопросы литературы»
- Благодарности:** Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00764 «Западный неоавангард 1950–1970-х гг. в советской науке и критике»: <https://rscf.ru/project/23-28-00764/>
- Для цитирования:** Голубцова А.В. Советская рецепция западного неоавангарда: «новый роман» и «Группа 63» в советской прессе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 2 (883). С. 133–142.

Original article

Soviet Reception of Western Neo-Avant-Garde: the Nouveau Roman and Group 63

Anastasia V. Golubtsova

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ana1294@yandex.ru

- Abstract.** The paper studies the Soviet reception of Western Neo-Avant-Garde, that is a number of experimental movements in literature in 1950s–1970s. The articles about Neo-Avant-Garde in Soviet periodicals, such as “Literaturnaya Gazeta”, “Novy Mir”, “Inostrannaja literatura” and “Voprosy literatury”, as well as their ideological context are analyzed. The examples of French Nouveau Roman and Italian Group 63 are used to demonstrate the attitude of Soviet critics towards experimental literature throughout decades.
- Keywords:** Neo-Avant-Garde, Nouveau Roman, Group 63, reception, ideology, press, “Novy Mir”, “Inostrannaja literatura”, “Voprosy literatury”
- Acknowledgments:** The article was written at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation grant № 23-28-00764, <https://rscf.ru/project/23-28-00764/>
- For citation:** Golubtsova, A. V. (2024). Soviet reception of Western Neo-Avant-Garde: the Nouveau Roman and Group 63. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 133–142.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОВЕТСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ЗАПАДНОГО НЕОАВАНГАРДА

Статья представляет собой анализ советской рецепции французского и итальянского литературного неоавангарда 1950–1970-х годов на материале основных периодических изданий, выпускавших публикации, посвященные зарубежной литературе и искусству.

Отношение советской критики к неоавангарду определялось, главным образом, идеологическими соображениями и личными эстетическими предпочтениями руководства СССР. 1 декабря 1962 года Н. С. Хрущев посетил выставку художников-авангардистов. Его резкие высказывания об авангардном искусстве положили начало кампании против «формализма», начавшейся с критики абстракционизма в живописи, но вскоре распространившейся и на другие виды художественного творчества, в том числе и на литературу. На встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства 17 декабря 1962 года секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичёв, произнес речь (опубликованную в «Литературной газете» – официальном печатном органе правления Союза писателей СССР), в которой «формалистское» творчество описывалось как мрачное, уродливое, упадочническое, критиковалось за подражание буржуазным «модам» и отказ от связи с жизнью и практикой «коммунистического строительства», более того – трактовалось как невольная идеологическая диверсия, ослабляющая «силы и энергию народа в борьбе за коммунизм»¹. Н. С. Хрущёв, выступая на следующей аналогичной встрече 7 – 8 марта 1963 года, гневно обрушился на «тошнотворную стряпню» Эрнста Неизвестного и других художников-абстракционистов. В выступлении Хрущёва особенно отчетливо проявилось идеологическое измерение искусства: художественное произведение рассматривалось им, в первую очередь, как орудие холодной войны, а принцип мирного сосуществования идеологий – как отказ от борьбы за торжество коммунизма и свержение западного капиталистического строя². Первый секретарь правления Союза писателей К. А. Федин во вступительной речи на IV пленуме правления СП СССР также рассматривал противостояние соцреализма и «крайних» художественных течений как частный случай идеологической борьбы коммунизма и капитализма, отмечая, среди прочего, связь «революционных» западных художников с

реакционными кругами общества³. Его речь на пленуме ЦК КПСС 18–23 июня 1963 года была целенаправленно сосредоточена на вопросе, который он обозначил как ключевой для всего советского искусства, – «на наших столкновениях с западным модернизмом по вопросу о методе социалистического реализма в искусстве»⁴. Это выступление особенно интересно тем, что дает некоторое – пусть и очень ограниченное – представление о дискуссиях вокруг советской литературы, развернувшихся в тот период на Западе. Так, Федин опровергает западное представление о существовании «советского авангардизма» («авангардизм остается историческим порождением Запада»), называя преобладающей традицией советской литературы реализм XIX – начала XX века (вплоть до Горького), и полемизирует с приверженцами аполитичности творчества, отстаивая «принцип партийности».

Каждое официальное высказывание подобного рода порождало целую серию публикаций, в которых писатели и критики в один голос высказывались против «формализма», в поддержку соцреализма. Едва ли не единственным авторитетным литератором начала 1960-х, вставшим на защиту экспериментального искусства, оказался Илья Эренбург, неоднократно призывавший к взаимной терпимости и поиску общих ценностей, способных объединить западных и советских писателей, реалистов и авангардистов⁵. Примирительный пафос Эренбурга вызовет резкую критику как со стороны партийных функционеров⁶, так и со стороны коллег по перу⁷, так что вплоть до второй половины 1960-х годов его выступления останутся едва ли не единственными доброжелательными высказываниями в адрес авангарда и модернизма – во всяком случае, в официальной печати. Это легко объяснимо: в ситуации холодной войны авангардное искусство воспринималось, в первую очередь, как факт международной политики, как значимый элемент идеологической борьбы. Авангардистские тенденции в советской культуре, по большей части, игнорировались официальной прессой или характеризовались как маргинальные явления, случайные отклонения от магистрального соцреалистического метода. Не случайно, по справедливому замеча-

¹Ильичёв Л. Ф. Творить для народа, во имя коммунизма // Литературная газета. № 151. 22 декабря 1962

²Хрущёв Н. С. Высокая идейность и художественное мастерство – великая сила советской литературы и искусства // Литературная газета. № 31. 12 марта 1963

³Федин К. А. К соратникам по литературе // Литературная газета. № 38. 28 марта 1963

⁴Федин К. А. Мы строим новый мир // Литературная газета. № 75. 23 июня 1963

⁵См., напр., его речь на ленинградской сессии Европейского сообщества писателей 13 августа 1963 (Эренбург И. Отстаивать человеческие ценности // Литературная газета. № 97. 13 августа 1963).

⁶См.: Ильичёв Л. Ф. Об ответственности художника перед народом // Литературная газета. № 30. 9 марта 1963.

⁷См., например: Сучков Б. Реальность и роман // Литературная газета. № 105. 31 августа 1963.

нию С. Е. Бирюкова, «60-е, 70-е и начало 80-х годов в бывшем СССР для большинства авторов авангардного направления оказались подпольными» [Бирюков, 2013, с. 68]¹. Это в меньшей степени касается западного экспериментального искусства, которое постепенно прокладывало себе путь за «железный занавес» – но долгое время лишь в качестве очередного доказательства кризисного состояния капиталистического общества.

ФОРМАЛИЗМ – МОДЕРНИЗМ – АВАНГАРД. ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Уже в первых советских выступлениях, затрагивающих тему авангарда, в частности в речах Ильичёва, термин «формализм» употреблялся в максимально широком смысле, для обозначения любых экспериментальных тенденций, а в качестве синонимичных ему использовались термины «абстракционизм», «модернизм» и «декаданс»: первый по отношению к живописи, два последних – как обобщающие оценочные характеристики для всех видов экспериментального искусства. В дальнейшем, в 1960-е годы, слово «формализм» практически вышло из обихода, зато такие термины, как «декаданс», «модернизм» и «авангардизм», стали широко использоваться как синонимы, взаимозаменяемые обозначения для любых художественных феноменов, выходящих за рамки реализма (в узком, догматическом понимании, свойственном советской критике): в одном ряду оказались и футуризм, и экспрессионизм, и сюрреализм, и опыты Джойса, Кафки, Элиота и Паунда, и авангард 1950-1970-х годов, сегодня обычно именуемый неоавангардом, причем подобная терминологическая путаница была характерна не только для критики и публицистики, но и для научных статей – например, публиковавшихся в журнале «Вопросы литературы». Так, Ю. Боров объединяет термином «модернизм» таких различных авторов, как Кафка, Ионеско и Камю [Боров, 1963], а С. Великовский включает в понятие «модернизм» столь разнородные понятия, как сюрреализм, экзистенциалистская проза и школа «нового романа» [Великовский, 1965]. Любопытный пример терминологической избирательности являет собой статья «К спорам о реализме», автор которой, литературовед Б. Л. Сучков, фактически отождествляет «так называемый "авангардизм"» с модернизмом и декадансом, исключает из этой категории тех авторов, которые, подобно Маяковскому или Хикмету, революционизировали форму, чтобы передавать новое «революционное» содержание [Сучков,

1965]: таким образом, термин «авангард», с одной стороны, непомерно расширяется, превращаясь в пейоративное обозначение любой нереалистической литературы, с другой – сужается, сводясь к «самоценному формотворчеству», оторванному от перипетий классовой борьбы. В результате этих семантических трансформаций авангард с его пафосом радикального обновления начинает осмысляться как реакционный, консервативный и глубоко вторичный, «извращающий» и «вульгаризирующий», по словам того же Сучкова, достижения художников-реалистов. Авангардную литературу в силу ее формальной усложненности упрекают в презрении к читателям, в сознательном пренебрежении их интересами, и в то же время, как ни парадоксально, ставят ей в вину ее популярность в западных интеллектуальных кругах. Отрицание протестного потенциала авангардной литературы обосновывается не только ее «вторичностью», но и тем, что авангардизм потакает массовому вкусу: мода на авангард поддерживается всей индустрией культуры, от критики до рекламы и издательского бизнеса, капиталистическая система использует художников в своих политических целях, и в этом смысле претензии авангардистов на творческую свободу оказываются не более чем фикцией – заблуждением или сознательным лицемерием.

ДИНАМИКА СОВЕТСКОЙ РЕЦЕПЦИИ «НОВОГО РОМАНА»

Литературный авангард 1950–1970-х годов включает в себя целый ряд феноменов: французский «новый роман», «конкретная поэзия», творчество американских битников – далеко не полный список течений, относящихся к обширному полю неоавангардной литературы. Однако советская рецепция этих крайне разнородных явлений не отличалась разнообразием: политические выступления партийных функционеров и литературных чиновников рубежа 1950–1960-х однозначно задали вектор официальной оценки западного экспериментального искусства и обозначили основные «пункты обвинения», которые далее повторялись в советской прессе вплоть до конца 1970-х, пока сама неоавангардная проблематика на Западе не утратила актуальность. С самого начала экспериментальных писателей порицали за безыдейность, пессимизм, нигилизм и иррационализм, болезненное внимание к отдельным деталям и оторванность от реальной жизни с ее социальными конфликтами и борьбой.

Основными площадками в СССР для дискуссий вокруг авангарда служили журналы «Новый мир»,

¹О неоавангардных тенденциях в советской официальной и неофициальной литературе см. там же, а также [Соколова, 2019].

«Иностранная литература» и «Вопросы литературы», хотя отдельные статьи появлялись и в других изданиях, таких как «Знамя» или «Москва». Среди всех неоавангардных течений особое внимание советских критиков привлекает французский «новый роман». Еще в 1959 году в «Иностранной литературе» вышла статья С. И. Великовского о «новом романе», который, по словам автора, продолжает «декадентскую» линию модернистского искусства и – при всей своей внешней экспериментальности – потакает обывательскому вкусу буржуазного читателя, желающего «укрыться в искусстве от социальных бурь нашего века» [Великовский, 1959, с. 175]. Чуть позже И. Д. Шкунаева на страницах «Нового мира» обвиняет авторов-экспериментаторов – в их число, помимо «новых романистов» Н. Саррот и А. Роб-Грийе, включаются С. Беккет, Г. Миллер, А. Арто, М. Лейрис, – в пессимизме, нездоровом внимании к безумному и аномальному [Шкунаева, 1959]. В дальнейшем, на протяжении 1960-х годов, выходит целый ряд статей, повторяющих друг друга в негативной оценке «нового романа» [Кузнецов, 1960; Трущенко, 1962; Великовский, 1963; Балашова, 1963; Андреев, 1964; Настоящее и будущее романа, 200–201, 208–210 passim]. Противопоставляя это течение «традиции французского социального романа» – Золя, Франсу, Барбюсу, Роллану, Арагону – советские критики отрицают современность «нового романа», поскольку он не проявляет должного внимания к жизни с ее социальными конфликтами и потрясениями и, наряду с театром абсурда и абстрактной живописью, отрицает «общественную значимость искусства».

В поле зрения советских критиков попадают и другие направления западного неоавангарда: «театр абсурда» [Фрид, 1960], немецкий [Головин, 1964] и даже бразильский конкретизм [Тертерян, 1965], однако ни одно из них не удостоивается такого исследовательского внимания – и такой суровой критики, – как эксперименты «новых романистов». Впрочем, даже в условиях жесткой идеологической детерминированности советская рецепция французского неоавангарда оказывается не столь однозначной, как представляется на первый взгляд. Так, сугубо критическую статью С. Великовского «На холостом ходу» [Великовский, 1963], в которой анализируется содержание таких образцов «нового романа», как «Планетарий» Н. Саррот, «В лабиринте» А. Роб-Грийе и «Ступени» М. Бютора, можно рассматривать как идеологическое «прикрытие» для публикации в том же номере фрагментов этих произведений (в переводе М. Ваксмахера). В примечании к переводу редакция журнала предлагает считать эти фрагменты своего рода иллюстрациями, демонстрирующими «социальную узость» и

однообразие художественных приемов школы «нового романа», однако можно предположить, что это не главное или, во всяком случае, не единственное соображение, которым руководствовались редакторы и переводчики. По тому же принципу Головин в статье о немецкой конкретной поэзии обвиняет молодых авторов в «аполитичности и асоциальности», дегуманизации, стремлении вытравить из поэзии «всё поэтическое», «всё, имеющее отношение к человеку» [Головин, 1964, с. 201], однако в то же время подробно анализирует поэтику конкретизма, а главное – за статьей в качестве «литературных иллюстраций» следует целая подборка конкретной поэзии в переводах самого Головина. В 1966 году в «Иностранной литературе» в той же рубрике «Литературные иллюстрации» выходит пьеса «В ожидании Годо» (в переводе М. Богословской), которая должна познакомить читателей журнала с одним из направлений, которые определяют «духовный климат современного Запада». Вступительная статья А. Елистратовой традиционно порицает «театр абсурда» и, в частности, пьесу Беккета, за оторванность от жизненных реалий и пессимизм, утверждение «извечной, унижительной и непреодолимой бессмысленности человеческого бытия» [Елистратова, 1966, с. 161]. Сам факт публикации подобных экспериментальных текстов свидетельствует о начавшейся легитимации некоторых неоавангардных течений и отдельных авторов, которые получают «пропуск» на страницы советской прессы.

Во второй половине 1960-х этот процесс становится еще более заметным: на смену огульному отрицанию всего «нереалистического» искусства как декадентского и реакционного постепенно приходит стремление обнаружить хотя бы в некоторых экспериментальных произведениях специфический реализм, далекий от «традиционного» мимесиса, но всё же сохраняющий связь с социальной реальностью. Ярким примером подобной либерализации служит статья в «Иностранной литературе», значительная часть которой представляет собой изложение беседы с М. Бютором: полемизируя с французским писателем по ряду вопросов, редакция журнала впервые выделяет Бютора из ряда авторов «нового романа», утверждая, что, в отличие от его коллег (Роб-Грийе, Саррот, Ф. Соллерса), «ему чужды свойственные остальным «неороманистам» стремления к «дегуманизации» повествования <...> чужды ему и попытки создать некую «стерильную» литературу, непричастную к истории общества и социальным преобразованиям» [Сторонники и противники, 1967, с. 254]. Годом позже в «Новом мире» публикуется роман Н. Саррот «Золотые плоды» в переводе Р. Райт-Ковалевой с послесловием В. Лакшина, в котором критик делает акцент не на

формальной усложненности романа, а на точности изображения литературной среды, остроумном и тщательном анализе механизма формирования «общепринятых» эстетических оценок – всем том, что, по его мнению, связывает «новый роман» с «широким миром человеческих интересов, социальных и нравственных идей, всегда занимавших внимание великих романистов прошлого» [Лакшин, 1968, с. 172]. В 1970 году в «Иностранной литературе» публикуется перевод романа М. Бютора «Изменение» (пер. С. Тархановой и Ю. Яхниной), причем автор послесловия к публикации, отмечая экспериментальную форму романа, одновременно признает, что «при вдумчивом подходе» в нем обнаруживается «определенное социально-критическое содержание» [Мотылева, 1970, с. 100].

Сдвиги, наиболее отчетливо проявившиеся на рубеже 1960–1970-х годов в рецепции «нового романа» (в силу большого числа посвященных ему публикаций), касаются и отношения к авангарду в целом. Так, критик Д. Затонский, который еще в середине 1960-х яростно клеймил «модернистов», в 1970 году упоминает Джойса, Беккета и Бютора в одном ряду с Фолкнером, Хэмингуэем, Апдайком, Бёллем и Фришем, Кальвино и Пратolini, осторожно утверждая, что на основании одних лишь формальных признаков (экспериментальных техник письма) «всех названных писателей <...> нелегитимно исключить из сферы реализма, как поступали и даже сегодня еще поступают некоторые сторонники крайностей», хотя реализм этот далек от «унылой натуралистической описательности» [Затонский, 1970, с. 206–208]. Правда, подобное расширение понятия реализма не помещало критику объявить того же Беккета автором «декадентского», «больного» мифа, не отображающего действительность, а лишь искажающего ее (там же, с. 209). В конце 1960-х – начале 1970-х годов советская критика остается в рамках марксистского метода, но ее представление о реализме расширяется, как и круг зарубежных авторов, допущенных на страницы журналов, – причем не в качестве иллюстраций к утверждениям о кризисе капиталистического общества, а, напротив, как доказательство наличия в западной культуре «здоровых» сил. Это, впрочем, не означает, что авангард как таковой подвергается радикальной переоценке: на рубеже 1960–1970-х годов появляется целый ряд публикаций с резкой критикой авангардного искусства, причем в этот период критика «нового романа» и других экспериментальных течений нередко сопровождается выпадами в адрес «новых левых», а к традиционному списку обвинений добавляются упреки в маоизме,

анархизме и левацком экстремизме – эхо студенческих протестов конца 1960-х.

ИТАЛЬЯНСКИЙ НЕОАВАНГАРД («ГРУППА 63») В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ

Тот же путь, что и «новый роман», проходит в советской рецепции и итальянский неоавангард – явление, периферийное для мирового литературного процесса, но оказавшееся неожиданно значимым для советского культурного контекста, благодаря усилиям группы переводчиков и исследователей-итальянистов (Ц. Кин, Г. Брейтбурда, Е. Солоновича, Л. Вершинина и др.). Течение, сложившееся в середине 1950-х годов вокруг журнала «Верри» («Il Verri»), долгое время не привлекало внимания советской критики, однако его институциональное оформление в виде «Группы 63», названной по году своего основания, вызвало ряд достаточно оперативных откликов. Уже январе 1964 года в «Иностранной литературе» появляется новостная заметка, в откровенно ироническом ключе сообщающая о съезде «группы молодых – и не слишком молодых – итальянских писателей-модернистов» [Группа 63, 1964]. Несмотря на свой критический тон и ограниченность взгляда, именно эта короткая заметка открывает итальянскому неоавангарду дорогу в советское культурное пространство.

В последующие годы появляется целый ряд публикаций о «Группе 63»¹. В статье Ц. Кин 1966 года [Кин, 1966] впервые приводится ряд подробностей, касающихся истории итальянского неоавангарда, анализируется полемика внутри группы по ключевым вопросам отношения к идеологии, реализму и культурной традиции. В то же время в статье звучат привычные, давно ставшие штампами критические аргументы – медийный, рекламный характер деятельности группы, отсутствие единства взглядов, отказ от идеологической ангажированности (*impreghno*) и нападки на писателей-реалистов (в итальянском контексте – прежде всего, неореалистов, которых советская критика в тот период считала наиболее «прогрессивными» среди итальянских авторов). Самая эмоциональная часть статьи посвящена художественной практике – неоавангардной прозе и драматургии, которые вызывают у исследовательницы резкое неприятие и описываются как трудные для понимания, малохудожественные, порой откровенно непристойные тексты. И всё же,

¹Итальянский неоавангард, наряду с «новым романом», упоминается, в частности, в статье итальянистки Цецилии Кин «Вопросы анкеты и вопросы жизни» [Кин, 1964] и в «Мыслях об итальянском романе» итальянского слависта Витторио Страда [Страда, 1965], опубликованных в рамках дискуссии о настоящем и будущем романа.

при всей своей несомненной тенденциозности, статья Ц. Кин является важным этапом в советской рецепции итальянского авангарда: исследовательница не только публикует новые для советского читателя сведения о «Группе 63», но и, несмотря на откровенно критическую интонацию, признает, что среди неоавангардистов есть интересные и талантливые авторы, способные внести вклад в обновление итальянского художественного языка. Возможно, не случайно в том же году в «Новом мире» в переводе Е. Солоновича будет опубликовано одно из стихотворений неоавангардиста Э. Сангвинети [Сангвинети, 1966], а осенью 1966 года поэт вместе с несколькими другими итальянскими литераторами примет участие в международной встрече писателей, состоявшейся в Грузии по случаю 800-летнего юбилея Ш. Руставели¹.

Впрочем, подобное внимание к фигуре Сангвинети еще не означает коренного перелома в отношении к «Группе 63», о чем красноречиво свидетельствует статья переводчика Г. Брейтбурда в «Новом мире» (1967 г.) [Брейтбурд, 1967], которая не только становится самым информативным на тот момент советским материалом о данном течении, но и вызывает живой отклик среди итальянских критиков и литературоведов, положив начало широкой дискуссии, в которой принимают участие и сами члены «Группы 63»². По тону и содержанию эта публикация перекликается со статьей Ц. Кин 1966 года, повторяя привычный набор критических тезисов, а в некоторых отношениях оказывается еще более тенденциозной: так, Брейтбурд в полемических целях сосредоточивает свое внимание на одной проблеме – отношении неоавангарда к идеологии, утверждая,

что «для большинства представителей неоавангарда характерно вообще отрицание какой-либо роли идеологии в искусстве и литературе» [Брейтбурд, 1967, с. 221] и, таким образом, сводя к одной точке зрения весь спектр позиций, сосуществовавших и обсуждавшихся в рамках «Группы 63». Базовая установка неоавангарда (даже в его самой радикальной трактовке) вовсе не предполагает чистого экспериментаторства ради экспериментаторства. Неоавангард ставит перед собой практическую задачу, основанную на представлении о преимущественно языковом характере реальности, на восприятии мира как текста. Целью «формальных» экспериментов является воздействие на сознание (и подсознание) читателя, радикальная трансформация языка предполагает подрыв привычных моделей мышления, разрушение установок и мифов, а значит, и господствующей идеологии. Как справедливо отмечают А. Азор Роза и А. Абрुццезе, «...отличительной чертой, общей для всех членов группы, с самого начала была убежденность, что между идеологией и языком существует взаимосвязь настолько тесная, что она должна ясно проявляться и декларироваться в любой момент, и что в конечном счете изменения идеологии – это то же самое, что изменения языка» («...il tratto caratterizzante comune per tutti gli aderenti al gruppo poté all'inizio esser rappresentato dal convincimento che fra ideologia e linguaggio esiste una interrelazione così stretta da dover essere in ogni momento palese e dichiarata e che, in ultima analisi, le trasformazioni dell'ideologia sono, in arte, trasformazioni del linguaggio») [Asor Rosa, Abruzzese, 1981, с. 813]. При этом статья содержит ценные, ранее не публиковавшиеся на русском языке сведения об авторах и текстах итальянского неоавангарда, о теоретических трудах группы, а также включает в себя авторские переводы нескольких поэтических и драматических фрагментов (получающих, впрочем, резко негативную оценку).

Впоследствии в статьях и рецензиях Брейтбурд неоднократно позволяет себе критические выпады в адрес «Группы 63», но сдвиг, произошедший во второй половине 1960-х в советской рецепции неоавангарда, затрагивает и его. Несмотря на откровенную неприязнь к авангардному искусству (по всей видимости, связанную не только с идеологическими соображениями, но и с личными эстетическими пристрастиями), в публикации 1968 года – обзоре дискуссии о литературе и массовом обществе, развернувшейся в журнале «Ринашита» с участием представителей «Группы 63» [Брейтбурд, 1968], – Брейтбурд внимательно и доброжелательно излагает позиции неоавангардистов Э. Пальярани и Э. Сангвинети. Незадолго до этого в том же журнале выходит посвященная неоавангарду часть обзорной

¹Материалы дискуссии под заглавием «Споры о поэзии нашего времени» опубликованы в «Иностранной литературе», выступление Сангвинети см. в [Споры о поэзии нашего времени, 1967, с. 212–213]. Сангвинети был убежденным марксистом и членом итальянской Компартии, но в то же время – и одним из самых активных и известных членов «Группы 63»: вероятно, свою роль в его приглашении в СССР сыграли оба фактора.

²Полный перевод статьи Брейтбурда был опубликован в первом номере неоавангардного журнала «Квиндичи» («Quindici», июнь 1967 года), на протяжении нескольких месяцев продолжалось ее обсуждение в прессе с участием целого ряда авторитетных критиков разной политической ориентации, главным образом, в коммунистической прессе – газете «Унита» («L'Unità») и журнале «Ринашита» («Rinascita»), хотя отдельные отклики появлялись и в центристском «Мессаджеро» («Il Messaggero»), и в правоцентристской «Дискуссьоне» («La Discussione»). Тот факт, что именно данная статья спровоцировала столь бурную полемику, наглядно свидетельствует об авторитете, которым пользовался среди западных левых интеллектуалов журнал «Новый мир» (столь же тенденциозные статьи в «Иностранной литературе», посвященные той же теме, не получили сравнимого отклика). Свою роль, очевидно, сыграл и авторитет самого Брейтбурда, который на тот момент являлся консультантом Иностранной комиссии Союза писателей СССР и одной из ключевых фигур в организации советско-итальянских культурных контактов.

статьи И. Н. Голенищева-Кутузова об итальянской поэзии XX века [Голенищев-Кутузов, 1968], в которой некоторая ироничность тона компенсируется вдумчивостью и вниманием к теоретическим дискуссиям «Группы 63». В конце 1968 года Е. Амбарцумов в рецензии на книгу Ц. Кин «Миф, реальность, литература» [Кин, 1968] в которую, среди прочего, вошел и переработанный вариант статьи «Литературная алхимия», справедливо отмечает однобокость ее взгляда: «...при чтении книги возникает впечатление, что этой школе начисто чуждо ощущение *impregnò*. Однако это упрощение <...> „неоавангард“ не столько отбрасывает *impregnò*, сколько переосмысливает его, благодаря чему это понятие может наполниться (или дополниться) новым содержанием» [Амбарцумов, 1968]. Едва ли спокойная и почти доброжелательная интонация этих статей в «Вопросах литературы» объясняется одним лишь научным характером журнала: скорее можно говорить о том, что статьи в «Иностранной литературе» и, особенно, в «Новом мире», при всей их ангажированности, самим фактом своего появления служат легитимации итальянского неоавангарда, делают возможным его взвешенное обсуждение – так же, как ранее это произошло с «новым романом». После этих публикаций писатели-неоавангардисты начинают упоминаться в советской критике чаще, чем прежде – и не всегда в негативном ключе. Так, в новостной заметке 1968 года члены «Группы 63» Э. Сангвинети и У. Эко оказываются в числе «виднейших» деятелей культуры, подписавших призыв к итальянской интеллигенции голосовать за коммунистов на выборах в парламент [Призыв деятелей культуры, 1968], а в 1970 году в «Иностранной литературе» публикуется доброжелательная рецензия на антологию итальянской лирики XX века [Итальянская лирика. XX век, 1968], где наряду со стандартной критикой «Группы 63» звучит похвала в адрес отдельных ее участников, не желающих более «замыкаться в экспериментах чистой формы» [Левик, 1970, с. 264].

В 1968 году «Группа 63» распадается, и итальянский неоавангард фактически перестает существовать как целостное течение. Эта перемена находит свое отражение и в статьях советских критиков: начиная с 1970-х годов в большинстве публикаций о современной итальянской литературе неоавангард либо не упоминается вовсе, либо характеризуется как «пройденный этап», феномен, принадлежащий прошлому. Но можно предположить, что просуществовав это направление чуть дольше, его ожидала бы та же судьба, что и французский «новый роман» – несмотря на продолжающуюся критику, неоавангардная проза и поэзия начала бы всё активнее переводиться и публиковаться на страницах литературных журналов. Вероятно, именно

распад «Группы 63» приводит к тому, что итальянский неоавангард вскоре оказывается фактически предан забвению. Одной из немногих публикаций неоавангардных произведений в советской прессе становится перевод романа Л. Малербы «Сальто мортале» («*Salto mortale*», 1968) в «Иностранной литературе» (1976, №5) – в рубрике «Литературные иллюстрации», специально предназначенной для произведений, демонстрирующих кризис буржуазной культуры. Роман (в русском переводе – повесть) создавался одним из самых активных участников «Группы 63» в разгар неоавангардных дискуссий, однако – показательный факт – Ц. Кин в своем весьма доброжелательном послесловии к переводу [Кин, 1976] прямо отрицает принадлежность автора к неоавангарду, предпочитая сосредоточиться на социокритическом пафосе текста, а все формальные эксперименты связывая исключительно с индивидуальными творческими поисками. В дальнейшем, на протяжении 1970–1980-х годов, единичные краткие упоминания «Группы 63» и ее членов встречаются лишь в немногочисленных статьях Ц. Кин, что никак не меняет общей ситуации: в отличие от «нового романа», достаточно широко представленного на русском языке, в частности, стараниями советских переводчиков, итальянский неоавангард, пережив краткий период относительной известности на рубеже 1960–1970-х годов, сегодня практически неизвестен широкому читателю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере двух неоавангардных течений, привлекавших наиболее пристальное внимание советских критиков в 1960–1970-е годы, – французского «нового романа» и итальянской «Группы 63» – мы прослеживаем общую тенденцию развития советской рецепции зарубежного неоавангарда. При неизменно негативном отношении к экспериментальной литературе как таковой, обусловленном политическими причинами – идеологической борьбой с Западом в эпоху холодной войны, – во второй половине 1960-х годов наблюдается некоторое смягчение отношения к отдельным неоавангардным авторам и целым течениям. Так, именно в этот период начинают переводиться и публиковаться в «Иностранной литературе» образцы «нового романа» (сначала – в рубрике «Литературные иллюстрации», наглядно демонстрирующей кризис западной культуры), появляются умеренно позитивные отклики в прессе. Если ранее «новый роман», как и неоавангард в целом, обвиняли в бессодержательном экспериментаторстве, дегуманизации искусства, оторванности от реальной жизни с ее конфликтами и борьбой,

то с середины 1960-х в некоторых текстах «нео-романистов» обнаруживаются социокритические смыслы, что до некоторой степени реабилитирует «новый роман» в глазах советской критики.

Тем же путем с некоторым запозданием идет и итальянская неоавангардная «Группа 63», которую поначалу также резко и не вполне справедливо критикуют за «формализм», идеологичность, презрение к читателю и одновременно – потакание низменным вкусам публики. По сравнению с французским «новым романом», освоение итальянского неоавангарда в советской печати начинается несколькими годами позже, и этап «либерализации» по отношению к «Группе 63» начинается только в конце 1960-х. Роковым образом, именно в этот период группа распадается, и итальянский неоавангард утрачивает актуальность и уходит в

прошлое, не успев до конца пройти путь «легитимации» в советской прессе. В результате, если «новый роман» представлен на русском языке внушительным корпусом текстов, то проза и поэзия итальянского неоавангарда, за редчайшими исключениями, практически не переводятся и не публикуются – ни в СССР, ни в период издательского бума эпохи «перестройки», ни в современной России. Парадоксальным образом, идеологическая борьба против «Группы 63» на страницах советской прессы способствует популяризации итальянского неоавангарда, в то время как прекращение этой борьбы вскоре приводит к фактическому забвению обширных пластов экспериментальной итальянской литературы, которые в настоящее время остаются достоянием узкого круга специалистов-филологов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Амбарцумов Е. Италия: политика сквозь призму литературы // Вопросы литературы. 1968. № 12. С. 186–192. URL: <https://voplit.ru/article/italiya-politika-skvoz-prizmu-literatury/>
2. Андреев Л. Г. Куда же идет французская литература? // Вопросы литературы. 1964. № 2. С. 127–134
3. Балашова Т. В. Споры о «новом романе» // Вопросы литературы. 1963. № 12. С. 96–112
4. Бирюков С. Е. Грани неоавангарда: действующие лица, институции, группы, издания, презентации и т. д. // Имидж, диалог, эксперимент – поля современной русской поэзии. Мюнхен, Берлин, Вашингтон: Verlag Otto Sagner, 2013. С. 65–76.
5. Боров Ю. Модернизм, человек, разум // Вопросы литературы. 1963. № 3. С. 64–77
6. Брейтбурд Г. «Для кого мы пишем» // Вопросы литературы. 1968. № 7. С. 153–160.
7. Брейтбурд Г. С. Итальянский «новый авангард» // Новый мир. № 3. 1967. С. 220–236.
8. Великовский С. На холостом ходу. Иностранная литература. 1963. № 1. С. 176–191
9. Великовский С. Приглашение поразмыслить (К проблеме «отчуждения») // Вопросы литературы. 1965. № 9. С. 166–189.
10. Великовский С. И. Разрушение романа (о «новой школе» французской прозы) // Иностранная литература. 1959. № 1. С. 175–185.
11. Голенищев-Кутузов И. Н. От сумеречников к неоавангардистам (Итальянская поэзия XX века) // Вопросы литературы. 1968. № 6. С. 82–109
12. Головин Е. Лирика «модерн» // Иностранная литература. 1964. № 7. С. 196–202
13. Группа 63 // Иностранная литература. 1964. № 1. С. 279–280.
14. Елистратова А. Трагикомедия Беккета «В ожидании Годо» // Иностранная литература. 1966. № 10. С. 160–165.
15. Затонский Д. Зеркала искусства // Иностранная литература. 1970. № 9. С. 201–211
16. Итальянская лирика. XX век / сост. Е. Солонович, предисловие А. Суркова. М.: Прогресс, 1968
17. Кин Ц. Вопросы анкеты и вопросы жизни // Новый мир. 1964. № 10. С. 183–191
18. Кин Ц. Литературная алхимия // Иностранная литература. 1966. № 1. С. 199–208.
19. Кин Ц. Миф, реальность, литература. М.: Советский писатель, 1968.
20. Кин Ц. О повести «Сальто-мортале» // Иностранная литература. 1976. № 5. С. 153–155.
21. Кузнецов М. О путях развития современного романа. Новый мир. 1960. № 2. С. 227–250
22. Лакшин В. Физиология успеха // Новый мир. 1968. № 4. С. 169–173
23. Левик В. Поэты современной Италии // Иностранная литература. 1970. № 2. С. 262–264
24. Мотылева Т. Что же изменилось? // Иностранная литература. 1970. № 9. С. 100–102.
25. Настоящее и будущее романа // Иностранная литература. 1964. № 6. С. 198–217.
26. Призыв деятелей культуры // Иностранная литература. 1968. № 8. С. 279–280
27. Сангвинети Э. Ну поплачь, поплачь... // Новый мир. 1966. № 9. С. 186.

28. Соколова О. В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019.
29. Споры о поэзии нашего времени // Иностранная литература. 1967. № 2. С. 198–236
30. Сторонники и противники // Иностранная литература. 1967. № 4. С. 254–257
31. Страда В. Мысли об итальянском романе // Иностранная литература. 1965. № 9. С. 240–247
32. Сучков Б. К спорам о реализме // Иностранная литература. 1965. № 1. С. 176–190.
33. Тертерян. И. Что такое «конкретная поэзия»? // Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 115–117
34. Трущенко Е. Роб-Грийе ищет точки опоры. Новый мир. 1962. № 7. С. 218–221
35. Фрид Я. Фарсы-кошмары Эжена Ионеско // Иностранная литература. 1960. № 6. С. 186–197
36. Шкунаева И. Новейшая «алитература» // Новый мир. 1959. № 3. С. 198–205
37. Asor Rosa A., Abruzzese A. Cultura e società del Novecento: Antologia della letteratura italiana. Firenze: La Nuova Italia, 1981.

REFERENCES

1. Ambartsumov, E. (1968). Italy: politics through the prism of literature. Italiia: politika skvoz' prizmu literatury. Voprosy literatury, 12, 186–192. <https://voplit.ru/article/italiya-politika-skvoz-prizmu-literatury>. (In Russ.)
2. Andreev, L. G. (1964). Where is French literature going? Voprosy literatury, 2, 127–134. (In Russ.)
3. Balashova, T. V. (1963). Discussions about the Nouveau roman. Voprosy literatury, 12, 96–112. (In Russ.)
4. Birjukov, S. E. (2013). Grani neoavangarda: deystviyushchiye litsa, institutsii, gruppy, izdaniya, prezentatsii i t. d. = The Facets of Neo-Avant-Garde: Characters, Institutions, Groups, Periodicals etc. // Imidzh, dialog, jeksperiment – polja sovremennoj russkoj poezii (p. 65–76). München, Berlin, Washington: Verlag Otto Sagner. (In Russ.)
5. Borev, Iu. (1963). Modernism, man, intellect. Voprosy literatury, 3, 64–77. (In Russ.)
6. Breitburd, G. (1968). «For whom do we write». Voprosy literatury, 7, 153–160. (In Russ.)
7. Breitburd, G. (1967). Italian «New Avant-Garde». Novyi mir, 3, 220–236. (In Russ.)
8. Velikovskii, S. (1963). Idle running. Inostrannaia literatura, 1, 176–191. (In Russ.)
9. Velikovskii, S. (1965). An invitation to think (the problem of «alienation»). Voprosy literatury, 9, 166–189. (In Russ.)
10. Velikovskii, S. I. (1959). The destruction of the novel (about the «new school» of French prose). Inostrannaia literatura, 1, 175–185. (In Russ.)
11. Golenishchev-Kutuzov, I. N. (1968). From Crepuscolari to Neo-Avant-Garde (Italian poetry of the 20th century). Voprosy literatury, 6, 82–109. (In Russ.)
12. Golovin, E. (1964). The «modern» poetry. Inostrannaia literatura, 7, 196–202. (In Russ.)
13. Group 63 (1964). Inostrannaia literatura, 1, 279–280. (In Russ.)
14. Elistratova, A. (1966). Bekket's tragicomedy «Waiting for Godot». Inostrannaia literatura, 10, 160–165. (In Russ.)
15. Zatonskii, D. (1970). The mirrors of art. Inostrannaia literatura, 9, 201–211. (In Russ.)
16. Solonovich, E. (ed.) (1968). Ital'ianskaia lirika. 20 vek = Italian Poetry. 20th Century. Moscow: Progress. (In Russ.)
17. Kin, Ts. (1964). Questions of a questionnaire and questions of life. Novyi mir, 10, 183–191. (In Russ.)
18. Kin, Ts. (1966). Literary alchemy. Inostrannaia literatura, 1, 199–208. (In Russ.)
19. Kin, Ts. (1968). Mif, real'nost', literatura = Myth, Reality, Literature. Moscow: Sovetskii pisatel'. (In Russ.)
20. Kin, Ts. (1976). About the novel "Salto Mortale". Inostrannaia literatura, 5, 153–155. (In Russ.)
21. Kuznetsov, M. (1960). The ways of development of the modern novel. Novyi mir, 2, 227–250. (In Russ.)
22. Lakshin, V. (1968). Physiology of success. Novyi mir, 4, 169–173. (In Russ.)
23. Levik, V. (1970). Poets of modern Italy. Inostrannaia literatura, 2, 262–264. (In Russ.)
24. Motyleva, T. (1970). What has changed? Inostrannaia literatura, 9, 100–102. (In Russ.)
25. The present and future of the novel (1964). Inostrannaia literatura, 6, 198–217. (In Russ.)
26. The appeal of artists (1968). Inostrannaia literatura, 8, 279–280. (In Russ.)
27. Sanguineti, E. (1966). Piangi piangi. Novyi mir, 9, 186. (In Russ.)
28. Sokolova, O. V. (2019). Ot avangarda k neoavangardu: jazyk, subektivnost', kul'turnye perenosy = From Avant-Garde to Neo-Avant-Garde: Language, Subjectivity, Cultural Transfers. Moscow: Kul'turnaja revoljucija. (In Russ.)
29. Discussions on the poetry of our time (1967). Inostrannaia literatura, 2, 198–236. (In Russ.)
30. Supporters and adversaries (1967). Inostrannaia literatura, 4, 254–257. (In Russ.)
31. Strada, V. (1965). Thoughts about Italian novel. Inostrannaia literatura, 9, 240–247. (In Russ.)
32. Suchkov, B. (1965). Discussions on Realism. Inostrannaia literatura, 1, 176–190. (In Russ.)
33. Terterian, I. (1965). What is «Concrete poetry»? Voprosy literatury, 5, 115–117. (In Russ.)

34. Trushchenko, E. (1962). Robbe-Grillet looking for reference points. *Novyi mir*, 7, 218–221. (In Russ.)
35. Frid, Ia. (1960). Nightmare farces by Eugène Ionesco. *Inostrannaia literatura*, 6, 186–197. (In Russ.)
36. Shkunaeva, I. (1959). The newest «aliterature». *Novyi mir*, 3, 198–205. (In Russ.)
37. Asor Rosa, A., Abruzzese, A. (1981). *Cultura e societa del Novecento: Antologia della letteratura italiana*. Firenze: La Nuova Italia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голубцова Анастасия Викторовна

кандидат филологических наук

старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького

Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Golubtsova Anastasia Viktorovna

PhD (Philology)

Senior Research Fellow at A. M. Gorky Institute of World Literature

of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	20.11.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.12.2023	approved after reviewing
принята к публикации	22.01.2024	accepted for publication

Хронотопическая структура романов «Роквиллары» А. Бордо и «Огонь» А. Барбюса

А. В. Царева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
a.v.tsareva@linguanet.ru

Аннотация. В статье проводится анализ хронотопической структуры романов Анри Бордо «Роквиллары» и Анри Барбюса «Огонь», ее роли в формировании поэтики авторов посредством сравнительно-типологического и культурно-исторического методов анализа. Ставятся вопросы о дихотомическом характере пространства в романах, о характере влияния хронотопической структуры на формирование системы образов, в частности, на создание коррелятивной пары «индивидуальное – коллективное».

Ключевые слова: Анри Бордо, Анри Барбюс, хронотоп, коррелятивная пара, коллективное, индивидуальное

Для цитирования: Царева А. В. Хронотопическая структура романов «Роквиллары» А. Бордо и «Огонь» А. Барбюса // Вестник Московского гуманитарного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 2 (883). С. 143–149.

Original article

Chronotopic Structure of the Novels «Les Roquevillard» by A. Bordeaux and «Le Feu» by A. Barbusse

Anastasia V. Tsareva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
a.v.tsareva@linguanet.ru

Abstract. The article analyzes the chronotopic structure of the novels by Henri Bordeaux “Les Roquevillard” and Henri Barbusse “Le Feu” and its role in the formation of their poetics with the help of comparative-typological, cultural-historical methods of analysis. The article poses questions concerning the dichotomous nature of space in novels under study as well as the nature of the influence of the chronotopic structure on the formation of the system of images of the novels – particularly on the creation of the correlative pair “individual - collective”.

Keywords: Henri Bordeaux, Henri Barbusse, chronotope, correlative pair, collective, individual

For citation: Tsareva, A. V. (2024). Chronotopic structure of the novels “Les Roquevillard” by A. Bordeaux and “Le Feu” by A. Barbusse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 143–149.

ВВЕДЕНИЕ

Первое десятилетие XX века ознаменовано обострением ценностного и нравственно-этического кризиса, вытекающим из него кризисом традиционных художественных средств и потребностью в их обновлении. В данном ключе результативным кажется обращение к жанру романа, изыскивающему, хоть и в менее экспериментальной форме, чем поэзия того же времени, новые подходы к решению возникших проблем.

Исследование опирается на анализ творчества французских авторов первой половины XX века Анри Бордо (1870–1963) и Анри Барбюса (1873–1935), – в частности, романов «Роквиллары»¹ (1906, *Les Roquevillard*) А. Бордо и «Огонь» (1916, *Le Feu*) А. Барбюса.

Основанием для сопоставления рассматриваемых романов является их хронологическая и жанрово-тематическая близость. Ключевой особенностью, обосновывающей сопоставление, можно назвать близость их проблематики, а также сходство художественных средств, применяемых авторами для решения поставленных проблем.

Одним из таких средств становится обращение к категории хронотопа как категории смыслообразующей и влияющей на формирование центрального конфликта романов – конфликта между индивидуальным и коллективным. В обоих текстах присутствует ярко выраженная хронотопическая структура: сильнейшая взаимосвязь категорий пространства и времени присутствует как в романе А. Бордо, где речь идет о пространстве города и провинции и их взаимосвязи с проблемой индивидуальной смерти и категорией временной протяженности индивидуального образа за пределами самого себя – в образе коллективном, так и в романе А. Барбюса, где речь идет о пространствах войны и мира, существующих в разных замкнутых временных парадигмах. Анализ хронотопической структуры романов, ее роли в формировании поэтики авторов, а также характера ее влияния на формирование системы образов рассматриваемых романов составляет предмет исследования в данной статье.

Проблема хронотопической организации в романах авторов напрямую связана с поиском решения наиболее актуальных для эпохи эстетико-философских проблем – проблемы семейной и национальной идентичности, проблемы кризиса религии, проблемы смерти Бога и вытекающей из нее потерявшей прежнее религиозное решение проблемы индивидуальной смерти.

¹ Данный роман не выходил в переводе на русский язык, приводится буквальный перевод названия. – А.Ц.

Недостаточность одного человека, потеря субъектности индивидом в культурно-историческом процессе и необходимость перехода на более широкий уровень, к новой минимальной единице – коллективу того или иного рода – является одним из основных мотивов в произведениях обоих авторов.

В романе Бордо таким коллективом становится семья, более того, автор неоднократно в своем творчестве обращается именно к семье как к минимальной единице повествования, что дает основание предположить, что именно в семейности Бордо видит средство переобретения субъектности.

Для Барбюса в исследуемом романе минимальной единицей повествования становится коллектив военный, однако нельзя сказать, что это та условно минимальная единица, которую он готов взять за образец. Отряд – единица ангажированная, существующая в военном контексте, переход к которой является вынужденным. При переходе от индивидуального к коллективному в романе Барбюса происходит не умеренное слияние образов, как в романе Бордо, а подавление образа индивидуального, его разложение, отчуждение от категории человеческого как таковой. Можно предположить, что в тексте Барбюса больший акцент делается именно на отказе от индивидуального, чем на переходе к коллективному.

ХРОНОТОПИЧЕСКАЯ ДИХОТОМИЯ РОМАНОВ

Исследуемые романы А. Бордо и А. Барбюса характеризуются квазиполярным противопоставлением образов индивидуального и коллективного. Дихотомия системы образов напрямую связана с дихотомическим характером хронотопа романов – в обоих случаях происходит наделение внутреннего мира текста очень четкими пространственными характеристиками, связанными с принадлежностью того или иного локуса к полюсам пары «индивидуальное – коллективное». Но также и противоположным образом – и в романе Барбюса, и в романе Бордо образы коллективный и индивидуальный имеют конкретную хронотопическую привязку – в романах присутствует взаимовлияние хронотопической структуры и системы образов.

В романе А. Бордо проблема пространственности логически вытекает из дихотомического характера мира текста: при становлении конфликта между образами индивидуального и семейного автор задает пространственную локализацию каждому из полюсов. Эгоцентрический индивидуализм 1) всегда существует без привязки к конкретному месту, 2) всегда находится в пространстве условной столицы, 3) не имеет временной протяженности за

пределами себя самого – смерть индивида абсолютна. Напротив, семейность 1) имеет абсолютную пространственную привязку – всегда принадлежит пространству провинции, и, более того, 2) непременно существует в пространстве дома, 3) обладает потенциально бесконечной временной протяженностью.

Образ столицы, или образ города, играет ключевую роль в подавляющем большинстве романов А. Бордо. Противостояние дома и города, провинции и столицы является одним из центральных конфликтов в романах «La robe de laine» и «Les Roquevillard». Данный конфликт выходит за рамки образов дома и города и глубоко проникает в построение образной системы романов, определяет ее через принадлежность к полюсам семейности и индивидуальности, которые также можно определить как полюса космоса и хаоса, традиционализма и модернизма.

Ж. Ферша прямо указывает на связь лихорадки индивидуализма, современной Бордо, и переездов в большие города. Что примечательно, ключевым в данном действии является не момент приезда в большой город, в столицу, но момент отъезда из родного дома, отрыв от семьи:

...cet égoïsme né d'un isolement temporaire fait naître le besoin d'un isolement définitif [Ferchat, 1912, с. 157] / ...эгоизм, рожденный из временного удаления, рождает потребность в удалении окончательном¹.

В исследуемом романе Бордо прослеживаются пространственные оппозиции «дом – город» и «дом – дорога». В первой ярко воплощается противостояние города и провинции: зачастую дом как центральное место повествования в романах Бордо – это не городская квартира, а провинциальное, «пасторальное» поместье, часто многоуровневое, причем речь идет об уровнях как вертикальных, так и горизонтальных – дом в представлении Бордо всегда очень развит пространственно, имеет свои составляющие, различные комнаты и этажи, чердак и подвал, – очень часто в текстах присутствует также и прилегающая к нему территория, которая также непременно относится к пространству дома.

Во второй пространственной оппозиции «дом – дорога» воплощается мотив бунтарского путешествия, непокорного ухода из дома, за которым всегда следует момент возвращения в результате смирения, которое настигает ушедшего в его скитаниях по вышеупомянутому, зачастую враждебному пространству города. В результате путешествия

¹Здесь и далее подстрочный перевод наш, если не указано другое. – А.Ц.

бунтарь добровольно возвращается в отчий дом, готовый подчиниться тому укладу, против которого он изначально и восставал – здесь мы можем отметить также и архетип блудного сына.

Данная сюжетная схема прилагается не только к роману «Les Roquevillard», но к ряду романов Бордо, и вектор отношения автора к соотношению сил в антиномической паре «дом – пространство вне дома» находится в динамике, однако же с годами всё больше склоняется в пользу смирения пространству дома, что демонстрирует эволюцию взглядов автора, отчасти связанную с его собственным бунтарским побегом в 16 лет из Савойи в Париж и с вынужденным возвращением в провинцию после смерти отца.

В романе А. Барбюса отмечается ярко выраженная дихотомия пространства войны и пространства мира. Первое является пространством внутренним, заключающим в себе обезличенного повествователя, ослабленные объективированные индивидуальные образы и усиленные, но тоже объективированные коллективные образы. Это пространство условно безвременное (оно оторвано от исторического временного ряда и существует только в бытийном временном ряду, который распадается на ослабленное прошлое и гиперактуализированное настоящее, но фактически не имеет будущего) и условно непокидаемое. Индивидуальный образ существовать только в пространстве мира, прикосновение к которому невозможно из пространства войны. Два пространства оказываются изолированными друг от друга – даже взаимодействуя между собой, герои, принадлежащие к каждому из них, не могут в полной мере соприкоснуться. Герои, живущие в пространстве мира, взаимодействуют с пространством войны очень поверхностно. Одновременно с этим герои, существующие в пространстве войны, уже не могут быстро и безболезненно вернуться к своему индивидуальному образу, потому как всегда в той или иной степени находятся в подчинении образу коллективному.

Отдельно необходимо подчеркнуть полную обособленность пространства войны от категории исторического времени – что особенно примечательно, поскольку речь идет о повествовании изнутри одного из важнейших исторических событий эпохи. Во-первых, в тексте, который пишется в формате дневниковых записей, ни в начале параграфов, ни в начале глав автором не приводятся даты. Черты исторического временного ряда можно встретить только в открывающей главе романа, где сообщается о начале войны, и в заключительной, где после завершающей фразы текста приводится дата: *Декабрь 1915 года (А. Барбюс, Огонь)*. Остальные главы

повествуют о пространстве войны, где временной ряд носит бытийный характер и обозначается автором принципиально иным образом:

Когда мы пошли на войну, в нашем отделении было семнадцать человек. Теперь в нем тоже семнадцать человек после пополнений. Каждый солдат износил уже четыре шинели: одну синюю, три дымчато-голубых, две пары штанов, шесть пар башмаков. Надо считать по два ружья на человека. Запас провианта выдавали нам двадцать три раза (А. Барбюс, *Огонь*).

Можно также говорить об описании времени посредством гиперактуализации настоящего, отрыва себя прошлого от себя настоящего, запертого в безвременном пространстве войны:

Она написала это десять дней тому назад. Вот уж попала пальцем в небо! Теперь не холодно: сегодня отличная погода. Нам не плохо: у нас своя столовка. Раньше мы бедствовали, а теперь нам хорошо (А. Барбюс, *Огонь*).

Человек в контексте войны оторван от абстракции, от хронотопического обобщения своих прошлого, настоящего и будущего как непрерывной линии. Каждый момент воспринимается им отдельно, даже если это момент из его собственного недавнего прошлого – можно предположить, что индивидуальность хронотопического образа заменяет индивидуальность образа личностного. Барбюс также подчеркивает хронотопическую индивидуальность момента в столкновении с коллективным образом: *теперь нам хорошо* (А. Барбюс, *Огонь*).

Наконец, в главе XX автор прямо указывает на то, что война отрезано пространственно и хронологически от всего остального мира и является вещью в себе:

Но звук его голоса заглушается: внезапно над нами, во всю ширину спуска, вспыхивают зловещие огни, раздирая и оглушая воздух страшными взрывами. По всей линии, слева направо, небо мечет снаряды, а земля – взрывы. Ужасающая завеса отделяет нас от мира, отделяет нас от прошлого, от будущего (А. Барбюс, *Огонь*).

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ДОМА

Пространство дома играет ключевую роль в формировании поэтики Бордо: дом представляет собой материальное воплощение, вместилище и пространственную опору семейной памяти, что делает его гарантом преемственности семейных традиций, гарантом сохранения самой семьи.

В романе Бордо через призму восприятия Франсуа Роквиллара, принадлежащего парадигме семейности, пространство дома и придомовой земли приобретает хронотопический характер:

Sur cette terre <...> il ne lisait pas <...> l'histoire des saisons, mais celle de sa famille (H. Bordeaux. *Les Roquevillard*). – В этой земле <...> он читал <...> не историю времен года, но историю своей семьи.

Стоит отдельно отметить, что образ дома в романах Бордо изображается по-разному и от произведения к произведению может менять свою окраску от идиллического, сакрализованного пространства к пространству разоренному и пришедшему в упадок, в последнем случае зачастую присутствует противопоставление разоренного дома дому в его золотой век.

Ж. Ферша в своем исследовании утверждает комплексную составляющую образа дома в творчестве А. Бордо – дом является одновременно отправной и конечной точкой существования семьи как категории, т. е. точкой, в которую всегда можно вернуться, поскольку до тех пор, пока семья продолжает существовать в семейной, а не индивидуально-эгоистической парадигме, она обладает ультимативным умением воссоздать дом и его образное наполнение при его утрате по той или иной причине. Ферша приводит в качестве примера эволюцию восприятия образа дома отцом семейства Роквилларов на протяжении развития конфликта романа. Именно Франсуа Роквиллару тяжелее всего дается решение о продаже дома ради спасения чести семьи, поскольку именно в его восприятии дом является не просто помещением для жилья, но физическим воплощением истории его семьи. Более того, дом, как утверждает Ж. Ферша, является гарантом сохранения семьи Роквилларов во времени, – как сохранения их прошлой истории в настоящем, так и обеспечения продолжительности семьи в будущем.

Дом таким образом обладает не только пространственной, но и временной принадлежностью, и является для поэтики Бордо ультимативной хронотопической координатой – он является исходной точкой для каждого члена семьи, существующего в собственно семейной парадигме, но одновременно с этим он априори является и внепространственной конечной точкой, поскольку, как утверждает Ферша, опираясь на текст романа, образ дома не привязан неотрывно к конкретному физическому жилищу, это архетипический концепт, обладающий инвариативным ядром и одновременной ликвидностью, т. е. свойственной архетипу адаптацией, и, следовательно, может воспроизводиться бесконечное число раз при соблюдении необходимых условий.

На основе этого можно сделать следующий вывод: речь идет об образе дома как о едином архетипическом понятии, пространственно-временном вместилище не индивидуальной семьи, но образа семьи, – семьи, опять же, в архетипическом значении, в том ключе, в котором семья является вместилищем традиции – основополагающей категории поэтики исследуемого автора.

Ж. Ферша характеризует временную протяженность семьи через понятие «солидарность», утверждая его как одно из ключевых оснований, на котором строится взаимосвязь поколений семейных образов в творчестве А. Бордо: семейная солидарность противостоит эгоистическому индивидуализму и обеспечивает вертикальную преемственность – принятие трудов и традиций предыдущих поколений, обеспечение их сохранности в настоящем и передача их следующим поколениям. Таким образом, задачей семьи является не только сохранение физического пространства дома, но и сохранение временной протяженности, принадлежащей этому пространству.

Одновременно с этим дом является не только следствием семейного благосостояния, но и его причиной – это замкнутый самоподдерживающийся круг, в котором благосостояние семьи и благосостояние дома абсолютно взаимозависимы и, можно предположить, имеют общую точку схода в понятии «очаг», вокруг которого концентрируется риторика А. Бордо.

Понятие «очаг» является сквозным, т. е. принадлежащим обеим категориям, и объединяющим элементом для образов семьи и дома, именно через образ очага происходит соприкосновение двух категорий и наделение их сакральным значением: без домашнего очага (не физического, но архетипического) семья – это собрание индивидуумов, без семьи дом – безличное помещение, не имеющее выхода во временное пространство и не являющееся архетипическим образом.

По Бордо категория традиции является вневременной – под ней не подразумевается явление, принадлежащее сугубо прошлому, но явление, на сохранение и передачу которого должно быть ориентировано настоящее. Таким образом, человек, существующий в семейной парадигме, постоянно чувствует одновременно поддержку дома и ушедших поколений, но также и бремя ответственности за его сохранение, т. е. он живет в обособленном хронологическом пространстве семейного дома и оказывается постоянно включен во временной поток как прошлого, так и будущего:

Il sait qu'il ne périra pas tout tout entier et que le souvenir de ses actes demeurera dans sa maison,

comme les traits de son visage réapparaîtront sur des jeunes figures [цит. по: Ferchat, 1912, с. 159]. – ...Он знает, что не исчезнет полностью, и что память о его поступках сохранится в его доме так же, как черты его лица, которые вновь проступят на лицах молодых поколений.

Бордо развивает эту мысль в своем сборнике эссе, утверждая категорию «очага» ключевой также на следующем уровне, на уровне общества в целом и родной страны в частности:

L'idée de foyer est inseparable de l'idée de patrie [Bordeaux, 1918, с. 14]. – Понятие очага неразрывно связано с понятием родины.

Там же он утверждает, что минимальной клеткой общества и национальности является не отдельная личность, но одна семья, поскольку она сама по себе представляет общество в микрокосме, обладающее внутренней иерархией и традициями. Данная категория не распадается далее на более мелкие единицы, т. е. на индивидуальные образы, она сама по себе является минимальной возможной единицей, которая может стать основанием для страны и общества.

В романе А. Барбюса пространство дома, напротив, является атрибутом образа строго индивидуального – точно так же, как и пространство мира, в которое оно входит. Автор подчеркивает невозможность существования дома и образа дома в пространстве войны: одной из центральных глав романа становится глава XII «Портик», в которой герои совершают вылазку в родную деревню солдата Потерло, который надеется вырваться хотя бы на время из пространства войны и вернуться домой. Однако это возможно только через прошлое, через пространство памяти, поскольку настоящее существует в пространстве войны, деревня уничтожена и используется санитарями как временный склад для тел погибших солдат. Образ дома, идиллическая картина прошлого сталкиваются с апокалиптической картиной настоящего и разрушаются в результате этого столкновения:

Он в отчаянии ломает руки, он еле стоит на ногах среди щебня и досок. Он ищет то, что было в его доме: уют комнат, отрадную тень. Все это развеяно по ветру. Затерянный на этой загроможденной равнине, где нет никаких примет, он смотрит в небо, как будто там можно что-нибудь найти (А. Барбюс, *Огонь*).

Ключевым для данной сцены является факт того, что семья солдата жива, живы даже соседи,

разрушено именно физическое место, но и этого разрушения хватает, чтобы потрясти героя до глубины души – его потрясает именно невозможность вернуться домой, разрушение сакрального пространства дома, дома «онирического», «дома грез», «убежища», как его обозначил Г. Башляр в своей работе «Земля и грезы о покое», посвященной анализу пространственных архетипов:

Как только мы отправляемся жить в дом из воспоминаний, реальный мир мгновенно исчезает. <...> Он далек, этот дом, он утрачен, мы там больше не живем, мы <...> уверены, что никогда больше не будем там жить. И тогда он становится больше чем просто воспоминанием. Это дом грез, наш онирический дом [Башляр, 2001, с. 93].

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРИРОДЫ

Природа в поэтике Бордо также имеет сакрализованное значение. Важно отметить, что речь идет как о дикой природе родного края как таковой, так и о природе «цивилизованной», т. е. об окультуренных придомовых землях. Они играют принципиально разную роль в поэтике автора: дикая природа родной провинции зачастую связана с проблемой национальной идентичности; окультуренная природа придомовой земли связана с проблемой семейности. Одним из основных отличий города от провинции является отсутствие в городе плодородной земли, принадлежащей дому. Окружающие поля являются такой же полноправной частью образа дома, как и внутренние помещения, поскольку они тоже содержат в себе память семьи – Франсуа Роквиллар в обработанных полях вокруг семейного поместья видит результаты трудов своих предков, подчинивших некогда дикую природу и надстроив над ней смысловое пространство дома, тем самым придав земле временную протяженность.

В своем эссе «*Les pierres du foyer: essai sur l'histoire littéraire de la famille française*» Бордо развивает эту мысль, утверждая не только семейное пространство дома, но и пространство плодородной придомовой земли как непереносимое условие для сохранения и передачи традиции-памяти, как основное средство преодоления личностного ужаса перед смертью и перехода в семейную парадигму:

...en face de la mort qui paralyserait toute marche en avant, la continuité Terrestre, cette première forme de l'immortalité [Bordeaux, 1918, с. 14] – ...перед лицом смерти, парализующей всякое движение вперед, продолжение в земле – первая форма бессмертия.

Более того, понятия наследия и моральных традиций связываются им в первую очередь даже не с семейным домом, но с обработанным полем, в земле, на которой буквально высечена работа поколений. Бордо утверждает:

On ne travaille pas pour s'agrandir soi-même, mais pour durer [Bordeaux, 1918, с. 14]. – Мы работаем не для расширения собственных владений, но чтобы иметь продолжение.

Ключевой особенностью пространственной дихотомии в романе Барбюса является разделение не только на пространства войны и мира, но также на пространства войны и природы. Автор неоднократно описывает пространство войны через элементы, характерные для пространства природы. Это касается как вышеупомянутых описаний людей-военных через атрибуты животных, так и описаний оружия с помощью этих же атрибутов:

Свист. А-а, шальная пуля! Пуля? Не может быть! Это дрозд!

<...>

Несколько человек увидело нечто черное, заостренное, похожее на дрозда со сложенными крыльями, когда клювом вперед он падает с высоты, описывая дугу (А. Барбюс, *Огонь*).

Характерной особенностью описания пространства войны становится смешение элементов животного, собственно природного и технического. По мере прочтения данное смешение становится всё более нарочито искусственным: можно предположить, что Барбюс определяет пространства войны и природы не как родственные, но как равновеликие. Следуя логике того, что природа выступает традиционным инструментом мироздания в культуре и литературе вплоть до XIX века, можно также предположить, что это является подтверждением существования пространства войны, замкнутого и обособленного от всего остального мира. Война – человеческое творение, чуждое миру в своей искусственности, но не имеющее созидательного намерения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенности построения хронотопа ярчайшим образом отражают отношение А. Бордо и А. Барбюса к современному авторам ценностному и нравственно-этическому кризису. Особую роль в формировании данного кризиса играет категория времени – обращение к ней

в художественном тексте является попыткой проанализировать данный кризис. В частности, можно сказать, что авторы существуют в контексте кризиса исторического времени – актуальными на рубеже веков стали проблема выхода во вневременное пространство, пришедшее следом за концепцией смерти Бога ощущение конца времени, проблема существования в поствременном контексте. Таким образом, формирование временного ряда авторами является прямым отражением их восприятия современного кризиса и возможных путей их решения. У Бордо мы видим циклическое, традиционное восприятие времени, тесно связанное с локусами памяти – домом и семейным очагом. Время здесь ориентировано на прошлое, его сохранение и передачу новым поколениям. У Барбюса же господствует ощущение разрыва с прошлым, исторического тупика, безвременья войны как антимира.

Принадлежность персонажей к тому или иному хронотопу несет важную смыслообразующую функцию: в романе Бордо пространственно-временной образ дома обладает положительной коннотацией;

в романе Барбюса хронотоп войны имеет ярко выраженную отрицательную семантику. При этом важно подчеркнуть фактор добровольности нахождения в том или ином хронотопе: персонажи романа Бордо имеют возможность выбора – их решение является нравственным выбором, характеризующим образ. Герои романа Барбюса вынужденно оказываются в пространстве войны и не имеют возможности его покинуть – принадлежность к военному хронотопу не является нравственно определяющей для системы образов, однако сам хронотоп приобретает еще более отрицательную окраску.

Хронотоп в анализируемых романах играет роль не только композиционную, но и смыслообразующую для формирования авторской поэтики. Специфика пространственно-временной организации позволяет авторам воплотить концептуальный замысел произведений. В романе Бордо через оппозиционную пару «дом – город» выражается тоска по разрушающимся ценностям, традициям, вере в незыблемость устоев. В романе Барбюса хронотоп войны воплощает разрушение гуманистических ценностей, отрицание цивилизации и культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ferchat, J. Le Roman De La Famille Francaise: Essai Sur L'oeuvre De M. Henry Bordeaux. Paris: Plon-Nourrit, 1912.
2. Bordeaux, H. Les pierres du foyer: essai sur l'histoire littéraire de la famille française. Paris: Plon-Nourrit, 1918.
3. Башляр Г. Земля и грезы о покое / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001.

REFERENCES

1. Ferchat, J. (1912). Le Roman De La Famille Francaise: Essai sur L'oeuvre de M. Henry Bordeaux. Paris: Plon-Nourrit.
2. Bordeaux, H. (1918). Les pierres du foyer: essai sur l'histoire littéraire de la famille française. Paris: Plon-Nourrit.
3. Bachelard, G. (2001). Zemlja i grezy o pokoe = Earth and Reveries of Repose. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Царева Анастасия Владимировна

преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsareva Anastasia Vladimirovna

Lecturer at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.11.2023
25.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Художественное образование как механизм социализации и инкультурации в современной России

А. О. Гетманенко

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ana2170@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие художественного образования (в данном случае речь идет о начальной ступени художественного образования – детских школах искусств) на современном этапе. Автор выделяет проблемные векторы, требующие теоретического осмысления и выработки стратегических и тактических решений развития системы художественного образования: вопрос культурных предпосылок и культурных оснований системы художественного образования, выводящего на первый план содержательное наполнение образовательных программ; вопрос культуросообразности современного художественного образования, соответствия результатов обучения заявленным ценностным ориентациям и определенным направлениям государственной культурной политики; вопрос укрепления воспитательного компонента художественного образования. Исследование основывается на элементах системного подхода.

Ключевые слова: художественное образование, традиционные ценности, культура, инкультурация, социализация, культуросообразность, культурные основания

Для цитирования: Гетманенко А. О. Художественное образование как механизм социализации и инкультурации в современной России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 150–155.

Original article

Art Education as a Mechanism of Socialization and Inculturation in Modern Russia

Anastasiya O. Getmanenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ana2170@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the problem of the development of art education (in this case we are talking about the initial stage of art education - children's art schools) at the present stage. The author identifies the main problem vectors that require theoretical understanding and development of strategic and tactical solutions for the development of the art education system: the issue of cultural prerequisites and cultural foundations of the art education system, bringing to the fore the content of educational programs; the issue of cultural conformity of modern art education, compliance of learning outcomes with stated value orientations and certain directions of state cultural policy; the issue of strengthening the educational component of art education. The research is based on elements of a systems approach.

Keywords: art education, traditional values, culture, inculturation, socialization, cultural conformity, cultural foundations

For citation: Getmanenko, A. O. (2024). Art education as a mechanism of socialization and inculturation in modern Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 150–155.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформации социокультурного контекста в русле выстраивания единого коммуникативно-го пространства обуславливают возникновение новых и преобразование традиционных механизмов инкультурации и социализации. Так, медиа-сфера, широко представленная социальными сетями и информационно-коммуникационными технологиями, становится пространством, в рамках которого ребенок с самого раннего возраста знакомится с культурными нормами, обращается к ценностно-смысловым основам. Важно учитывать, что открытость информационного пространства предоставляет возможность проникновения в него ценностям, чуждым российской культуре.

Развитие государственной культурной политики на современном этапе ориентировано на укрепление традиционных национальных духовно-нравственных ценностей. Это обуславливает необходимость обращения к тем механизмам, которые традиционно рассматривались как инструмент трансляции и укоренения ценностей – к сфере образования.

Пространство художественной культуры также является каналом, обеспечивающим формирование ценностного ядра нации, пространством репрезентации культурных ценностей в символической форме. Именно поэтому особое внимание в контексте вышеобозначенного вектора государственного развития обращается на художественное образование как механизм инкультурации и социализации.

Художественное образование – особая сфера, ориентированная на выявление талантов в области отдельных видов искусств, их раннюю профориентацию и как результат подготовку профессиональных кадров для сферы художественной культуры. Вместе с тем одной из функций образования является воспитательная, ориентированная в контексте художественного образования на эстетический компонент.

Приоритетом общественного развития России на современном этапе выступает ориентация на традиционные национальных духовно-нравственные ценности, их распространение и укоренение, что предполагает интеграцию аксиологического компонента в образование всех уровней и видов.

Образование в сфере искусств в России имеет многовековую историю, однако его институциональное формирование как трехступенчатой системы, где в качестве первой выступают детские школы искусств, приходится на начало 2000-х годов. Социокультурные преобразования требуют обогащения системы художественного образования, выработки культуросообразных решений, а также

внедрение методов, подходов, приемов работы, обеспечивающих реализацию приоритетов развития сферы культуры и образования как ее элемента на современном этапе.

Целью данного исследования является выделение основных проблемных векторов развития и усовершенствования системы художественного образования на современном этапе.

Методы исследования:

- теоретический анализ трудов отечественных авторов, основанный на общенаучных методах познания (сравнение, абстрагирование, анализ, синтез, индукция, дедукция);
- системный анализ: понимание культуры как системы, в центре которой стоит человек, а функциональную основу представляют коммуникации, интегрирующие внутренние процессы (в том числе творческую деятельность) и материал культуры [Хрестоматия по работам Г. П. Щедровицкого, 2012].

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Тенденции развития российского общества под влиянием геополитических тенденций, экономических ограничений, попыток искажения исторических событий и обесценивания подвига Победы в Великой Отечественной войне обусловили трансформацию культурной политики государства в вектор охранительной: так, в ежегодном Послании Президент Российской Федерации Федеральному собранию в 2023 году была отмечена важность укрепления общих ценностей, национальной идентичности, что, безусловно, должно отражаться в сферах образования и культуры: «Культура призвана служить добру, красоте, гармонии, размышлять над порой очень сложными, противоречивыми вопросами жизни, и главное – не разрушать общество, а пробуждать лучшие человеческие качества»¹.

Проблема ценностных оснований образования обсуждается с момента встраивания России в Болонский процесс, когда опасения социологов, культурологов, педагогов были связаны с риском размывания традиционных национальных ценностей и их замещения ценностями Запада, имеющими материально-утилитарную основу. При этом уже в 2014 году Указом Президента Российской

¹Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию 2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565>. Дата обращения: 29.01.2024 г.

Федерации были утверждены «Основы государственной культурной политики», в соответствии с которыми государственная культурная политика была выведена в статус национального стратегического приоритета, основы обеспечения национальной безопасности, а в качестве одной из целей государственной культурной политики определяется передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения¹. В 2022 году, после утверждения «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных»² ценностей, были внесены изменения в определения основных понятий, используемых в Законе об образовании в Российской Федерации: например, воспитание стало подразумевать в качестве необходимого создание условий самореализации личности на основе социокультурных, традиционных духовно-нравственных ценностей. Очевидно, что трансформация дефиниций и подчеркнутая в них роль ценностного обогащения воспитательного процесса как элемента образования является руководством к достижению целей, обозначенных в вышеуказанных законодательных и подзаконных актах.

Художественное образование является одним из значимых элементов культуры России. Обладая колоссальным воспитательным потенциалом, оно обеспечивает не только вовлечение детей разного возраста в творческую деятельность, знакомство с различными элементами художественной культуры, инкультурацию и социализацию, но и формирование системы ценностей личности. Постигая символический язык различных видов искусства (музыкального, танцевального, изобразительного, театрального и т. п.), ребенок не только приобщается к богатейшей истории данного художественно-эстетического направления, но и, знакомясь с историко-культурным контекстом, постепенно выстраивает собственное миропонимание и мировосприятие, ядром которого становятся духовно-нравственные ценности.

После распада СССР учреждения первой ступени художественного образования (детские школы искусств) были отнесены к учреждениям

клубного и кружкового типа, что предопределяло как снижение качества подготовки, так и деградацию самой системы. Реформистским и в некоторой степени революционным казалось выделение в структуре детского художественного образования двух видов реализуемых образовательных программ – предпрофессиональных (ориентированных на выявление талантов и их раннюю профориентацию) и общеразвивающих (приоритетом которых должно было стать приобщение широких масс к художественной культуре, формирование просвещенного в области искусств человека).

Важно отметить, что на законодательном уровне отсутствует официальное понятие «художественное образование», что в рамках теоретических исследований часто приводит к многообразию трактовок. Так, художественное образование часто рассматривается как система учреждений, ориентированных на подготовку специалистов в области художественно-изобразительных видов искусств (живопись, графика и др.). Условимся, что в рамках нашего исследования будет принят широкий подход к пониманию художественного образования, под которым будет пониматься образование в области искусства.

Анализ системы художественного образования в России позволяет выделить следующие ступени:

- 1) *начальная ступень* институционально представлена детскими школами искусств (по видам), а содержательно – предпрофессиональным и общеразвивающими программами. Важно отметить, что данная ступень в рамках принятой в России системы образования относится к дополнительному образованию детей и взрослых;
- 2) *средняя ступень*, к которой мы отнесли учреждения среднего профессионального образования (колледжи искусств);
- 3) *высшая ступень*, к ней нами отнесены учреждения высшего образования (по видам искусств), реализующие программы бакалавриата, магистратуры, аспирантуры и ассистентуры-стажировки (по отдельным направлениям).

Предметом рассмотрения в рамках представленного исследования выступает первая ступень художественного образования, целевой аудиторией которой являются дети от 6,5 до 18 лет. Выстроенная в России система художественного образования уникальна и не имеет аналогов в мире.

В СССР была разработана система подготовки выдающихся кадров – музыкантов, художников, танцоров и др. Используемые программы и подходы обеспечивали не только выстраивание

¹ Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. N 808. СЗ РФ. 2014. No 52 (часть I). Ст. 7753. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf>

² Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 9.11.2022. № 809. СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977. URL: http://pravo.gov.ru/news/ob_utverzhdenii_osnov_gosudarstvennoy_politiki_po_sokhraneniyu_i_ukrepleniyu_traditsionnykh_rossiysk_101122/

воспитательного процесса в рамках идеологии, но и высокий уровень подготовки выпускников.

В настоящий момент система художественного образования находится в стадии восстановления и модернизации. Возникают попытки интеграции эффективных в прошлом образовательных практик в новый социокультурный контекст, что обуславливает возникновение ряда проблемных полей.

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК МЕХАНИЗМА ИНКУЛЬТУРАЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Г. А. Аванесова, О. Н. Астафьева, А. Я. Флиер неоднократно отмечали, что развитие культуры предполагает сочетание традиций и модернизации, историко-культурной устойчивости и творчества. По мнению М. С. Кагана, художественная культура – независимая от культуры подсистема, которую нельзя однозначно отнести к материальной или духовной культуре [Каган, 1978]. При этом именно в художественной культуре данная дихотомия сливается в некоторое единство: являясь пространством творческой реализации личности в символической форме, она предоставляет условиях репрезентации как индивидуально-личностных, так и общественных (характерных для конкретного исторического периода) взглядов, идей, традиций, а также служит каналом, обеспечивающим взаимодействие субъектов вне пространственно-временных ограничений. В художественной культуре есть свой символический язык, посредством которого производится кодировка ценностей. Таким образом, художественная культура выступает также в роли коммуникативного пространства: «Занимаясь художественной деятельностью, человек овладевает языком «второй реальности», во время которой отбирает поступки и интерпретирует их в свете своего эстетического идеала. Это позволяет людям исследовать окружающее пространство и развивать свой духовный мир, значительно обогащает их социальный опыт и является синтезированным человеческим навыком, сочетающим в себе способность учиться, творить, общаться и ориентироваться в ценностях. Таким образом, художественное развитие мира оказывается интегративной деятельностью, в которой пересекаются все другие виды деятельности» [Петрова, 2021, с. 368].

Формирование личности ребенка, процессы его социализации и инкультурации предполагают освоение культурных норм, способов действия,

основ коммуникации, ядром которых являются ценности. Как отмечает С. Б. Синецкий, ценности осваиваются и принимаются субъектом осознанно, составляя достаточно подвижный элемент культуры [Синецкий, 2011]. Образование же, с позиции культурологии, рассматривается как ключевой механизм трансляции, укоренения, распространения и даже трансформации ценностей. Вышесказанное предопределяет высокий уровень ответственности, возлагаемый на систему образования и художественного образования, в частности. Проблема ценностного обогащения художественного образования сопряжена с рядом проблем.

Ребенок как субъект художественной культуры в рамках образовательного процесса выступает:

- 1) слушателем – ориентация на восприятие;
- 2) исполнителем – ориентация на овладение техникой исполнения;
- 3) творцом – приоритет творческого компонента (как в смысле создания нового, так и индивидуальной исполнительской интерпретации произведений).

Данные роли актуализируются в реализуемых организациями сферы художественного образования в контексте определенных образовательных программ. Дополнительные общеобразовательные программы в области искусств, как было отмечено, разделяются на два типа. При этом общим для них является то, что в качестве основы и результата рассматривается овладение определенным материалом, иными словами, приобщение к объектам художественной культуры в контексте обозначенных выше ролей. Очевидно, что рассматриваемые образовательные программы создаются на основе системно-деятельностного подхода, что на практике часто приводит к редукции ценностной составляющей образования. Это обуславливает возникновение двух проблемных векторов: вопрос культурных предпосылок и культурных оснований системы художественного образования, выводящего на первый план содержательное наполнение программ. Именно в рамках данного вектора может и должна найти свое разрешение ситуация, при которой субъекты образовательного процесса (ученик и педагог, в частности) становятся «заложниками» требований, предъявляемых к уровню подготовки обучающегося. В результате на практике это часто приводит либо к снижению мотивации, прекращению занятий, либо к стремлению к достижению определенных показателей, выводящих вопрос качества образования в плоскость исключительно достижений.

Вторым проблемным вектором выступает вопрос культуросообразности современного художественного образования, которое является

элементом культуры. В данной плоскости актуализируется вопрос соответствия результатов обучения заявленным ценностным ориентациям и определенным направлениям государственной культурной политики, в рамках которой на базе укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей должны быть выстроены, с одной стороны, сохранение культурного наследия, с другой – творческая личностная реализация.

Важно указать также на специфику коммуникативного пространства, в которое включен ребенок. С самого раннего возраста он становится субъектом коммуникации не только внутри семьи, коллектива сверстников, друзей и т. п., но и интегрируется в глобальное медиа-пространство. О. Н. Астафьева, Н. В. Тарасова, Е. В. Соловьева, И. В. Челнышева неоднократно обсуждали вопрос, касающийся проблемы информационной детской безопасности. В контексте художественного образования данная проблематика также актуальна: с одной стороны, раскрываются широкие возможности для приобщения к классическим образцам художественной культуры (чему способствуют, в частности, и цифровизация культуры – организация онлайн-выставок, создание медиаресурсов, где можно посмотреть театральные постановки или прослушать концерты), с другой – обеспечивается свободный доступ к разным объектам массовой художественной культуры. И в данном контексте возникает некоторая внутрисистемная разобщенность: художественное образование как элемент культуры в рамках существующих моделей преобразуется либо в элитарное направление, устанавливающее ценз по уровню развития способностей и освоения технических приемов, либо, следуя тенденциям модернизации, активно развивает современные направления, что часто приводит к преобразованию деятельности учреждений в культурно-досуговую, институционально соответствующую учреждениям данного типа.

Вместе с тем незамкнутость коммуникативного пространства, создает потенциал развития системы художественного образования, возможность интеграции в образовательный процесс практик, ориентированных, с одной стороны, на определенные образовательными программами цели и задачи, с другой – создающие форматы, адаптированные для восприятия обучающимися, обеспечивающие лучшее усвоение ими материала. Кроме того, медиасреда выступает также платформой для обмена опытом, выстраивания партнерских отношений между учреждениями как внутри системы, так и вовне. Всё это может служить инструментом преодоления некоторой изоляции, характерной для детских школ искусств.

Требует теоретического осмысления вопрос укрепления воспитательного компонента художественного образования. Здесь важно отметить, что ориентация на трансляцию и возвращение традиционных национальных духовно-нравственных ценностей не может и не должно опираться исключительно на такие тактические решения, как стимулирование приема обучающихся на направления, связанные с народной исполнительской традицией, активное продвижение отдельных видов образовательных программ. Воспитательный компонент не может быть искусственно насаждаем: ценностные основания должны быть положены в основу реализуемых образовательных программ, что требует, с одной стороны, межведомственного взаимодействия по вопросам переработки образовательных программ с их учетом, с другой – интеграции социокультурных проектных практик в деятельность учреждений данной сферы. Актуальной представляется также активизация использования партисипативных технологий, ориентированных на вовлечение родительской общественности, обучающихся, педагогического коллектива и местного сообщества в разработку и реализацию проектных решений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что разрешение обозначенных выше проблем требует выработки стратегии развития художественного образования как подсистемы культуры на государственном уровне, а также обеспечения согласованности достижения стратегических задач на уровне тактическом. Являясь одновременно предметом регулирования ведомств в сфере образования, просвещения и культуры, выстраивание подсистемы художественного образования требует согласованности действий, выработки единообразных стандартов, опирающихся на необходимость достижения целей государственной культурной политики. Без подобных решений невозможно обеспечить встраивание художественного образования в культуру как механизма, обеспечивающего трансляцию ценностей, сохранения культурного наследия и подготовки кадров сферы культуры.

Особо важно подчеркнуть роль экспертного сообщества в подготовке и выработке подобных решений. Культурологические исследования в данном контексте могут и должны стать основой определения стратегических решений в обозначенной сфере, без которой невозможно обеспечение соответствия определяемых на государственном уровне приоритетов тактическим действиям, принимаемым на местах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хрестоматия по работам Г. П. Щедровицкого. М.: Альпина паблишер, 2012.
2. Аванесова Г. А., Астафьева О. Н. Культурная политика и национальная культура: перспективы стратегического вектора современной России // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 193–202.
3. Каган М. С. Социальные функции искусства. Л., 1978.
4. Петрова С. И. Художественная культура как отражение объективного мира человека // Бюллетень науки и практики. Т. 7. № 7. 2021. С. 366–370.
5. Синецкий С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2011.

REFERENCES

1. Shchedrovitsky, G. P. (2012). Putevoditel' po osnovnym ponyatiyam i skhemam metodologii organizatsii, rukovodstva i upravleniya. Hrestomatiya po rabotam G. P. Shchedrovitskogo = Guide to the basic concepts and schemes of the methodology of organization, leadership and management. Reader based on the works of G. P. Shchedrovitsky. Moscow: Al'pina publisher. (In Russ.)
2. Avanesova, G. A., Astafieva, O. N. (2015). Cultural policy and national culture: prospects of the modern Russian strategic vector. Yaroslavl Pedagogical Bulletin, 5, 193–202. (In Russ.)
3. Kagan, M. S. (1978). Social'nyj funktsii iskusstva. Leningrad = Social functions of art. Leningrad. (In Russ.)
4. Petrova, S. I. (2021). Hudozhestvennaya kul'tura kak otrazhenie ob'ektivnogo mira cheloveka. Byulleten' nauki i praktiki = Artistic culture as a reflection of the objective world of man. Bulletin of science and practice, 7(7), 366–370. (In Russ.)
5. Sinetsy, S. B. (2011). Kul'turnaja politika XXI veka: ot precedenta Istorii k proektu Budushhego = Cultural policy of the 21st century: from the precedent of history to the project of the future: monograph. Chelyabinsk: Encyclopedia. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гетманенко Анастасия Олеговна

кандидат психологических наук
старший преподаватель кафедры мировой культуры
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Getmanenko Anastasiya Olegovna

PhD (Psychology)
Senior Lecturer at the Department of World Culture
Institute of Humanitarian and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.12.2023
28.01.2024
04.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 78.071(470.23-25)"19"

«Я тебе сватаю большой талант»: творческие связи Александра Зилоти и Михаила Гнесина (к юбилею музыкантов)

С. В. Горобец

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия
sv1357@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из ярких страниц музыкальной жизни начала XX в. – сотрудничеству Александра Зилоти и Михаила Гнесина. Анализируются совместные выступления музыкантов, их активная музыкально-общественная деятельность, внесшая огромный вклад в развитие художественной культуры Петербурга. Цель статьи – охарактеризовать сочинения Гнесина, исполняемые по рукописям в антрепризе Зилоти в 1908–1912 гг. Повод для публикации юбилеи музыкантов, которые отмечались в 2023 году – 160-летие со дня рождения А.И. Зилоти и 140-летие со дня рождения М. Ф. Гнесина.

Ключевые слова: Александр Ильич Зилоти, Михаил Фабианович Гнесин, Петербург, антреприза «Концерты А. Зилоти», музыкальное чтение

Для цитирования: Горобец С. В. «Я тебе сватаю большой талант»: творческие связи Александра Зилоти и Михаила Гнесина (к юбилею музыкантов) // Вестник Московского лингвистического государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (883). С. 156–161.

Original article

“I’m Wooing a Great Talent for You”: Creative Connections of Alexander Ziloti and Mikhail Gnesin (for the anniversary of the musicians)

Svetlana V. Gorobets

St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russia
sv1357@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to Alexander Ziloti and Mikhail Gnesin. The article analyzes the joint performances of musicians, their active musical and social activities, which made a huge contribution to the development of the artistic culture of St. Petersburg at the beginning of the twentieth century. The purpose of the article is to characterize Gnesin’s works performed according to manuscripts in the Ziloti enterprise in 1908–1912. The anniversaries of the musicians, which took place in 2023 – the 160th anniversary of the birth of A. I. Ziloti and the 140th anniversary of the birth of M. F. Gnesin, are an excellent reason to once again refer to their creative biography.

Keywords: Alexander Ilyich Ziloti, Mikhail Fabianovich Gnesin, Petersburg, enterprise “Concerts of A. Ziloti,” music reading

For citation: Gorobets, S. V. (2024). “I’m wooing a great talent for you”: creative connections of Alexander Ziloti and Mikhail Gnesin (for the anniversary of the musicians). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(883), 156–161.

Личность < ... > своеобразна и неповторима < ... >
и вместе с тем личность социальна, в ней
есть наследие коллективного < ... >
она исторична, она реализует себя в обществе
и в истории.

Н. А. Бердяев

ВВЕДЕНИЕ

В начале XX века в культурной жизни наблюдались поиски новых выразительных средств, которые отразились в различных направлениях живописи, литературы, музыки. Свой путь искали музыканты, многие из которых потом приобрели мировую известность как, например, Александр Скрябин, Сергей Прокофьев, Игорь Стравинский; а кто-то остался в истории – Михаил Штейнберг, Сергей Василенко, Феликс Блюменфельд. Но есть имена, которые, к сожалению, вспоминают весьма редко. О них и пойдет речь в данной статье.

Для многих музыкантов и любителей музыки имена Михаила Гнесина и Александра Зилоти зачастую ассоциируются больше с Москвой, чем с Петербургом, а тем более не с понятием «новая музыка».

ТВОРЧЕСКИЕ СВЯЗИ АЛЕКСАНДРА ЗИЛОТИ И МИХАИЛА ГНЕСИНА

Большая семья Гнесиных знакома всем музыкантам, она внесла значительный вклад в развитие художественной культуры и образования в России. Действительно, сестры Гнесины – Елена, Ольга, Мария, Евгения и Елизавета – занимались образованием детей, открыли московское музыкальное училище (с 1944 г. – Музыкально-педагогический институт, а ныне – Российская академия музыки имени Гнесиных). Их брат, Михаил Гнесин (1883–1957) часто остается в стороне, в тени имен сестер. Это, безусловно, несправедливо, ведь он – заслуженный деятель искусств РСФСР (1927), лауреат Сталинской премии (1946), автор более пятидесяти вокальных и камерных сочинений, музыки к спектаклям и кинофильмам, оперы «Юность Авраама» (1923), доктор искусствоведения, профессор по классу композиции Московской и Ленинградской консерваторий, среди его учеников – Тихон Хренников, Арам Хачатурян, Валерий Салманов, Альберт Леман, Георгий Мушель, Сергей Скребков, Евгений Светланов.

Михаил Фабианович Гнесин по своей природе был скромным человеком, объективным и строгим относительно своего творчества и очень требовательным к себе. Лишенный внешнего тщеславия, равнодушный к вопросам личной материальной выгоды, он в течение всей своей жизни сохранял

удивительную духовную свободу, тонкий вкус художника, рассказчика, слушателя.

Главной заслугой М. Ф. Гнесина следует считать музыкально-просветительскую работу, которая основным стержнем проходила через все грани его творчества [Аникиенко, 2015; Сычева, 2013]. И в этом направлении своей «путеводной звездой» Гнесин считал Александра Ильича Зилоти (1863–1945), а дружбу с ним «какой-то фантастикой» [Гнесин, 2016, с. 129]. В воспоминаниях Гнесина читаем:

Все, что наобещал мне Зилоти, шаг за шагом и очень быстро осуществлялось – как по написанному. <...> Того, что было сделано Зилоти для меня, не перечислить! Но воспоминания мои о нем отнюдь не только потому светлы и радостны, что овеяны чувством величайшей благодарности за исключительное участие в личной моей артистической судьбе [там же, 2016, с. 130].

Первое знакомство Михаила Гнесина с Александром Зилоти произошло в 1908 году у Надежды Ивановны Забелы-Врубель, известной в то время оперной певицы, жены художника Михаила Александровича Врубеля. Александр Ильич и его супруга Вера Павловна – урожденная Третьякова, старшая дочь известного коллекционера Павла Третьякова, очень уважали и любили Врубеля. Надежда Забела нередко выступала в концертах Зилоти. А в 1910 году, после смерти Врубеля, Зилоти организовывал концерт его памяти, средства от которого пошли на памятника большому русскому художнику. В государственном Русском музее в зале № 68 была выставлена картина М. Врубеля «Н.И. Забела-Врубель и А.И. Зилоти за роялем» (1904), она же вошла в каталог выставки 2022 года «Врубель. К 165-летию со дня рождения»¹.

Александр Ильич Зилоти в Петербурге на протяжении пятнадцати лет, с 1903 по 1918 год, проводил абонементные и камерные концерты. Неукротимая энергия Зилоти, его практический ум и талант менеджера позволяют нам рассматривать эту личность как социокультурный феномен, который уникален по многогранности своего таланта и его выражения. Ведь он знаменитый пианист, много гастролировал по странам Европы, с 1901 по 1903 год был дирижером Московского филармонического общества, три года преподавал в Московской консерватории, продолжая развивать идеи своих учителей Н. С. Зверева, Н. Г. Рубинштейна, Ф. Листа. Одной из многочисленных заслуг Зилоти следует считать пропаганду сочинений молодых композиторов как русских, так и зарубежных. Благодаря

¹Врубель. К 165-летию со дня рождения. Виртуальный Русский музей. URL: https://rusmuseumvrm.ru/online_resources/virtual_tours/virtualniy_tur_mihail_vrubel/index.php?lang=ru

своей антрепризной организации «Концерты А. Зилоти», которую он создал в Петербурге в 1903 году, появилась возможность представлять слушателям новые сочинения, и тем самым прокладывая им путь к исполнению [Горобец, 2014; Горобец, 2015].

А. И. Зилоти тяготел ко всему новому в искусстве – новые имена, сочинения, направления живописи, скульптуре, музыке, театре и т. п. Очевидный интерес Зилоти испытывал к творчеству петербургских композиторов начала XX века, причастных к школе Н. А. Римского-Корсакова – О. Акименко, С. Василенко, М. Гнесин, А. Губенко, С. Прокофьев, Л. Саминский, М. Штейнберг, В. Щербачев, Р. Мервольф, Юлия Вейсберг. Зачастую Зилоти первым исполнял по рукописям их сочинения. Композиторы были очень благодарны ему и посвящали свои сочинения Зилоти, что подтверждается надписями на титульных листах партитур.

Гнесин всю жизнь продолжал дело своего учителя Н. А. Римского-Корсакова в области педагогики, просветительства, общественной деятельности и профессионального творчества. Он восхищался учителем, но отстаивал свою самостоятельность в творчестве. Гнесин, как и Зилоти, был открыт ко всему новому. Он сам говорил, что в нем было постоянное стремление к «новым берегам, к постижению лучшего, прогрессивного как в жизни, так и в искусстве и в науке» [Гнесин, 1961, с. 213].

Зилоти считал Гнесина восходящей звездой молодой русской школы. Его привлекало в сочинениях Гнесина свежесть музыкального языка, поиск новых идей в музыкальном искусстве. В шестом сезоне зилотиевских концертов в зале Дворянского собрания в 3-м абонементном концерте 22 ноября 1908 года прозвучало симфоническое произведение Гнесина на которое его вдохновила драма английского поэта П. Б. Шелли «Освобожденный Прометей» в переводе К. Бальмонта. Называлось это сочинение «Из Шелли» для голоса и фортепиано ор. 18. Исполнено оно было в концерте по рукописи. Зилоти оценил в этом произведении поэтичность концепции, оркестровую красочную фактуру.

В седьмом концертном сезоне 1909 / 1910 года 18 марта 1910 года в концерте Зилоти был исполнен романс Гнесина «Воздушная птичка». Романсы Гнесина, а их более семидесяти, производили прекрасное впечатление на слушателей. Зилоти привлекало в ранних романсах переосмысление самого жанра романса. В письме от 8 апреля 1908 года он писал Б. П. Юргенсону: «Это не романсы, а музыка к стихотворению, т. е. дуэт для пения и фортепиано, т. е. камерное произведение»¹.

Гнесин стремился организовать чтение стиха с помощью музыки, чтобы избежать распространенной будничности. Нетрадиционное сочетание текста и музыки он называл «музыкальным чтением». О нем неоднократно говорил в своих докладах. Впоследствии Гнесин вел занятия музыкального чтения в петербургской студии Всеволода Мейерхольда, занимаясь с актерами чтением античных стихов. Музыка для ритмического музыкального чтения, написанная композитором, давала возможность осуществлять стройное музыкальное хоровое чтение, соответствующее стилю античных трагедий. К. С. Станиславский сначала с не доверием к новому направлению чтения, но через полтора года признал достижения Гнесина и пригласил его провести курс музыкального чтения с актерами Художественного театра. «Музыкальное чтение – это такое чтение, произнесение поэтического текста, которое, не переставая быть речью, не превращаясь в пение или в речитатив, является тем не менее музыкой, стоит по законам музыкального искусства» – писал известный литературный критик Сергей Бонди [Бонди, 1961, с. 81].

Главный принцип музыкального чтения заключался в том, что при произношении текста, необходимо было учитывать ритм, высоту нот, различать акцентные и неакцентные слоги. Гнесин стремился организовать чтение стиха с помощью музыки, чтобы избежать распространенной будничности. Он высоко ставил декламационное начало в вокальном исполнении. При исполнении должна была присутствовать и эмоциональная сила, и романтическая взволнованность, и вокальная интонация.

Гнесина отличало хорошее знание и ощущение поэзии, он очень тщательно подходил к процессу выбора текста. Он писал романсы на стихи А. Блока, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, В. Брюсова. Творчество Гнесина, его приобщенность к литературному течению «символизм» выражалась в сложности музыкального языка и глубокой эмоциональности. Это можно проследить по ор. 2 (1907) «Из современной поэзии» куда входили «Снежинки» (на слова поэта-символиста В. М. Волькенштейна) и «Чайка» (слова К. Бальмонта).

В восьмом концертном сезоне 5 декабря 1910 года в Малом зале консерватории в рамках 4-го камерного концерта антрепризы Зилоти впервые прозвучала одночастная Соната-баллада для виолончели и фортепиано ор. 7 Гнесина. Партия фортепиано – А. И. Зилоти, виолончели – Пабло Казальс. Исполнители с большим увлечением взялись за работу над новым произведением, в котором много искренности, глубокой эмоциональности, изысканных гармонических оборотов и новизна звучания.

¹РГАЛИ: ф. 931. Оп.1. Ед. хр. 40. Л. 42/

После премьерного исполнения мнение критиков было неоднозначным. Одни считали произведение положительным, другие – высказывались отрицательно, но талант Гнесина никто не отрицали. Соната-баллада была посвящена А. И. Зилоти как первому исполнителю и открыла новый этап развития сонатного жанра – сонаты-баллады. Эта соната-баллада долгое время была единственным произведением, написанным для сольного инструмента и фортепиано.

В девятом сезоне 1911/1912 года в зале Дворянского собрания в рамках 7-го абонементного концерта 7 января 1912 года по рукописи было исполнено сочинение М. Гнесина «Врубель» – симфонический дифирамб для оркестра и голоса ор. 8 (солистка Н. И. Забела-Врубель). Ей композитор и посвятил это сочинение. В те дни «Русская музыкальная газета» писала о незаурядности сочинения, его идеи и изложения (*Русская музыкальная газета* 1912. № 3. Стлб. 78–79).

В 1913 году в третьем камерном концерте Зилоти звучали романсы Гнесина, наряду с произведениями современных французских композиторов – Ж. Ж. Роже-Дюкаса, М. Равеля, К. Дебюсси. «Все композиторы стремились создать что-то новое, г. Гнесину безусловно удалось два хороших романса “Снежинки” и “Под березой” – в них виден вдумчивый музыкант, умеющий говорить умно и подчас убедительно» – писал Б. Тюньев в очень известном издании того времени «Русской музыкальной газете» (*Русская музыкальная газета*. 1912. № 3. Стлб. 78–79).

Композиторы-современники считали за честь участвовать в зилотиевских концертах. Михаил Гнесин вспоминал: «Когда Зилоти помогал нам, молодым композиторам, он делал всё для того, чтобы «протолкнуть» написанное сочинение в жизнь. Даже если ему лично оно не особенно нравилось, но, по его мнению, было достаточно значительным для появления в печати или на эстраде, то прилагал все усилия к тому, чтобы этого добиться. <...> Все это он устроил в своей обычной скромной манере. Необыкновенно характерно для Зилоти: помощь оказывать надо, где и когда можно, но знать об этом не должен никто, и благодарить тоже нельзя. Удивительный человек!» (прив. по [Оссовский, 1971, с. 412–413]). Благодаря содействию Зилоти в 1911 году Гнесин смог побывать в Германии и Франции для ознакомления с музыкой и музыкальной жизнью западных стран.

Зилоти всегда помогал молодым музыкантам, следуя своему жизненному кредо «Самое большое счастье – помогать другим, самое большое несчастье – не иметь возможность всем помочь»¹. Он са-

моотверженно поддерживал Игоря Стравинского, Максимилиана Штейнберга, Сергея Прокофьева включая в программу концертов их сочинения. В их судьбах заслуга Зилоти неоценима. Например, в известном издательстве Бориса Петровича Юргенсона в 1908 году вышли в свет первые произведения М. Ф. Гнесина, в которых Зилоти делал корректуру. В издательстве Юргенсона не было жюри для оценки предлагаемых для издания сочинений, как, например, было в издательстве М. Беляева, но Юргенсон считался с мнением Зилоти и всегда доверял ему.

В письме Юргенсону Зилоти писал: «В Питере появился – для меня совершенно новый – молодой композитор, М. Гнесин. < ... > Гнесин сейчас никого не имеет издателем, и если увижу в воскресенье, что я не ошибся – то я тебе сватаю *большой талант!*» [Гнесин, 2016, с. 125]². В дальнейшем фирма Б. П. Юргенсона³ издавала сочинения Гнесина до 1918 года и платила композитору 50 рублей за романс, чему Гнесин был несказанно рад, больше этой суммы получали только Н. А. Римский-Корсаков и С. В. Рахманинов.

В многочисленных общественных и концертных делах Александру Ильичу Зилоти помогала его супруга, верный друг и помощник – Вера Павловна Зилоти. Сохранились ее письма сестре Александре, в которых она неоднократно упоминала Михаила Гнесина как человека слова. И Гнесин отзывался о семье Зилоти и Вере Павловне с теплотой и любовью. «Какая это была прелестная семья – Зилоти! Милая, редкостно умная женщина, гостеприимная хозяйка, скрывающаяся при всех деловых разговорах мужа, сильно волнуясь за него и боясь его разволновать, была тайным консультантом Александра Ильича <...>. Какая это была умница!» – восхищался Верой Павловной М. Гнесин [Гнесин, 2016, с. 131].

В процессе общения и переписки можно отметить важные личностные качества Зилоти: отзывчивость, бескорыстную помощь, сердечность, доброту. В период материальных затруднений Гнесина Зилоти купил ему пианино, на котором музыкант играл до конца своих дней. Из их переписки можно заметить неподдельный интерес Зилоти к работе над новыми сочинениями молодого композитора, а со стороны Гнесина – тепло, симпатию и уважение к Зилоти. Так, в письмах Гнесин обращался к Зилоти: «Мой дорогой и милый

² Письмо А. И. Зилоти – Б. П. Юргенсону от 31 марта 1908 г. (подчеркивание в тексте автора письма – А. И. Зилоти).

³ Юргенсон Борис Петрович (1868–1935) – известный музыкальный издатель, музыковед, совладелец музыкально-издательской фирмы, совершенствовал технику нотопечатания, дружил со многими русскими музыкантами.

¹ ОР РНБ. Ф. 459. Ед. хр. 1. С. 12.

Александр Ильич!», а завершал их словами «До свидания, милый, дорогой, любимый Александр Ильич» [Письма, 1963, с. 297].

Русский музыкальный фонд, созданный в Петербурге в 1916 году по инициативе Зилоти, оказывал помощь музыкантам и их семьям. Известен факт, что часть денежных средств от последнего выступления в России Сергей Рахманинов передал в кассу фонда и просил выдать композитору М. Ф. Гнесину, пианисту Г. И. Романовскому и виолончелисту Н. Н. Логановскому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И сегодня роли Зилоти в становлении молодого музыканта Михаила Гнесина и пропаганде его

творчества недооценена. Внести ясность в этот вопрос, представить вклад Зилоти в признание молодых композиторов русской школы и помочь им обрести широкую известность мы постарались этой публикацией.

Судить о достижениях М. Гнесина в композиторском творчестве вряд ли можно в сравнении с яркими его современниками, например, С. Прокофьевым, И. Стравинским и др. Гнесин не входит в список звучных имен и его деятельность до сих пор, к сожалению, мало освещена. Однако его просветительская деятельность имеет большое значение, так же как и просветительская деятельность А.И. Зилоти, которая стала во многом определяющей для развития отечественной музыкальной культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аникиенко С. В. Музыкально-общественная и творческая деятельность М. Ф. Гнесина в Екатеринодаре (источниковедческий аспект): автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 2015.
2. Сычёва Г. С. Просветительство в композиторской, общественной, научно-педагогической и публицистической деятельности Михаила Гнесина: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 2013.
3. Гнесин М. А. И. Зилоти. Воспоминания // Александр Ильич Зилоти (1863–1945): альбом (к 150-летию Московской консерватории) / ред. сост. М. Д. Соколова. М.: Московская консерватория, 2016.
4. Горобец С. В. Петербургский период творчества Александра Зилоти // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры. 2014. № 4. С. 120–124.
5. Горобец С. В. Обзор репертуара «Конcertов А. Зилоти» // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2015. № 4. С. 53–60.
6. Гнесин М. Ф. Сборник статей, воспоминаний, материалов. Сост. и общ. ред. Р. В. Глезер. М.: Советский композитор, 1961.
7. Бонди С. О музыкальном чтении М. Ф. Гнесина // Гнесин М. Ф. Сборник статей, воспоминаний, материалов. Сост. и общ. ред. Р. В. Глезер. М.: Советский композитор, 1961.
8. Оссовский А. В. Второй симфонический концерт А. И. Зилоти // Музыкально-критические статьи (1894–1912). Общ. ред. и вступ. ст. Ю. А. Кремлева. Л.: Музыка, 1971. С. 412–413.
9. Письма русских корреспондентов // Александр Ильич Зилоти. 1863–1945: воспоминания и письма / сост., пред. и прим. Л. М. Кутателадзе. Л.: Музгиз, 1963.

REFERENCES

1. Anikienko, S. V. (2015). Muzykal'no-obshchestvennaya i tvorcheskaya deyatel'nost' M. F. Gnesina v Yekaterinodare (istochnikovedcheskiy aspekt) = Musical, social and creative activity of M. F. Gnesin in Yekaterinodar (source study aspect): abstract of PhD in Art History. Rostov-on-Don. (In Russ.)
2. Sycheva, G. S. (2013). Prosvetitel'stvo v kompozitorskoy, obshchestvennoy, nauchno-pedagogicheskoy i publitsisticheskoy deyatel'nosti Mikhaila Gnesina = Enlightenment in the composer, public, scientific, pedagogical and journalistic activities of Mikhail Gnesin: abstract of PhD in Art History. Rostov-on-Don. (In Russ.)
3. Gnesin, M. (2016). A. I. Ziloti. Vospominaniya = M. I. Ziloti. Memoirs. In Sokolova, M. D. (ed.), Aleksandr Il'ich Ziloti (1863–1945): album (dedicated to the 150th anniversary of the Moscow Conservatory). Moscow: Moskovskaya konservatoriya. (In Russ.)
4. Gorobets, S. V. (2014). Petersburg period of the creation of Alexander I. Ziloti. Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture, 4, 120–124. (In Russ.)

5. Gorobets, S. V. (2015). Obzor repertuara «Kontsertov A. Ziloti» = Review of the repertoire of "Concerts of A. Ziloti". Actual problems of higher music education, 4, 53–60.
6. Gnesin, M. F. (1961). Sbornik statey, vospominaniy, materialov = Collection of articles, memoirs, materials. Comp. and general ed. R. W. Glezer. Moscow: Sovetskiy kompozitor.
7. Bondi, S. (1961). O muzykal'nom chtenii M. F. Gnesina = On musical reading of M. F. Gnesin. In Gnesin M. F. Sbornik statey, vospominaniy, materialov. Comp. and general ed. R. W. Glezer. Moscow: Sovetskiy kompozitor.
8. Ossovsky, A. V. (1971). Vtoroy simfonicheskiy kontsert A. I. Ziloti = The second symphony concert of A. I. Ziloti. Musical and critical articles (1894–1912) (pp. 412–413). General. ed. and entry. art. Yu. A. Kremlin. Leningrad: Muzyka.
9. Kutateladze, L. M. (ed.). (1963). Pis'ma russkikh korrespondentov = Letters from Russian correspondents. In Alexander Ilyich Ziloti. 1863–1945: memoirs and letters. Leningrad: Muzgiz.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горобец Светлана Владимировна

доктор культурологии

профессор кафедры фортепиано Санкт-Петербургского государственного института культуры

ORCID 0000-0002-5028-2099; SPIN 7271-6118

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorobets Svetlana Vladimirovna

Doctor of Culturology (Dr. habil.)

Professor at the Piano Department, St. Petersburg State Institute of Culture

ORCID 0000-0002-5028-2099; SPIN 7271-6118

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.11.2023
22.12.2023
22.01.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 2 (883)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 2 (883)**

Ответственные за выпуск:

Ю. В. Карташевская
кандидат филологических наук, доцент
Л. В. Моисеенко
доктор филологических наук, доцент

Editors:

Yuliya V. Kartashevskaya
PhD (Philology), Associate Professor
Lilia V. Moiseenko
Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Редактор: Н. Г. Павлова

Верстка: А. В. Алымов

Разработка макета: А. Алымов

Editor: N. G. Pavlova

Layout: A. V. Alymov, Yu. L. Guerassimova

Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 28.03.2024

Усл. печ. л. 20,3

Формат 60х90/8

Заказ № 22/24

Signed for print: 28.03.2024

Conventional printed sheets: 20,3

Layout format 60x90/8

Order 22/24

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

© FSBEI HE MSLU, 2024

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».